

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ
БЕЗУМЦЫ

Издательство
"Детская литература"

(Ш)

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1964

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

Б Е З У М Ц Ы

Рисунки
Н. КРИВОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

НЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
КОТОРЫХ
НЕ СОВЕРШИЛИ
И
НЕ СПОСОБНЫ
СОВЕРШИТЬ
ФАШИСТЫ.
ФАШИЗМ ЖИВ.
ОН НАБИРАЕТ
СИЛЫ.
ОН НАДЕЕТСЯ,
ЧТО
ПРИДЕТ ВРЕМЯ,
КОГДА
ВСЕ
МОЖНО БУДЕТ
НАЧАТЬ СНАЧАЛА.

СВИДЕТЕЛЬ ШРАЙБЕР:

ГРУППЕНФЮРЕР СС ПРОФЕССОР ГЕБГАРДТ ПРОИЗВОДИЛ ОПЕРАЦИИ ЧЕРЕПА РУССКИМ ВОЕННОПЛЕННЫМ И ЗАТЕМ УМЕРЩВЛЯЛ ЛИЦ, ПОДВЕРГШИХСЯ ОПЕРАЦИИ, ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВИТЬ ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ДЕФОРМАЦИЮ КОСТЕЙ...

СВИДЕТЕЛЬ ПАХОЛЛЕГ:

НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ВЫЗЫВАЛИ У ЛЮДЕЙ ТАКОЕ ДАВЛЕНИЕ В ГОЛОВЕ, ЧТО ОНИ СХОДИЛИ С УМА... В СВОЕМ БЕЗУМИИ ОНИ РАЗРЫВАЛИ СЕБЕ ЛИЦО И ГОЛОВУ НОГТЯМИ...

*Из материалов Нюрнбергского процесса
над главными военными преступниками.*

ОТ АВТОРА

Тот памятный вечер Кирилл Карцов провел дома. Уже давно стемнело и за окном стихли шумы улицы, а он все сидел у стола. Радио донесло перезвон курантов. В Москве была полночь. Здесь же, на Каспии, истек первый час новых суток.

Карцов встал, походил по комнате, вернулся к столу и пододвинул к себе развернутую газету. Это был обычный номер западногерманского «Курир» — восемь полос убористого текста и контрастных фото, оттиснутых на тонкой бумаге, несколько страниц рекламы, затем вкладыш с продолжением какого-то романа. Большая статья в правом нижнем углу первой полосы была заключена в черную рамку.

Газета была годичной давности, но оказалась у Карцова только теперь, да и то по чистой случайности. Утром он зашел ко мне в редакцию договориться о предстоящих спусках под воду: на завтра были назначены погружения в районе затонувшего в древности города, а Карцов не только врач, но и подводный исследователь.

Подводные пловцы работают парами, охраняя друг друга, как это делают в бою истребители. При погружениях я — напарник Карцова. Вот он и заглянул ко мне, чтобы заранее все уточнить.

Обложившись газетами, я сидел за составлением обзора. Здесь были издания социалистических стран, номера французской «Монд» и лондонских «Таймс» и «Обсер-

вер», бюллетени агентств. Разговаривая, я рылся в подшивках, затем отпер шкаф и выволок толстую пачку газет из архива.

Тут-то Карцов и увидел «Курир». Он так и впился глазами в статью в правом нижнем углу первой полосы газеты.

Он в совершенстве знает немецкий, но поначалу не сама статья в траурной рамке взволновала его. Фотография, заверстанная в центре статьи, — вот от чего он не мог оторвать глаз!

— Кто это? — осторожно спросил я.

— Абст.

Меня как пружиной подбросило. Я схватил подшивку, взгляделся в заголовок статьи с фотографией. Невероятно! Очевидно, в суতোлке дел я проглядел этот номер газеты.

— Некролог... — прошептал я, опускаясь на стул. — Как же так?..

Карцов не ответил. Потом он встал, направился к двери.

— Возьми ее, если хочешь, — сказал я.

Он обернулся.

— Возьми газету, — подтвердил я, — тебе она нужнее.

Он вернулся к столу, сложил «Курир», сунул в карман.

...В то утро Карцов долго бродил по улицам города, больше часа провел на Приморском бульваре. Он сидел у самой кромки воды, привалившись к спинке скамьи, расслабив вытянутые ноги.

Как бы ни был он утомлен, стоило ему оказаться у моря, и усталость отступала. Но сейчас он глядел на Каспий и не видел ни бухты, ни горбатого острова на

горизонте, ни буксировщиков и катеров, которые в эту пору во множестве снуют от причала к причалу.

День догорал. Аллею пересекали синие тени. И ветер, который не унимался с утра, теперь притих, будто притомился. Два скутера, вздыбив носы, промчались вдоль каменного парапета бульвара и унеслись в море. Оглушительный треск их моторов вернул Карцова к действительности. Поднявшись со скамьи, он зашагал домой.

Сейчас он в своем кабинете. И с немецкой газеты на него смотрит Артур Абст.

Вот какой некролог напечатан по поводу смерти этого человека.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Гибель капитана цур зее¹ Артура Абста.

Мы обнажаем головы перед памятью героя.

Ведется строгое расследование.

Телеграф принес скорбную весть. У восточных берегов Австралии погиб капитан цур зее в отставке доктор Артур Абст — ветеран войны, кавалер многих орденов и медалей, видный ученый и турист.

Полгода назад доктор Абст начал длительное путешествие. Его тридцатитонный тендер² «Зеевольф» пересек Атлантику и некоторое время крейсировал у берегов США. Ненадолго задержавшись во Флориде, яхта приняла на борт супругу хозяина, которая проводила июль в Майами.

Затем «Зеевольф» спустился к югу и прошел Панамский канал. Оказавшись в Тихом океане, он взял курс на Австралию. Гавайи, острова Гилберта и Санта Крус — таковы этапы этого сложного перехода.

¹ Капитан цур зее — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует капитану первого ранга (полковнику).

² Тендер — тип одномачтового судна с косыми парусами.

да. Миновав Новые Гебриды, доктор Абст пересек с востока на запад Коралловое море. Он был у цели: перед бушпритом «Зеевольфа» простирался Большой Барьерный риф. Начинался прилив, и огромные валы с грохотом дробились о коралловые стены этого величайшего чуда природы.

Здесь, у Большого рифа, где неповторимы богатства и краски океанской флоры и фауны, Артур Абст решил совершить несколько спусков под воду.

И первый же день стал для него роковым.

Ясным солнечным утром доктор Абст надел акваланг и ушел на глубину. Через несколько минут, закончив пробное погружение, он всплыл, и тогда с борта яхты ему подали легкий подводный буксировщик с укрепленной на нем кинокамерой. Опробовав их, пловец нырнул.

Солнце поднималось все выше. Супруга доктора фрау Бригита читала на палубе. Единственный матрос яхты сидел неподалеку и дремал. Был штиль. Лишь легкая зыбь колыхала море. Казалось, ничто не предвещало несчастья.

А оно надвигалось.

Прошло минут десять, потом еще столько же. Бригитой Абст стало овладевать беспокойство. Минуты бежали, и тревога росла, хотя было известно, что трехбаллонный акваланг Артура Абста позволяет находиться под водой длительное время.

Истекло три четверти часа. Фрау Бригита отбросила книгу и приказала матросу принести ей респиратор, чтобы спуститься к доктору.

Матрос подал ей маску и ласты, помог надеть баллоны.

Но фрау Бригита не покинула яхту, ибо в это мгновение доктор Абст всплыл. Он едва держался на воде и знаками просил о помощи.

Матрос кинулся в море, подтянул пострадавшего к яхте.

С борта ему помогала фрау Бригита.

Когда Артура Абста подняли на палубу, он был без сознания. Фрау Бригита поспешила в каюту за кофеином, матрос же стал делать хозяину искусственное дыхание, ибо предполагалось, что доктор отравился углекислотой, содержавшейся в плохо отфильтрованном воздухе акваланга.

Шприц был принесен. И тут случилось непоправимое. Едва игла коснулась кожи пострадавшего, он судорожно изогнулся, перевалился через низкий планшир и скрылся под водой.

Длительные поиски результата не дали — в этом месте, у границы материковой отмели, коралловая стена рифа отвесно уходит на огромную глубину.

Так погиб ветеран и герой войны, исследователь и спортсмен доктор Артур Абст.

Пучина хранит тайну гибели благородного сына нации.

Ведется строгое расследование.

Карцов откладывает газету. Артур Абст!.. Сколько же ему было в войну? Что-то около тридцати. Тридцать или немногим больше. Значит, сейчас было бы под пятьдесят?.. Да, на фотографии — человек хорошо сохранившийся, но уже немолодой. У него расчесанные на пробор блестящие темные волосы, высокий лоб, чуть скошенный к темени. Нос, подбородок, овал лица безупречны. Однако все портит отвисшая, будто безвольная, нижняя губа. Даже на снимке видно, какая она вялая и мокрая. А в маленьких зрачках Абста затаилась холодная, расчетливая жестокость.

Перед Карцовым встает финал их боя.

Зеленый мерцающий сумрак.

Кровь, вытекающая из раны в бедре, здесь, на пятнадцатиметровой глубине, тоже зеленоватая.

И — Абст, который прекратил сопротивление и погружается...

Карцов не раз собирался поведать людям об Абсте. Все пережитое в «I-W-I» — подводном логове Абста — плюс трофейные документы абвера¹ и СД², с которыми ему довелось ознакомиться, — все это создавало картину достаточно полную.

¹ Абвер — военная разведка и контрразведка гитлеровской Германии.

² СД — служба безопасности.

Он брался за перо. Но отвлекали дела, казавшиеся более срочными, и записи возвращались в ящик стола. К тому же Карцов был убежден, что до конца рассчитался с Абстом. Оказалось, ошибся: каким-то образом Абст уцелел и умер только недавно.

Но, быть может, не стоит ворошить старое? Сколько вокруг нового, интересного!..

Нет, сто́ит!

К западу от Эльбы всюду превозносят фашистов: и образца 1933 года, и современных. Ведь объявили же Абста чуть ли не национальным героем!

Абст уже никому не причинит зла. Однако у него много единомышленников, которые живы, действуют, рвутся к атомному оружию, к власти.

Надо рассказывать людям о черных делах гитлеровцев, обрушивать на фашистов удар за ударом, пока не исчезнет с лица земли последний приверженец свастики.

Эти записки — ответ на некролог в «Курир».

Часть первая

I-W-I

Первая глава

18 марта 1939 года в три часа пополудни из центрального подъезда берлинской резиденции Гитлера на Фосштрассе вышел плотный, коренастый мужчина средних лет. Он был в штатском, но верзилы-эсэсовцы, стоявшие у входа с карабинами на плече, приветствовали его как офицера высокого ранга.

Человек сошел на тротуар и сел в поджидавший его автомобиль.

Где-то за Александерплац он коснулся тростью плеча шофера. Тот подал автомобиль к тротуару, притормозил и, выскочив на панель, распахнул заднюю дверцу.

— Я буду здесь... — Хозяин автомобиля показал на кафе с полосатыми маркизами на окнах. — Вы мне не понадобитесь. Поезжайте.

Садясь за руль, шофер видел: хозяин неторопливо направляется к кафе.

Машина скрылась за поворотом. Тогда мужчина с тростью, следивший за ней уголком глаза, свернул и пошел вдоль тротуара. В коротком широком пальто, какие в ту весну только входили в моду в Берлине, в твердой кастровой шляпе с загнутыми вверх куцыми полями и с тростью под мышкой он был неотличим от тысяч фланеров, заполнявших улицы германской столицы в предвечерние часы. На самом же деле человек этот (назовем его Фридрих Кан) имел весьма высокий чин в ОКВ¹, руководя важнейшими направлениями гитлеровской военной разведки и контрразведки.

Показалось такси. Фридрих Кан подозвал его, сел и уехал.

Берлин бурлил. Толпы фашиствующих молодчиков бесновались вокруг трибун, с которых выкрикивали речи заправилы НСДАП². Из окон жилых домов и учреждений, с балконов и крыш, с телеграфных столбов и деревьев свисали портреты Гитлера и нацистские флаги — длинные полотнища цвета запекшейся крови, с белым кругом и черной свастикой посередине. Типографии выбрасывали все новые выпуски газет, в которых смаковались подробности вступления гитлеровских войск в Прагу: в эти дни Германия завершала оккупацию Чехословакии.

Поездка на такси была длительной — автомобиль пересекал огромный город. Постепенно широкие шумные магистрали сменились тихими улочками с коттеджами в палисадниках. Затем потянулись корпуса заводов. Здесь уже не было ни флагов, ни орущих газетчиков. По углам стояли группы молчаливых людей.

Кан вышел у станции пригородного электропоезда, уплатил шоферу ровно столько, сколько значилось на счетчике, аккуратно прихлопнул за собой дверцу и направился к станционным кассам. Здесь он задержался, разглядывая расписание.

Он ждал, чтобы отъехала машина.

А шофер, которому не хотелось возвращаться без седока, медлил. Прошло несколько минут. Убедившись, что

в этом рабочем районе пассажира не заполучить, водитель наконец включил мотор. Автомобиль тронулся.

Фридрих Кан отошел от касс и неторопливо пошел к темневшему на горизонте лесу. Он не сделал и сотни шагов, как с ним поравнялся старенький «оппель». Дверь машины отворилась. Кан сел в кабину, и «оппель» резво побежал по дороге.

Пассажир сидел неподвижно, стиснув руками трость. Еще не прошло волнение, испытанное им в кабинете Гитлера. Он долго готовился к этой аудиенции, выверил все детали. Казалось, успех обеспечен. А вышло по-другому...

Итак, два часа назад на письменный стол Гитлера легла пачка фотографий. Верхняя изображала человека в резиновом костюме в обтяжку и с дыхательным аппаратом на груди. Широко расставив ноги в литых каучуковых лапах, пловец стоял на берегу моря и глядел в объектив.

На следующем фото двое пловцов в таких же костюмах сидели верхом на торпедо, целиком погруженной в воду.

Еще десяток снимков был сделан под водой: пловец в резиновом костюме и с дыхательным прибором буксирует сигарообразный подрывной заряд; тот же человек прикрепляет заряд к килю корабля; двое легких водолазов берутся с разобранный управляемой торпедой — ее кормовая часть лежит на дне, зарядное отделение подвешено к корабельному винту.

Гитлер склонился над карточками.

— Наши? — спросил он, разглядывая фотографии.

— Итальянцы, мой фюрер! — ответил с гордостью Фридрих Кан. — Тайна, которую они берегут пуще глаз.

— Торпеды... — Гитлер поднял голову, в раздумье пожевал губами, прищурился. — Вижу, вам они очень нравятся?

— Управляемые торпеды, которые вместе с людьми уходят под воду и мчатся к цели, невидимые и неслышные. — Кан положил руки на стол, подался вперед. — Они легко проникают в тщательно охраняемые базы противника и топят военные корабли, танкеры... Взрывы

¹ ОКВ — верховное командование вооруженных сил в гитлеровской Германии.

² НСДАП — официальное название фашистской партии.

сотрясают воздух и воду, по морю разливается горящая нефть, пожары охватывают десятки других судов. Повсюду смятение, ужас, смерть!..

Кан умолк. Он был убежден: вот сейчас в глазах Гитлера вспыхнут огоньки бешенства, рука вдавит кнопку звонка. Вбежавшему адъютанту будет приказано вызвать командующего военно-морским флотом Редера. И тогда на голову незадачливого адмирала, проворонившего важную военную новинку итальянцев, обрушится страшный гнев фюрера.

Что ж, Фридрих Кан не стал бы возражать — Эриха Редера, в короткий срок сделавшего блестящую карьеру в ОКМ¹, он весьма недолюбливал.

Долго тянулась минута, в продолжение которой Гитлер разглядывал фотографии. Кан с бьющимся сердцем стоял возле стола, не сводя глаз с фюрера.

— Чепуха! — вдруг сказал Гитлер. — Чепуха, Кан!

И собрав карточки, веером отшвырнул их на край стола.

Кан молчал. Он был ошеломлен.

— Не узнаю вас, — продолжал Гитлер. — Неужели вы полагаете, что эти игрушки помогут нам покорить Польшу, а затем и Россию?

— Мой фюрер, я думал...

— Тогда, быть может, Францию?

— И не Францию, — пробормотал Кан. — Я не ее имел в виду.

— Кого же?

— Англию, мой фюрер. Англия — это острова...

Гитлер рассеянно поглядел на разведчика:

— Острова? Разумеется! Но они будут взяты воздушным десантом, или десантом с моря, или задушены блокадой — я не решил еще, как. Однако при всех обстоятельствах флот Британии должен оказаться здесь! — Гитлер выставил руки с растопыренными пальцами, медленно сжал их в кулаки. — Я захвачу его, Кан, а не отправлю на дно, как этого добиваетесь вы. Постарайтесь понять, что без британского флота нам никогда не поставить на колени Америку!.. Что же касается нового могущественного оружия нации, сверхоружия, оружия

¹ ОКМ — главное командование военно-морских сил в гитлеровской Германии.

победы, то оно будет! Я ценю вашу предусмотрительность и энергию, но торпеда, которую мы создадим, это воздушная торпеда, летающая!..

Возникла пауза.

Гитлер сидел, постукивая по столу пальцами.

— Америка!.. — прошептал он. — Ее атакуют со всех сторон: немцы, итальянцы, японцы. — Неожиданно он встал, всем корпусом повернулся к собеседнику. — Однако самое важное — Россия. Запомните, Кан: Россия — это противник номер один!

Снова возникла пауза. Гитлер стоял, глядя в пространство, занятый какими-то своими мыслями.

Вот, словно очнувшись, он показал подбородком на фотографии и почти ласково спросил:

— Ну, а если мой друг Муссолини проведает, что вы шарили у него в карманах? Храни вас боже, Фридрих Кан. Случись такое, и за вашу жизнь я не дам и гроша!

Вторая глава

Солнце клонилось к горизонту, когда «оппель» выехал на берег большого озера. Возле деревянной пристани покачивался катер. В кокпите¹, привалившись к штурвалу, сидел человек в сером свитере, спортивных брюках и круглой вязаной шапочке.

Это был Артур Абст.

Завидев автомобиль, он вскочил с места, помог Кану перебраться на борт судна.

— Надеюсь, все хорошо? — спросил он, включив мотор.

Кан покачал головой, отвернулся.

Умело сманеврировав, Абст вывел катер на чистую воду и взял курс к далекому лесистому острову.

— Что же все-таки произошло? — спросил он.

Кан стал рассказывать о недавней аудиенции.

Еще в первую мировую войну, когда младший офицер разведки германского военно-морского флота Фридрих

¹ Кокпит — открытый ящик (кабина) в кормовой части палубы яхт и моторных катеров, где помещается рулевой.

Кан создавал на побережье Африки тайные базы снабжения германских подводных лодок, еще в те годы рука об руку с ним активно работал его коллега, тоже матерый разведчик и диверсант, Эгон Манфред Абст.

Закончив дела в Африке, оба разведчика получили новое назначение. Кан сделался военным дипломатом, Манфред Абст — его помощником. Оба работали в Мадриде, в германском посольстве. Но вскоре счастье изменило Абсту. Во время одной из операций близ Гибралтара английские часовые подстрелили его. Перед смертью Манфред Абст поручил Кану заботы о своем малолетнем сыне Артуре.

Так судьба свела этих двух людей. Кан присматривал за Артуром Абстом, пока тот воспитывался в лицее и затем изучал медицину в университете Кельна.

Абста отличала энергия, умение наблюдать. Он овладел несколькими языками, отлично плавал, стрелял, проявил определенные музыкальные способности. При всем том он никогда не терял над собой контроля, многое умел, но ничем не увлекался всерьез, кроме разве психиатрии и нейрохирургии...

После сокрушительного поражения Германии в мировой войне 1914—1918 годов Кан не впал в уныние. Он знал: пройдет немного времени, и прусский дух вновь во весь голос заговорит в немцах. А тогда первое, что потребуется Германии, это хорошо поставленная разведывательная служба.

Так оно и случилось. 1935 год Фридрих Кан встретил на весьма ответственном посту во вновь организованной военной разведке третьего рейха. К этому времени относятся и первые самостоятельные шаги Артура Абста, теперь уже молодого медика и офицера разведки.

Катер подходил к острову, когда Кан закончил рассказывать о том, что произошло в кабинете Гитлера. Он не скрыл ни единой мелочи, ибо полностью доверял воспитаннику. Абст имел право знать о диалоге Гитлера — Кана еще и потому, что именно он, Абст, добыл фотографии итальянских подводных пловцов и водителей управляемых торпед. За все время рассказа Абст не проронил ни слова. Он даже ни разу не взглянул на собеседника.

Лишь время от времени проводил языком по темным, будто пересохшим губам. Такая у него была привычка: слушать, молчать, глядя куда-то в сторону...

Катер пристал. Они вышли, поднялись на откос, миновали просеку в густом сосновом бору и оказались перед приземистым домом — на первый взгляд обычной дачей. Однако, присмотревшись, можно было заметить замаскированные в кустарнике посты охраны.

Охранялся и дом, и остров, да и само озеро. Полновластным хозяином всего этого был Артур Абст. На острове находилась его лаборатория, зашифрованная индексом «I-W-I». Несколько работников разведки, ведавшие снабжением лаборатории, а потому знавшие о ее существовании, были информированы: корветен-капитэн¹ доктор Артур Абст занимается сложными исследованиями в области лечения душевнобольных новейшими средствами нейрофармакологии; его работы имеют важное значение для Германии.

Было известно: время от времени из различных клиник страны в лабораторию «I-W-I» транспортируют группы больных. Их привозят и оставляют на острове. Здесь они проходят сложный курс лечения, цель которого — вернуть их обществу.

То, что больные не возвращались, никого не тревожило: для Артура Абста подбирались клиенты, не имевшие родственников и близких. Да и кого могла интересовать судьба каких-то умалишенных в это столь насыщенное событиями время, когда бесследно исчезали тысячи здоровых, известных всей стране людей!..

Артур Абст и в самом деле занимался исследованиями. Однако главная задача, порученная ему Фридрихом Каном, заключалась в другом и к медицине отношения не имела. Здесь, на уединенном острове, в полной изоляции от внешнего мира, Абст готовил группу подводных разведчиков и диверсантов.

Фотографии, которые Кан показывал Гитлеру, были сделаны прошлым летом. Именно тогда случай помог Абсту проникнуть в район секретной базы итальянских подводных пловцов, расположенной неподалеку от Специи. Один из его агентов — конюший в имении герцога

¹ Корветен-капитэн — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует капитану третьего ранга.

Сальвиати — срочно потребовал свидания. Чутье подсказало Абсту: его вызывают не зря. Поэтому, оставив все дела, он помчался на явку.

И он не ошибся. Агент поведал о странных делах, творящихся неподалеку от имения, на взморье. Здесь, в крестьянских домах, из которых были выселены их владельцы, или просто в палатках на берегу, обосновалась большая группа итальянских военных моряков.

«Все молодые и здоровые, как на подбор, — докладывал агент, — все отличные пловцы. Дни напролет возятся в воде. И вот что удивительно — плавают не только на поверхности, но и подолгу скрываются в глубине, усевшись верхом на каких-то цилиндрах».

С помощью агента Артур Абст проник сперва в имение герцога, в тот период пустовавшее, а затем и на побережье. То, что он увидел, его ошеломило. И вот в распоряжении Абста пачка фотографий. Снимки сделал специальный фотограф группы итальянских пловцов, проявил пленку в ванной комнате замка и легкомысленно оставил ее там сушиться...

С уникальными фото Абст поспешил к своему патрону: снимки надо немедленно показать фюреру. Но Фридрих Кан рассудил по-другому. Он решил, что фюрер может и подождать. Сам же Кан не стал терять ни одного дня. Здесь, на острове, в спешном порядке была создана специальная группа во главе с Абстом, которая должна была любой ценой раскрыть секрет итальянцев, скопировать их аппаратуру и подготовить первую партию германских «людей-лягушек».

Однако немцам не удалось выкрасть чертежи военной новинки, а тем более — раздобыть экземпляр управляемой торпеды: итальянцы ревниво берегли свои секреты ото всех, включая германских друзей. Но, в сущности, в этом и не было особой нужды — специалисты из технического отдела разведки быстро разобрались в фотографиях Абста. Важна была идея, и они ее поняли.

Работа в «I-W-I» закипела. Вскоре опытные экземпляры торпед были изготовлены, группа подводных пловцов обучена. Теперь можно было идти к Гитлеру.

Фридрих Кан решил: в кабинете фюрера он начнет с итальянских фотографий. А уж потом, когда фюрер рассвирепеет и учинит разнос командованию флота, —

он, Кан, выложит главный козырь: доложит об Абсте и подготовленной им группе пловцов. Но, как известно, дело приняло иной оборот, и Кан должен был благодарить providение за то, что не поторопился с докладом по поводу деятельности лаборатории «I-W-I».

Третья глава

В камине, сложенном из глыб зеленоватого гранита, догорало большое полено. Время от времени на нем вспыхивали короткие синие языки пламени, и тогда из полумрака проступали неясные силуэты.

Уже давно стемнело. Ветер, который дул весь день, унялся, на остров легла тишина. Абст прошел к окну, распахнул его. В комнату хлынула влажная свежесть, и были в ней запахи стоячей пресной воды, и плесени, и топких, илистых берегов, и деревьев, намерзшихся за зиму, а сейчас возвращавшихся к жизни...

Кан зевнул, зябко поежился.

Абст обернулся:

— Вам нездоровится? Быть может, выпьете кофе?

Кан кивнул.

Вскоре слугитель вкатил столик с кофе и бутылкой коньяка, подбросил в камин дров.

Абст разлил кофе по чашкам, одну из них подвинул гостю.

— Что же нам делать? — спросил он. — Неужели прекратить все?

— Работай, Артур, работай спокойно. Мы на пороге большой войны. Она потребует много оружия. — Кан помолчал и закончил: — Бог знает, сколько миллионов людей предстоит истребить армиям рейха. Для этого пригодится любое оружие, какое только сможет изобрести человек! Лишь бы оно хорошо убивало...

Неожиданно за окном раздался стон.

Стон повторился. Он нарастал, делался громче, перешел в пронзительный вопль и оборвался.

Одним прыжком Абст оказался у двери, рванул ее и выскочил из комнаты.

А за окном уже слышались крики, топот, рычание, треск кустарника. В отдалении негромко хлопнул пистолетный выстрел.

В тот же миг оконное стекло разлетелось тысячей брызг, и в раме возникло лицо человека. Выкатившиеся из орбит глаза, всклокоченная черная борода, окровавленные кулаки, которыми человек молотил по раме, по остаткам стекла, — при виде всего этого Кан оцепенел.

Неизвестный втиснул в раму плечи, ухватился рукой за подоконник... Еще мгновение, и он будет в комнате!

Кан кинулся к камину, схватил тяжелую кочергу и принял оборонительную позу.

Но за окном появился Абст с помощниками, и человека оттащили. Еще несколько секунд слышался шум борьбы. Затем дом окутала тишина.

Все произошло молниеносно. На столе еще дымился кофе. В камине потрескивали дрова. Но подрагивала полусорванная с петель пустая створка окна, ковер был усыпан осколками стекла, и огонь камина отражался в них множеством веселых искорок.

Вернулся Абст.

Прерванная происшествием беседа возобновилась. Кан и его воспитанник вели себя так, будто ничего и не произошло.

Теперь темой разговора были пловцы. Абст докладывал: днем они тренируются в бассейне, ночью — на озере. Обстановка подходящая, глубины хорошие. Разработан и осуществляется целый комплекс подсобных упражнений, цель которых выработать и развить у пловцов храбрость, инициативу, находчивость. И все же это не то, что нужно.

— Чего же тебе недостает? — спросил Кан.

— Образно говоря, запаха крови. — Абст усмехнулся. — Звери, которых готовят для убийства, должны полюбить запах крови.

— Хочешь скорее пустить их в дело?

— Да. Необходимо, чтобы пловцы провели несколько операций. Они должны поверить в свои силы, убедиться в надежности и мощи нового оружия.

Абст продолжал объяснения, но Кан слушал рассеянно. Перед ним неотступно стояло лицо умалишенного, его глаза. Проходили минуты, и крепла уверенность: он уже видел где-то этого человека!

Кан встал с кресла, приблизился к камину, долго глядел на огонь. Затем он прошел к роялю в противопо-

ложном конце комнаты, задумчиво провел пальцем по полированной деке концертного Дидерихса.

Внезапно он обернулся:

— Бретмюллер?

Абст кивнул.

— Поразительно, — прошептал Кан, возвращаясь к креслу. — Бедняга, до чего он дошел. Очень плох?

Абст пожал плечами.

— Конечно, — пробормотал Кан, — конечно, если его отдали тебе... Жаль, очень жаль Бретмюллера. Это был хороший немец, хороший офицер.

Семь месяцев назад германская подводная лодка новой серии «Випера», только что вступившая в строй, была назначена в дальний поход. ОКМ объявило: лодка уходит в океан, чтобы проверить механизм в условиях длительного автономного плавания.

На деле же лодке поручили важное разведывательное задание, зашифрованное как «Операция Бибер»¹. Ей предстояло пройти несколько тысяч миль на юг и скрытно проникнуть в район расположения крупной базы военно-морского флота одного из потенциальных противников Германии. Лодка должна была изучить систему обороны базы, произвести промер глубин прилегающих к базе районов, взять пробы грунта, а главное — установить и нанести на карту весьма сложный фарватер в рифах, являющийся единственным подходом к базе.

«Виперу» отправили в поход. Проводы были торжественные. ОКМ старательно подчеркивало: оно ничего не скрывает, лодка уходит в обычное плавание.

Сменялись недели, а сведений о лодке не поступало. Первое время это не тревожило командование — в походе лодка должна была соблюдать радиомолчание.

Однако прошли все сроки, а «Випера» не вернулась. Поиски результата не дали. И лодку объявили пропавшей без вести.

А потом немецкий рефрижератор, следовавший с грузом бананов мимо той самой базы, выловил в море командира «Виперы». Офицер был в последней степени

¹ Биб е р — бобр (нем.).

истощения. Но если жизнь еще теплилась в нем, то разум несчастного был утрачен.

Фрегатен-капитэн¹ Ханно Бретмюллера доставили в Германию, где лучшие специалисты взялись за его лечение. Но все оказалось тщетно — больного признали безнадежным. И вместе с его разумом была похоронена тайна гибели «Виперы».

В конце концов моряка передали в «I-W-I». Бретмюллер был вдов и бездетен, не имел родственников, и Абст мог делать с ним все, что угодно...

Кан поднял голову и поглядел на Абста.

— Ну-ка, поговорим о Бретмюллере. Давно он у тебя?

Абст отпер шкаф, достал пачку карточек, отобрал нужную.

— Фрегатен-капитэн Ханно Бретмюллер доставлен в лабораторию сорок восемь дней назад, — сказал он, просмотрев запись.

— Что же с ним случилось?

Абст запер карточку в сейф, подсел к гостю, потер в задумчивости виски.

— Сегодня вы обязательно уедете? — спросил он. — Быть может, заночуете у меня?

— Но... зачем?

— Даже не знаю, как объяснить. — Абст помедлил, заглянул в глаза Кану. — Хотелось бы посвятить вас в одно любопытное дело.

— Говори!

— Это займет много времени. Оставайтесь, шеф, не пожалее. Вы, кроме всего прочего, отлично выспитесь — воздух здесь отменный, не то что в Берлине.

Кан задумался. Разведчик с многообещающим будущим, медик, уже зарекомендовавший себя смелыми экспериментами над заключенными в лагерях людьми, — все это странно синтезировалось в Абсте. Его жизнь проходила на глазах Кана, и тем не менее Кан не раз ловил себя на мысли, что по-настоящему Абста не знает.

¹ Фрегатен-капитэн — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует капитану второго ранга.

— Это связано с Бретмюллером? — спросил Кан.

— Да.

— Хорошо, я останусь. Но ты утверждал: он безнадежен?

— Увы, Бретмюллера уже ничем не вернуть к нормальной жизни. Однако мне удалось... Впрочем, будет лучше, если мы пройдем к нему. Вы всё увидите сами.

Фридрих Кан пожал плечами. Он решительно не понимал, зачем все это, но, хорошо зная Абста, не сомневался, что тот не стал бы беспокоить шефа по пустякам.

Кан тяжело поднялся с кресла.

— О, не так скоро. — Абст вновь отпер сейф, достал большую желтую папку. — Прежде чем посетить Бретмюллера, вам следует ознакомиться с этим.

И он положил папку на стол.

Кан раскрыл ее и увидел аккуратно подшитые листы с отпечатанным на машинке текстом. В карманчик на внутренней стороне обложки была вложена фотография Бретмюллера: красивый, элегантный моряк стоит перед камерой, заложив руки за спину.

— Здесь тайна гибели «Виперы», — сказал Абст.

— Лодки Бретмюллера?

— Да. В папке показания свидетеля катастрофы.

— Ты нашел человека, спасшегося с «Виперы»?!

— Спасся только Бретмюллер.

— Чьи же это показания?

— Бретмюллера.

— Кажется, умалишенный есть и в этой комнате! — Кан отшвырнул ногой каминные щипцы. — Пора наконец перейти к делу. Говори же, я слушаю!

— Все очень серьезно, — спокойно сказал Абст. — Вылечить Бретмюллера невозможно, это так. Однако мне удастся возвращать ему разум. Он приходит в себя на очень короткое время. Затем срок истекает — он впадает в буйство, подобное тому, что вы наблюдали недавно. Еще через час больной превращается в безгласное и бесчувственное существо — он лежит пластом, не в силах шевельнуть мизинцем.

— И в этой папке беседа с ним?

— Беседы, — поправил Абст.

— Но как ты добился такого результата?

— Лавры принадлежат не мне. — Абст повел плечом. — Вы слышали о Вильгельме Лоренце?

— Он военный?

— Врач-психиатр.

— Нет, не припомню.

— Быть может, вам что-нибудь скажет такое имя: Манфред Закель? Напрягите свою память, шеф.

— Тоже врач?

— Да, врач. И тот и другой — немцы. Первый живет в Америке, второй имеет собственную клинику в Берлине. Начинали они. Я же только развил их идеи и кое-что додумал... Простите, шеф, быть может, вы отдохнете, и мы позже продолжим наш разговор?

— Нет, говори сейчас.

— Хорошо. Так вот, Лоренц и Закель применяли цианистый натрий, инсулин и некоторые другие препараты. Воздействуя ими на пораженные недугом клетки головного мозга пациентов, оба врача добивались успеха даже в весьма тяжелых случаях. Но и они были бессильны против определенных форм безумия. Особенно если пораженными оказывались участки мозга близ таламуса.

— Таламус?

— Загадочный бугорок в центральной части мозга человека. О нем известно далеко не все. Во всяком случае, мне... Один из многочисленных секретов мозга, не раскрытых по сию пору.

— Продолжай, Артур, я внимательно слушаю.

— Так вот, в этих случаях обычные препараты не давали эффекта. Более того, применение их приводило к тому, что в клетках мозга начинался процесс разрушения. В большинстве необратимый. Именно такой болезнью, точнее, формой болезни, и страдает Ханно Бретмюллер. К сожалению, он слишком поздно поступил ко мне в лабораторию. Верьте, я сделал все, что в человеческих силах, чтобы хоть сколько-нибудь...

Кан нетерпеливо шевельнул плечом.

— Он погибнет?

— Да.

— А как же это? — Кан показал на желтую папку. — Ведь тебе кое-что удалось!

— К Бретмюллеру несколько раз и притом ненадолго возвращалось сознание. Это единственное, чего я до-

бился. Сперва он пришел в себя на пятьдесят минут, затем минут на сорок, на полчаса: при повторных инъекциях препарат действует все слабее. Приходится увеличивать дозу. А это нельзя делать бесконечно — в составе препарата сильный яд.

— Короче говоря?..

— Короче, теперь я могу ввести его больному последний раз.

— В моем присутствии?

— Да.

— Сегодня?

Абст кивнул.

— А потом?

— Он, вероятно, погибнет.

— И тоже сегодня?

— Видимо, да.

— Зачем же его тревожить? Не лучше ли, чтобы все произошло само собой? Черт возьми, Артур, он заслужил право умереть своей смертью!

— Сперва прочитайте это. — Абст указал глазами на желтую папку. — Прочитайте и будете решать.

Четвертая глава

Содержимое желтой папки

8 февраля 1939 года.

Первая группа инъекций.

Время — 14 часов 07 минут.

Больной лежит неподвижно, лицом вниз.

14 часов 14 минут. Дыхание стало глубже, темп медленнее. Лицо больного порозовело.

14 часов 21 минута. Периодичность дыхания приближается к нормальной. Наблюдаются конвульсивные подергивания конечностей.

14 часов 23 минуты. Больной, лежавший скрюченным, вытянулся, перевернулся на спину. Он ровно и глубоко дышит.

14 часов 25 минут. Плотные сжатые веки больного дрогнули. Он приоткрыл глаза, провел языком по губам.

14 часов 26 минут. Глаза открыты. Больной пытается сесть.

14 часов 28 минут. Полное восстановление сознания.

Бретмюллер. Где я нахожусь?

Абст. В госпитале.

Бретмюллер. Вы врач?

Абст. Да, я врач и офицер военно-морского флота Германии. Но разговоры потом. Сперва вы должны хорошенько поест. Сейчас для вас это самое важное. Перед вами обед — пожалуйста, ешьте. Начните с бульона. Смею уверить, он очень хорош.

Бретмюллер. Срочно свяжите меня с начальником военно-морской разведки!

Абст. Садитесь к столу. Обедая, вы сможете разговаривать. Я охотно исполню все ваши...

Бретмюллер. Нет! Я буду говорить только с офицером разведки. Немедленно вызовите ко мне ответственного работника разведки!

Абст. Вот мое удостоверение. Я офицер разведки. Мне известно все о вашем задании. Называю пароль: «Операция Бибер». Садитесь, ешьте и рассказывайте все самое важное. Я внимательно слушаю.

Бретмюллер. Они погибли — и лодка, и люди!.. Это трагедия, которую не перескажешь словами!

Абст. Сидите спокойно. И — ешьте. Приказываю есть!.. Вот так. Не спешите — пища лучше усваивается, когда ее хорошенько прожевываешь. Пообедаете, и мы возобновим беседу. Я оставлю вас. Вернусь через четверть часа.

Спустя пятнадцать минут.

Абст. Имеются ли у вас какие-нибудь желания?

Бретмюллер. Хотел бы отправить письмо...

Абст. К сожалению, невозможно. Но я обещаю: каждое ваше слово будет передано по назначению.

Бретмюллер. Как вы докажете это?

Абст. Вы видели мое удостоверение.

Бретмюллер. Я командир подводной лодки «Випера». Она погибла. Не приведи бог, если туда пошлют другую!

Абст. Ее потопили? Как это произошло? Когда, где? Что с командой?

Бретмюллер. Погибла лодка, погибли люди!..

Абст. Когда?

Бретмюллер. В ночь на двадцать третье октября 1938 года.

Абст. Вам известно, что сегодня восьмое февраля 1939 года? Отвечайте. Почему вы молчите?

Бретмюллер. Это ложь!

Абст. Это правда! Вас выловили в океане близ той самой базы девяносто семь дней назад... Сидите, вам нельзя волноваться, расходовать силы!

Бретмюллер. Вы лжете, лжете! Этого не может быть. По-вашему, выходит, что я...

Абст. Да, все эти девяносто семь дней вы были без сознания. Длительное пребывание в воде не могло пройти бесследно. Вы очень серьезно заболели, Бретмюллер. Но я заверяю: будет сделано решительно все, чтобы поставить вас на ноги.

Бретмюллер. Я не верю ни единому вашему слову!

Абст. Хорошо. Сейчас четырнадцать часов и пятьдесят семь минут. Через три минуты Берлин будет передавать сигналы точного времени и вслед за тем календарь событий за неделю. Справа от вас радиоприемник. Включите его, настройтесь на Берлин, и вам все станет ясно...

В 15 часов 02 минуты.

Абст. Успокойтесь. Выпейте воды. Ведите себя тихо, иначе я прикажу связать вас! Вот так. Теперь сядьте и отвечайте на вопросы.

Бретмюллер. Три с половиной месяца!

Абст. Как это произошло?

Бретмюллер. Точно в срок мы вышли в район расположения объекта. Конечно, шли под водой. Рискнули подвсплыть и выставить перископ. По расчетам было время заката, и я надеялся, что окажусь между островом и спускающимся к горизонту солнцем... Простите, у меня разболелась голова.

Абст. Ничего, ничего. Говорите быстрее!

Бретмюллер. Расчет был верен.

Абст. Вы вышли в нужную точку?

Бретмюллер. Да, в перископ я увидел остров с базой. Он был прямо по курсу, милях в пятнадцати. А справа, по траверзу, в семи кабельтовых скала... Дьявол! От боли у меня раскалывается голова!

Абст. А тошнота? Вас мутит?

Бретмюллер. Немного. Но, мой бог, голова!..

15 часов 17 минут. Конец действия препаратов.

Сознание было восстановлено на 49 минут.

Буйство — 12 минут.

15 часов 31 минута. Больной впал в прежнее состояние апатии и безразличия.

23 февраля 1939 года.

Попытка повторить эксперимент с инъекцией препаратов в первоначальной дозировке. Неудача.

5 марта 1939 года.

Третья попытка.

Доза инъекции увеличена на 100 000 единиц.

Время — 14 часов 30 минут.

Дальнейшее — как при эксперименте 8 февраля.

Полное восстановление сознания в 15 часов 03 минуты. Больной выглядит так, будто проснулся после длительного тяжелого сна.

Абст. Добрый день. Как чувствуете себя?

Бретмюллер. Неважно... Что со мной произошло в прошлый раз? Ничего не могу припомнить.

Абст. Пустяки. Постепенно вы приходите в норму. Не беспокойтесь, все будет хорошо. Ешьте и продолжайте рассказывать.

Бретмюллер. Есть не хочется... Впрочем, я возьму кусочек. Спасибо. Так на чем я остановился?

Абст. Вы всплыли под перископ...

Бретмюллер. Да. Мы подвсплыли и увидели в перископ базу. Она была прямо по курсу, милях в пятнадцати. Справа же, по траверзу, в семи кабельтовых торчала эта проклятая скала!

Абст. Вот уже второй раз вы упоминаете о какой-то скале. Что это за скала?

Бретмюллер. Гигантская коническая скала, одиноко торчащая из воды. Страшная серая махина, которая стала причиной гибели лодки...

Абст. Вы ударились о нее?

Бретмюллер. Не перебивайте! Ночью мы всплыли, чтобы зарядить истощившуюся батарею... Простите, какое сегодня число?

Абст. Пятое марта.

Бретмюллер. Выходит, я снова был без сознания длительное время? Или я ничего не помню?

Абст. Вы были без сознания.

Бретмюллер. Почти месяц!

Абст. Вы спали. Это сделал я, ибо сон для вас — лучшее лекарство. Но продолжайте. И, пожалуйста, не отвлекайтесь: время ограничено.

Бретмюллер. Я снова впаду в беспамятство?

Абст. Продолжайте!

Бретмюллер. Боже, неужели все повторится?..

Абст. Вы зря теряете время.

Бретмюллер. Хорошо... Мы почти завершили рядку, когда сигнальщик заметил корабль. Это был корвет. Он шел на большой скорости и держал прямо на нас. Мы сыграли срочное погружение. Лодка ринулась на глубину. Спустившись на полтора фута, мы оказались на жидком грунте¹. Вам известно, что это такое?

Абст. Да. Продолжайте.

Бретмюллер. Мы застопорили двигатели — в последний момент показалось, что корабль стал отворачивать вправо. Быть может, подумал я, нас еще не обнаружили, не следует выдавать себя шумом винтов. Но я ошибся. Я совершил двойную ошибку. Я погубил людей, лодку!..

Абст. Не отвлекайтесь. Говорите о самом важном. Сейчас меня интересуют только факты. Позже, когда вы поправитесь, мы вернемся к этому разговору.

Бретмюллер. Дайте мне сигарету.

Абст. Для человека в вашем состоянии табак — самый сильный яд.

¹ Жидкий грунт — слой воды, более плотный, чем окружающие; опустившаяся в него лодка может лежать с выключенными моторами, не погружаясь.

Бретмюллер. Только одну сигарету!

Абст. Нельзя.

Бретмюллер. Как вы жестоки!

Абст. Я желаю вам добра. Но мы зря теряем время.

Бретмюллер. Уйдя под воду, мы открыли гидроакустическую вахту. Акустик доложил, что корабль приближается. Я хотел было уклониться с курса корвета, но не успел. Он начал бомбометание. Первая серия взрывов легла в районе левого борта. Нас резко встряхнуло. А бомбежка продолжалась. Корвет, будто осатанев, вертелся над нами и швырял всё новые серии глубиннок. Взрывы, взрывы!.. Люди были оглушены. Лодку бросало из стороны в сторону. В этих условиях я принял решение уходить. Я должен был попытаться увести лодку... Боже, все та же боль в голове! И — сердце... Скорее откройте окно. Воздуха!

15 часов 41 минута. Конец действия препаратов.

Сознание было восстановлено на 38 минут.

Произведен анализ токов мозга для выявления степени поражения его глубинных отделов. Результат резко отрицательный.

13 марта 1939 года.

Четвертая попытка.

Доза группы инъекций увеличена на 300 000 единиц.

Время — 18 часов ровно.

Восстановление сознания в 18 часов 47 минут.

Абст. Вот мы и снова встретились. Дайте-ка руку. Пульс несколько учащенный, но так оно и должно быть. Все в порядке. Продолжайте рассказ. Однако я должен предупредить: вы очень скоро уснете. Поэтому поторапливайтесь.

Бретмюллер. Моя голова перевязана. Я чувствую сильную слабость. Что со мной происходит?

Абст. Ничего особенного. Лечение идет как надо. А голова перевязана, потому что вы ушиблись.

Бретмюллер. Вероятно, сильно. Очень болит. Вот здесь...

Абст. Не трогайте повязку! Опустите руки, сядьте удобней.

Бретмюллер. Почему вы не даете мне закусить? В те дни на столе всегда стоял обед... Впрочем, я не стал бы есть. Не могу. Кружится голова. Кружится и болит.

Абст. Боль пройдет. Что касается еды, то вы получаете специальное питание, когда находитесь без сознания. Обычная пища пока для вас не годится. Потерпите, скоро выздоровеете, и все войдет в норму. Говорите, я слушаю.

Бретмюллер. На чем я остановился?

Абст. Вас бомбили, вы приняли решение уходить.

Бретмюллер. Да! Мы перешли на ручное управление рулями, выключили все вспомогательные механизмы, даже машинки регенерации воздуха, чтобы до предела уменьшить шумы лодки. Электродвигатели, запущенные на самые малые обороты, едва вращали винты. Мы долго маневрировали, очень долго. И в конце концов нам удалось оторваться от преследования. Я вздохнул с облегчением. Я думал, это — спасение. А лодка шла к гибели!

Абст. Что же с вами случилось? Сели на мель или наткнулись на ту самую коническую скалу?

Бретмюллер. Я забыл о приливном течении, которое в этих местах очень стремительно. А в тот час как раз был разгар прилива.

Абст. Течением вас ударило о скалу?

Бретмюллер. Если бы это!.. Но я продолжаю. Прошло полчаса, а мы по-прежнему двигались на малых оборотах. Курс был проложен так, что скала оставалась в стороне. И вдруг лодка, ткнувшись скулой в преграду, резко отвернула в сторону. «Полный назад!» — скомандовал я. Моторы взвыли на предельных оборотах. Лодка отпрянула, тотчас получила сильный удар в корму и затряслась в вибрации. «Винты!» — закричал мой помощник. Были мгновенно выключены двигатели. Но мы опоздали. Произошло самое страшное: лодка лишилась винтов! Обоих винтов!..

Абст. Удар носом и тотчас удар кормой? Не понимаю, как это могло случиться.

Бретмюллер. Поймете, дослушав до конца... Дайте мне сигарету.

Абст. Нет.

Бретмюллер. Умоляю вас, одну сигарету!

Абст. Ни в коем случае. Иначе я стану вашим убийцей.

Бретмюллер. Мне очень плохо. Болит голова, темнеет в глазах. Дайте воды.

Абст. Выпейте это. Предупреждаю: будет горьковато, но зато снимет боль... Вот так. Теперь вам лучше?

Бретмюллер. Немного... Я продолжаю рассказ. Мы испробовали все пути к спасению: спустились пониже, но лодка уперлась в преграду брюхом; осторожно маневрируя балластом, попытались подвсплыть, и вскоре над головой послышался скрежет металла. Так, непостижимым образом мы оказались в западне. И вдруг кто-то крикнул: «Лодка движется!» Мы затаили дыхание, прислушиваясь. В самом деле, подводный корабль, у которого не было винтов, тем не менее продвигался вперед, тычася боками в препятствия. Несомненно, нас влекло течение. Что же произошло? Объяснение могло быть только одно: лодка оказалась в подводном скальном туннеле, извилистом и широком. Нас затолкал туда прилив, а быть может, просто течение, о котором мы и не подозревали. Так или иначе, но мы попали в одну из извилин туннеля и именно потому ударились сперва скулой, а потом, когда попытались отработать назад, — кормой и винтами.

Абст. Что было дальше?

Бретмюллер. Прошло более часа. Лодка продолжала двигаться. Я подумал: быть может, туннель сквозной и мы, пробираясь вперед, в конце концов окажемся на свободе? О своих надеждах я сообщил по трансляции, и люди приободрились. «Только бы выплыть на чистую воду, — шептал я, — а там мы придумаем, как спастись!»

Абст. Ваши предположения оправдались? Туннель был сквозной? Вам удалось вывести из него лодку?

Бретмюллер. Нет.

Абст. Дальше, Бретмюллер!

Бретмюллер. Мне трудно говорить. Усиливается боль в голове. И — спать. Я так хочу спать! Дайте мне передышку, я посплю немного, и мы...

Абст. Вот вам сигарета.

Бретмюллер. О, спасибо! Пожалуйста, спичку. Боже, как кружится голова!.. Нет, не могу курить. Погасите сигарету. Меня мутит от запаха дыма!

Абст. Говорите, Бретмюллер!

Бретмюллер. Прошло немного времени, и удары о корпус лодки прекратились. Она свободно висела в воде. Двигалась ли она, я не знаю. Мы выждали около двух часов. Вокруг было тихо. Тогда я рискнул включить машинки очистки воздуха — люди задыхались от недостатка кислорода. Замерев, мы ждали шума винтов корвета и новых взрывов. Однако все было спокойно. Еще час томительного ожидания. Я осмелел и скомандовал всплытие. Мы могли рискнуть: по расчетам наверху еще продолжалась ночь. Как сквозь сон слышал я голос матроса, считывавшего показания глубиномера. Мы постепенно поднимались...

Абст. Перебиваю вас. Какие глубины были в туннеле?

Бретмюллер. Примерно сто пятьдесят футов.

Абст. Очень любопытный туннель!

Бретмюллер. Итак, мы всплывали. Каждую секунду я ждал удара рубкой о скалу. Но над нами была вода, только вода. Подвсплыв, мы подняли кормовой перископ. Мы ничего не увидели. Два других перископа были повреждены и не выдвигались из шахт. И вот на глубиномере ноль я отдраиваю рубочный люк и поднимаюсь на мостик. Меня охватывает тишина и темнота — густой, ни с чем не сравнимый мрак. Нас будто в тушь окунули. Мрак и абсолютно неподвижный воздух. Почему-то вспомнился «Наутилус» капитана Немо... Неожиданно для самого себя я вскрикнул. Звук укатился куда-то вдаль, и немного спустя ко мне вернулось эхо. Я стоял на мостике, подавленный, ошеломленный, а голос мой все звучал, отражаясь от невидимых препятствий, постепенно слабей. Будто и он искал выхода и не мог отыскать. Сомнений не было — лодка всплыла в огромном гроте!..

Абст. Что же вы?.. Стойте, я поддержу вас!

19 часов 11 минут. Конец действия препаратов.

Сознание было восстановлено на 24 минуты.

Повторное исследование токов мозга. Состояние больного угрожающее.

Это была последняя страница. Фридрих Кан перевернул ее и закрыл папку.

Только сейчас слышал он звуки музыки. За роялем сидел Абст. Его пальцы легко бегали по клавиатуре, глаза были устремлены за окно, к тяжелой красной луне, которая медленно вставала над пустынным озером. Казалось, туда же уносится и мелодия, стремительная и тревожная. И музыка, и луна, и тускло отсвечивающая водная гладь за окном, да и сам Абст со странно неподвижными глазами — все это удивительно сочеталось с тем, что составляло содержание желтой папки.

Абст оборвал игру.

Они долго молчали.

— Это был Шуберт? — спросил Кан, чтобы что-нибудь сказать.

Абст покачал головой:

— Я играл Баха. Одну из его ранних хоральных прелюдий. Написано для органа. Если бы здесь был орган!..

— Однако, я помню, ты любил Шуберта, — упрямо настаивал Кан. — Ты увлекался и другими, но Шуберт для тебя...

— Иоганн Себастьян Бах — вот мой король и повелитель! — взволнованно проговорил Абст. — Бах в музыке, Шиллер в поэзии.

— Шиллер? — пробормотал Кан, рассеянно глядя на озеро. Сейчас он думал о другом.

— Да. Хотите послушать?

В голосе Абста звучала нетерпеливая просьба. Удивленный Кан неожиданно для самого себя кивнул.

Абст встал, сложил на груди руки. За ним было окно, и темный, почти черный силуэт Абста четко выделялся на фоне широких светлых полос, проложенных луной по поверхности озера.

Грозным взмахнув крылом,
С гор, из дикого провала,
Буря вырвалась, взыграла,
Трепет молний, блеск и гром.

Вихрь сверлит, буравит волны, —
Черным зевом глубина,
Точно бездна преисподней,
Разверзается до дна.

Читал Абст медленно, с напряжением. Голос его был резок, отрывист, и музыка стиха начисто пропадала.

— Это из «Геро и Леандра», — тихо сказал Абст. — Восемь строчек, а сколько экспрессии!

Кан молчал. Он плохо разбирался в стихах, да, признаться, и не любил их. Он считал себя деловым человеком, а поэзия не для таких.

— Вот что, — сказал он. — Распорядись, чтобы нам принесли поесть. Мы поужинаем и поговорим. И не медли — нам предстоит немало дел.

Ужин сервировали в соседнем помещении. Кан с аппетитом поел, выпил большой бокал пива.

— Вернемся к показаниям Бретмюллера, — сказал он, когда подали сладкое. — У меня из головы не лезет этот странный грот. Подумать только, он под боком у той самой базы! Хозяева ее, надо полагать, и не подозревают о существовании в скале гигантского тайника.

— В этом вся суть, — кивнул Абст.

Кан стащил с шеи салфетку, решительно встал:

— Не будем терять время! Идем к Бретмюллеру. Я сам допрошу его.

— Быть может, отложим допрос до утра? Вам следует отдохнуть, выспаться. И предупреждаю: это небезопасно. Мало ли, как он вдруг поведет себя.

— Но ты будешь рядом!

Пятая глава

Они двинулись по лесной тропинке, которая вела в глубь острова. Было очень темно, и Абст включил предусмотрительно взятый фонарик. Шорох шагов в тишине, тоненький лучик света, выхватывавший из мрака то ветвь, похожую на протянутую руку, то дикий, уродливый камень, усиливали тревогу, которой была наполнена ночь.

Где-то приглушенно проверещал какой-то зверек, ему ответило громкое уханье филина. И тотчас, будто вторя этим звукам, порыв ветра зашелестел в верхушках деревьев. Лес ожил, задвигался, заговорил...

— А он... не вырвется? — спросил Кан, перед которым неотступно стояли налитые кровью глаза Бретмюллера. — Было бы славно встретить его на этой тропинке.

— Исключено.

— «Исключено!» — передразнил Кан. — Я читаю: «Бретмюллер лежит пластом, как покойник». А через секунду он бьет стекла и врывается в комнату!

— И это уже во второй раз. — Абст помолчал. — Говоря по совести, я теряюсь в догадках. Странно, очень странно. Впрочем, причины выяснятся.

— Когда же?

— Скоро... — уклончиво сказал Абст. — А вот мы и пришли!

Луч фонарика уперся в серую бетонную стену, обшарил ее, скользнул в сторону и задержался на широкой двустворчатой двери с пандусом — в такие можно вводить коляски с больными.

— Кто? — спросили из темноты.

Абст молча направил фонарик на себя — осветил грудь, плечи, лицо.

— Проходите, — сказал голос.

Посетители приблизились к двери. Абст коснулся кнопки звонка. Дверь отворилась.

Они проследовали по коридору, миновали еще одну дверь и оказались в небольшой комнате.

Бретмюллер, связанный, точнее, запеленатый широкой брезентовой лентой, лежал вверх лицом на низком клеенчатом топчане, который занимал всю противоположную стену комнаты.

Его заросший подбородок был вздернут, челюсти плотно сжаты; широко раскрытые глаза, не отрываясь, глядели в какую-то точку на потолке.

— В сознании? — Кан нерешительно остановился посреди комнаты.

Абст покачал головой. Подойдя к Бретмюллеру, прикрыл ему глаза ладонью и тотчас отвел руку. Больной не реагировал.

— В седьмую, — приказал Абст служителю, молча стоявшему у двери. — Приготовьте все, как обычно. Полный комплект. Не забудьте кофе и сигареты.

— Он будет есть? — спросил Кан.

— Полагаю, нет. — Абст скривил губы. — Однако так надо...

Он провел Кана в уютную комнату с мягкой постелью и креслом у большого окна. Чуть пахло дымом: один из служителей возился у камина, раздувая огонь.

В коридоре раздались шаги. Четверо санитаров внесли больного, уложили в постель и удалились.

Вошла женщина. Кан кивнул ей. Та поклонилась.

— Забинтуйте ему руки, — распорядился Абст.

— И голову? — спросила женщина, оглядев грязную, сбившуюся набок повязку на лбу Бретмюллера.

— Только руки! — Абст нетерпеливо облизнул губы. — Руки он увидит, голову — нет. Приступайте!

Лицо женщины порозовело. Она ловко обмотала бинтами обезображенные, с комьями запекшейся крови кисти больного. Абст шагнул к столику с инструментами, достал из кармана коробочку ампул, отломил у одной из них кончик и втянул содержимое ампулы в шприц. Помощница обнажила и протерла спиртом плечо Бретмюллера.

Абст мастерски сделал укол.

Когда он повторил инъекцию, введя еще одну дозу, у женщины дрогнули губы. Она взяла вату, чтобы протереть место укола, но Абст вынул из коробочки третью ампулу.

— Девятьсот тысяч! — пробормотала она.

Вместо ответа Абст вновь вонзил иглу шприца в руку пациента.

Служитель убрал столик с медицинскими инструментами, вкатил другой. На нем уместились тарелки с обедом, бутылка какой-то воды, высокая вазочка с подрагивающим апельсиновым желе.

Не прошло и десяти минут, как дыхание больного замедлилось, стало ровнее, глубже. Его губы разжались, на лице проступил слабый румянец.

— Время! — скомандовал Абст. Он обернулся к Кану: — Действие препарата началось. Сегодня все будет быстрее. Хочу еще раз напомнить: осторожности!

Женщина быстро распеленала Бретмюллера. Брезентовые ленты были сняты и унесены в коридор.

Абст облачился в белый халат и шапочку.

Выражение глаз Бретмюллера постепенно менялось. Вот он повернул голову и оглядел комнату. Увидев Абста, сделал попытку подняться. Служители помогли ему сесть, под спину подложили подушки. Затем они вышли.

Абст приблизился к больному, взял его руку.

— Сегодня вы выглядите молодцом, — сказал он. — Пульс почти в норме. Словом, наши дела продвигаются. Скоро вы будете на ногах.

— Но я совсем ослаб, — проговорил больной. — Кружится голова, все плывет перед глазами. Нет, нет, не уверяйте меня — я чувствую, мне хуже.

— Пустяки. — Абст ободряюще улыбнулся. — Завещаю, что самое трудное позади. Лечение идет успешно. И вот доказательство: я привез вам гостя.

— Я узнал господина Фридриха Кана, — безучастно сказал Бретмюллер. — Господин Кан желает допросить меня? Я готов сказать все, что знаю.

— Отлично! Вы продолжите свой рассказ, вам зададут вопросы. Но сперва следует пообедать.

Бретмюллер покачал головой.

— Не могу, — прошептал он. — Меня мутит при одном виде пищи. Я ничего не буду есть.

— Хорошо, подкрепитесь позже. Не желаете ли сигарету?.. Тоже нет? Очень жаль. Я принес вам болгарские сигареты, самые лучшие. Курите, сегодня можно!

Бретмюллер вновь покачал головой.

Абст выкатил столик с едой и вернулся.

— Приступаем, — сказал он. — Итак, вы всплыли в гроте. Что с вами случилось в дальнейшем? Не торопитесь, подробнее опишите грот.

— Да, грот... — Бретмюллер поморщился, хотел было поднести руки к голове и обнаружил, что они забинтованы. — Что это? Что с моими кулаками?

— А вы ничего не помните? — небрежно спросил Абст.

На лице больного отразилось усилие мысли. Но вот Бретмюллер вздохнул, устало качнул головой.

— Не помню, — проговорил он. — Обрывки каких-то кошмаров. Будто бежал, бил обо что-то руками, рвался... Нет, ничего не могу связать. Что же со мной случилось? Неужели снова буйствовал?

— У вас был кризис. Вы пытались разбить кулаками вот эту стену. К счастью, кризис миновал. Поэтому-то вы так слабы. Это естественно: организм изо всех сил боролся со страшным недугом. Боролся и победил!

— Значит, я буду жить?

— Разумеется, — бодро сказал Абст. — Но начи-

найте свой рассказ. Господин Кан очень занят, он должен спешить в Берлин.

— Не могу. — Бретмюллер сделал длинную паузу. — Очень хочется спать...

Абст встал. Он был встревожен. Поймав на себе взгляд Кана, едва заметно кивнул. Это означало: «Торопитесь!»

— Вам удалось осветить грот? — быстро спросил Кан. — Как он выглядит?

— Мы применили переносный прожектор.

— Как он выглядит? — повторил Кан. — Грот велик? Какой высоты своды? Есть ли расщелины в стенах, пустоты, туннели?

— Грот колоссален. Своды теряются в темноте. Сверху свисают сталактиты. Их множество. С некоторых стекает влага.

— Стены грота отвесны?

— Кое-где они спускаются к воде полого. Будто откосы.

— Так что из воды можно выйти?

— Да. Там, по крайней мере, два таких места. Мы и воспользовались ими. Мы излазили все вокруг — искали выход из подземелья. Поиски продолжались более суток. Было обнаружено много больших полостей в стенах, своего рода пещер в пещере.

— Есть и сквозные пещеры?

— Пещер много, но сквозных мы не нашли. Полость наглухо закупорена.

— Как же вы оказались на воле?

— Выплыл через тот самый туннель. У меня был аварийно-спасательный респиратор.

— А с какой стороны он начинается?

— Туннель?

— Да. Откуда вход в грот?

— С зюйда.

— То есть с противоположной стороны... Я хочу сказать: база находится к норду от скалы?

— Да.

— Какие глубины в гроте во время полной воды?

— Там очень глубоко.

— Сколько?

— Футов триста. Возможно, и больше... Простите,

очень кружится голова. И боль начинается — все та же дикая, нечеловеческая боль!.. Позвольте мне заснуть.

— Разговор надо продолжать! — жестко сказал Абст. — Господин Кан, пожалуйста...

— Да, да! — проговорил Кан. Он дружески коснулся рукой колена Бретмюллера. — Еще несколько вопросов, и мы оставим вас в покое. Тогда вы сможете хорошо отдохнуть. Ну-ка, напрягите память и сообщите нам ширину туннеля. Можно ли пробраться в грот на подводной лодке?

— Вы же знаете, что случилось с моей! — с горечью вскричал Бретмюллер. — Неужели пошлете туда другую? Проникнуть на лодке в грот невозможно. Разве что водолаз сядет верхом на ее штевень и будет командовать рулевым... Нет, нет, это невероятно!

— Какова длина туннеля?

— Полкабельтова или немного больше... — Бретмюллера вдруг охватила злоба. — Да что вы все о туннеле и гроте?! А корабль? А люди? Что с ними, где лежат их кости, это вас не интересует?

Наступила тягостная пауза.

— Полно, Бретмюллер, — мягко сказал Абст. — Мы понимаем ваше состояние. Сочувствуем... Старайтесь не волноваться, вам это вредно.

Кан сидел, не сводя глаз с больного, что-то напряженно обдумывая. Губы его шевелились, пальцы рук двигались, будто он разговаривал сам с собой. Вот он наклонился вперед, выставил ладони.

— До вас никто не побывал в гроте? Вы не обнаружили там чьих-либо следов?

— Не торопитесь с ответом, — вставил Абст, — помните получше, не ошибитесь.

Бретмюллер покачал головой.

— Решительно никаких следов пребывания в гроте людей? — переспросил Кан.

— Нет.

— Вы сказали, у вас был дыхательный аппарат... Один?

— Аппаратов было много, на всю команду. Но я не мог разрешить воспользоваться ими. Я имел строгий приказ: на базе ни при каких обстоятельствах не должны знать, что возле нее побывала германская лодка. Если

бы люди выплыли в респираторах... Короче, я выполнил приказ!

— Так вы сами уничтожили лодку и весь экипаж?! — вскричал Кан.

— Сам! — Бретмюллер повалился в кровать, уткнулся лицом в подушку, заколотил по голове обезображенными руками. — Я сам взорвал корабль, утопил людей. Зачем? Во имя чего? О, будьте вы прокляты!

Кан нагнулся к Бретмюллеру, взял его за плечи, потряс.

Внезапно больной затих.

— Осторожно! — воскликнул Абст.

Но было поздно.

Бретмюллер рывком приподнялся в постели. Руки его обвились вокруг шеи Кана. Они упали в постель, и Кан увидел возле себя физиономию сумасшедшего с оскаленными зубами.

Он вскрикнул и лишился сознания.

Смакуя, Кан сделал несколько глотков и откинулся в кресле.

— Славный кофе! — сказал он. — Такой я пробовал, помнится, в Марокко.

Абст тихо рассмеялся:

— Этот рецепт оттуда и вывезен!

И он долго рассказывал, как перехитрил в Танжере владельца портовой кофейни, ревниво оберегавшего свой секрет приготовления лучшего в городе кофе. Приключение было веселое, Абст действовал остроумно, и сейчас собеседникам было над чем посмеяться.

Они вновь находились в кабинете хозяина острова, куда Абст доставил своего шефа после происшествия при допросе Бретмюллера. Кан перенес немалое потрясение, и Абст старался развлечь его и успокоить.

Конечно, в критический момент Абст защитил начальника. Но это стоило жизни командиру «Виперы», которому он разбил голову рукояткой пистолета, — нападение было неожиданным, опасность для шефа велика, и Абст действовал автоматически. Теперь он досадовал: потерял выдержку, заспешил. В итоге мозг умалишенного обезображен, и планы относительно его исследования,

интереснейшие планы, на которые возлагалось столько надежд, пошли прахом!

Кан задумался, помрачнел. Он сидел, скорчившись в кресле, рассеянный, вялый.

— Вам все еще нездоровится?—участливо осведомился Абст.

Подойдя к камину, он кочергой растащил поленья. Огонь вспыхнул ярче. По стене заметались большие черные тени.

— Уже поздно, комната приготовлена, и если шеф желает...

— Ого, — перебил собеседника Кан, выпрямляясь в кресле, — я вижу, меня записали в немошные старики! Так вот, я разочарую тебя: постель подождет, пока мы не выполним еще одну работу. Я буду смотреть пловцов.

— Сейчас? Ночью?

— А почему бы и нет? Насколько я понимаю, ночью главным образом им и придется действовать.

— Действовать? — воскликнул Абст, все больше удивляясь. — Вы желаете видеть их в работе?

— Именно в работе. — Кан взял его за плечо. — Сейчас ты покажешь, чего они стоят. Пусть потрудятся, а мы понаблюдаем.

— Это решение вы приняли после того, как посетили Бретмюллера? Я не ошибаюсь?

— Да. У меня из головы не лезут показания покойного командира «Виперы». Подумать только, скала с огромным естественным тайником! И это близ военно-морской базы, против которой нам обязательно придется работать!

Шестая глава

Луна стояла в зените, но тучи скрывали ее, и только едва приметное пятнышко светлело в центре черного небосвода. Темной была и вода. Ее невидимые струи чуть слышно обтекали борта катера, несколько минут назад отвалившего от острова.

Абст, выставив голову из-под ветрозащитного козырька, напряженно вглядывался в окружающий мрак, ведя судно по широкой плавной дуге. На кормовом сиденье расположился Фридрих Кан.

Катер шел без огней. Мотор рокотал на средних оборотах. За транцем¹ приглушенно булькали выхлопные газы.

На озере было холодно. И озноб, который Кан глушил в кабинете Абста горячим кофе, вновь охватил его. А когда разведчик думал о том, что в эти минуты где-то на острове входят в воду пловцы, ему становилось еще холоднее, и он плотнее кутался в кожаное пальто на меху, заботливо предложенное хозяином острова.

Внезапно Кан обернулся. Пущенная с острова ракета медленно взбиралась на небо, роняя тяжелые зеленые капли. Стала видна широкая водная гладь и темная зубчатая полоска леса, который со всех сторон подступал к озеру. Ракета ринулась вниз и погасла, не долетев до воды. Озеро снова окутала темнота.

— Старт? — спросил Кан.

— Да, сейчас их выпускают.

— Они окоченеют, прежде чем доберутся до цели.

— Пловцы в резиновых костюмах, под которыми теплое шерстяное белье. К тому же прошли тренировку.

— Как они отыщут нас? — Кан с сомнением посмотрел в направлении острова, от которого они отошли на значительное расстояние.

— Пловцы знают наш курс. И у них есть компасы.

— Сколько же мы прошли?

Абст наклонился к приборной доске, на мгновение включил освещение.

— Семь кабельтовых, — сказал он, останавливая двигатель. — Пожалуй, хватит.

Абст прошел на бак, с минуту повозился с якорем. Раздался всплеск, коротко пророкотала цепь в клюзе, и все смолкло. Кан поднес к глазам часы со светящимся циферблатом.

— Два часа и шесть минут, — сказал он.

— Пловцы атакуют катер в промежутке от трех часов до трех тридцати.

— Занятно. — Кан пожевал губами. — Очень занятно. А сколько у нас под килем?

— Футов пятьдесят, — сказал Абст, вернувшись на корму. — Здесь не очень глубоко.

¹ Транец — плоская оконечность кормы.

— Занятно, — повторил Кан, — от трех до трех тридцати... И в эти полчаса я должен глядеть в оба?

— Будьте как можно внимательнее, очень прошу об этом. Иначе они проведут нас.

— И каждый, кого я замечу, выходит из игры? Ну, а вдруг я окликну его, а он нырнет, будто не слышал?

— Вы можете стрелять.

— Что?..

— Вы можете стрелять в каждое подозрительное пятно на воде. Пожалуйста, не церемоньтесь.

— Это серьезно?

— Абсолютно серьезно. — Абст пожал плечами. — Ведь так будет, когда начнется боевая работа. Они специально предупреждены.

Кан рассмеялся.

— Ну и ловкач! — воскликнул он. — Тебе отлично известно, что я не ношу оружия!

Вместо ответа Абст положил на кормовое сиденье маленький черный пистолет.

— Заряжен, — сказал он. — Патрон в стволе. И есть запасная обойма.

Кан оборвал смех. Он не думал, что Абст зайдет так далеко.

— Впрочем, вы напрасно беспокоитесь за них, — сказал Абст. — Патроны будут расстреляны зря.

Он взял револьвер, вынул и проверил обойму, затем, оттянув затвор, убедился, что патрон действительно в стволе.

— Ну, а вдруг я все же замечу кого-нибудь из них, сделаю выстрел и не промахнусь? Ты же знаешь, я умею наблюдать, умею стрелять!

— В таком случае пусть пеняют на себя. — Абст упрямо качнул головой. — Скоро год, как я вожусь с ними. Я не жалел никаких усилий, чтобы сделать из них убийц — самых умелых и неуязвимых. И если ошибся, пусть они уже сейчас получают свое. Чем раньше, тем лучше!

— Ну, уж нет! — Кан решительно отодвинул пистолет. — Не будем столь жестоки. Я придумал другое. Дайка отпорный крюк... Вот так. — Он оценивающе взвесил в руках длинный тяжелый шест со стальным наконечником. — Пожалуй, это будет поинтереснее, а?

Абст рассмеялся, по достоинству оценив замысел шефа.

Началось ожидание. Катер неподвижно лежал на воде. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. Тишина стояла такая, что отчетливо было слышно, как далеко за лесом раздаются мерные глухие удары. Там, за много километров от озера, дизельный молот вгонял в грунт длинные, толстые бревна. Это строилась ограда концлагеря для нескольких тысяч чехов, которых вот-вот должны были пригнать с востока.

— Шеф, — сказал Абст, прислушиваясь к далеким ударам, — можно заполучить дюжину чешских водолазов?

— Зачем тебе чехи? Это враги, которые не согласятся добровольно идти под воду. А принудишь их, и при первой же возможности они предадут тебя, перебегут к неприятелю.

— Все же я хотел бы иметь нескольких чехов!

У борта катера раздался всплеск: большая рыба, выпрыгнув, шлепнула хвостом и вновь ушла вниз.

— Послушай, — сказал Кан, глядя на крохотную воронку, оставшуюся там, где рыба скользнула под воду, — послушай, Абст, весь путь с острова и до катера они проделают в глубине?

— Не обязательно. Пловцы вольны поступать по собственному усмотрению. Главное, чтобы их не обнаружили.

И снова наступила пауза.

Казалось, Абст и его шеф дремлют. Между тем луна подвинулась далеко к горизонту. Тучи вокруг нее редели. Стало светлее. Озеро подернулось дымкой. Низко над катером прошелестела стайка уток. И ветерок потянул — верный признак близящегося рассвета.

Кан зевнул, поднес к сонным глазам руку с часами. И — замер. Что-то заставило его насторожиться. Вот он осторожно пододвинул к себе отпорный крюк, поднял его, перенес через борт, привстал с сиденья.

— Где? — одними губами спросил Абст.

Кан подбородком указал на темный комочек, едва заметно покачивавшийся неподалеку от катера.

— Бить? — Он нацелил шест, встал во весь рост, наклонился к борту. — Я его отчетливо вижу!

Абст не ответил, предоставляя шефу свободу действий.

Кан крепче уперся ногами в решетчатый настил катера и с силой ткнул шестом в подозрительный предмет. Раздался всплеск, шест глубоко ушел под воду, и Кан, потеряв равновесие, едва не вывалился за борт. Абст успел подхватить его и оттащить назад. Вдвоем они втащили шест на судно. Крюк был увенчан большим пучком водорослей.

— Осечка, шеф!

И вновь потянулось ожидание.

Еще дважды хватался Кан за шест и с силой погружал его в воду, целясь в невидимого пловца, и оба раза безрезультатно. В первом случае это было полузатонувшее гнилое бревно, и наконечник багра глубоко проник в трухлявую древесину, во втором — жалкий обрывок тростниковой циновки.

— Ерунда! — раздраженно сказал он, вытаскивая шест. — Ерунда, Артур, их здесь нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Они сбились с курса и вернулись назад, либо плавают вокруг, не рискуя приблизиться... Ого, что это? — воскликнул Кан, наклоняясь к кильсону¹. — Гляди, катер дал течь!

В центре кормового настила прямо из-под ноги разведчика била короткая струйка воды.

— А вот и еще фонтанчик, — невозмутимо сказал Абст, освещая настил фонариком. — Поглядите сюда. Вот он, немного правее.

Кан увидел и вторую струйку.

— Разрешите заделать? — спросил Абст, роясь в ящике с инструментом. — Надеюсь, пробойны зафиксированы?

Ответа не последовало. Да Абст и не ждал его. Он извлек затычки, молоток и ловко заколотил отверстия в днище судна.

— Конечно, при действиях под брюхом вражеского корабля пловцы не станут сверлить в нем дырки, — сказал Абст, закончив работу и выпрямляясь. — Они подвесят заряды и включат механизм взрывателей. Но, разу-

меется, я не мог позволить им минировать наш катер. Поэтому беднягам пришлось захватить с собой сверла и в поте лица потрудиться под килем. Это вполне безопасно — я знал, на что они способны, поэтому мушкель¹ и пробки заготовил еще на берегу. Словом, это был эксперимент, и, мне кажется, удачный.

Кан молчал.

— Но боюсь, пловцы не ограничатся только этим, — продолжал Абст. — Сейчас мы поднимем якорь и посмотрим, не случится ли еще какая-нибудь неприятность.

И он отправился на бак.

Вскоре оттуда донесся стук вытягиваемой якорной цепи. Катер дрогнул и пополз вперед.

— Якорь поднят и уложен на палубе, — доложил Абст, вернувшись и встав у штурвала. — Теперь заведем мотор.

Кан не удивился бы, случись сейчас что-нибудь с двигателем или винтом. Но нет, Абст включил стартер, мотор заработал, и катер тронулся.

— Слава всевышнему, все в порядке! — проговорил Абст со вздохом. — Теперь руль право на борт, и через четверть часа мы дома... Боже, спаси и помилуй! — воскликнул он, растерянно вертя штурвал. — Поглядите, что они натворили. Подумать только, катер не слушает руля!

Абст не лгал. Кан видел: штурвал переложено вправо, но за кормой все так же тянется прямой, как линейка, след. Будто к рулю и не прикасались!

Абст выключил мотор, оставил штурвал и, обернувшись к шефу, развел руками, как бы приглашая его в свидетели происшествия.

— Ну-ну, — пробормотал озадаченный Кан, — хватит шуток! Ловко же ты все придумал!

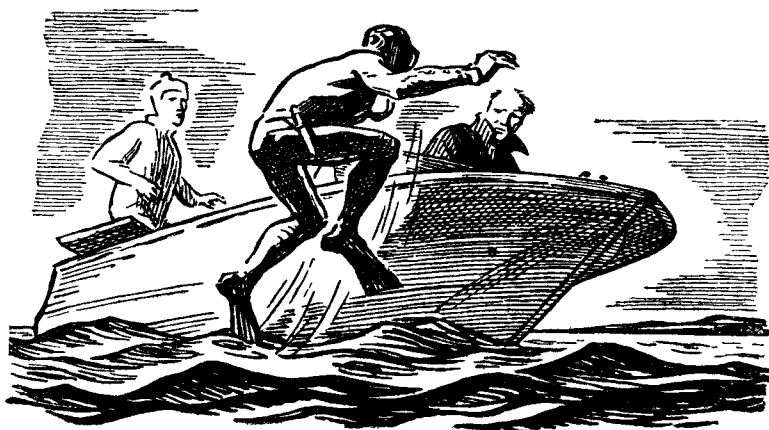
— Я? — весело воскликнул Абст. — Нет уж, увольте, я здесь ни при чем.

— Кто же испортил руль?

— Конечно, они. Вероятно, им хотелось лучше показать себя. Вот они и стащили перо руля. Однако будьте покойны, мы перехитрим их. Я знал, с кем имею дело, поэтому, кроме мушкеля, прихватил и еще кое-что.

¹ Кильсон — брус наподобие кия, но внутри судна.

¹ Мушкель — деревянный молоток с короткой ручкой; применяется для такелажных работ (морск.).

С этими словами Абст принялся отвязывать прикрепленное к планширю большое весло.

И здесь произошло то, чего, кажется, не ожидал и Абст.

Едва он спустил весло за корму, чтобы действовать им вместо руля, как оно было вырвано и с силой отброшено в сторону.

В тот же миг из воды взметнулось черное гибкое тело. Кан не успел и глазом моргнуть, как человек оказался на борту, схватил его за грудь, вскинул руку с ножом.

— Стой! — крикнул Абст, пытаясь достать из кармана пистолет. — Стой, брось кинжал!

Но пловец лишь инсценировал атаку. Вот он выпустил Кана, уселся на банку и, воткнув клинок рядом с собой, стащил с головы черный резиновый шлем.

Абст был взбешен.

— Встать! — приказал он.

— Не надо. — Кан запустил пальцы за ворот, ослабил узел галстука. — Не надо, Артур. — Он обратился к пловцу: — Скажи, ты сам это придумал?

Тот усмехнулся.

Но вот он посмотрел на Фридриха Кана, затем оглядел его вновь, более внимательно, и в следующее мгновение вскочил на ноги, вытянулся. Его лицо выражало страх.

— Садись, садись! — Кан хлопнул его по блестящему черному боку. — Садись и давай побеседуем. Ты мне нравишься, парень. Да садись же, черт тебя поберет!

— Простите, — пробормотал пловец, продолжая стоять навтыжку. — Видит бог, мы не знали, что в катере — вы. Господин корветен-капитэн Абст сказал перед тем, как мы вышли на задание: «Какой-то офицер из штаба хочет поглядеть, на что вы годитесь». Вот мы и решили...

— Твое имя?

— Штабс-боцман¹ Густав Глюк!

Кан уже успокоился, и к нему вернулось хорошее настроение. Поудобнее устроившись у транца, он с любопытством разглядывал стоящего перед ним человека. Кисти рук, лицо и шея пловца, где их не закрывала резина, были черны — вероятно, покрыты смесью жира и сажи. На этом фоне ярко выделялась огненно-рыжая борода, короткая и густая. Вязаная водолазная феска была надвинута на уши. Резиновый костюм, плотно облегающий тело, заканчивался на ногах широкими эластичными ластами. На груди пловца был пристегнут дыхательный аппарат — небольшой баллон со сжатым кислородом, продолговатая коробочка с веществом для поглощения углекислоты, выделяемой при выдохе, и резиновый мешок, из которого шла к шлему гофрированная трубка. Пловец был опоясан брезентовой лентой со свинцовыми грузами — на ней висели подводный фонарь и ножны кинжала. К запястьям рук были прикреплены специальные компас, часы и глубиномер.

— Продолжай! — приказал Кан. — Расскажи, как вы действовали под килем катера. Рассказывай подробно, я хочу знать все до мелочей.

Пловец откашлялся, деликатно отвернувшись, сплюнул за борт, затем стащил с головы феску и вытер ею рот.

— Нас было трое, — начал он. — Пока мы — обермаат² Шустер и я — орудовали у руля, третий пловец работал буравом под днищем моторки. Гайки проржавели, и мы порядочно повозились, прежде чем отделили

¹ Штабс-боцман — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует мичману.

² Обермаат — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует главгаршине.

перо от баллера¹. Потом я помог матросу Руприху про-
сверлить обшивку катера. Только мы управились, как
господин корветен-капитэн Абст начал возню с якорем.
«Ого, — подумал я, — сейчас заработает винт. Берегись,
Густав Глюк!» К этому времени под кормой собралась
вся наша тройка — Шустер, Руприх и я. Они отправи-
лись домой, ибо задание было выполнено. А я решил за-
держаться.

— Зачем?

— Любопытство!

— Не понимаю...

— Любопытство, — повторил Глюк, ослабившись. —
Уж очень хотелось посмотреть, как вы будете управлять-
ся без руля. Вот и остался.

— Где же ты находился?

— Отплыл в сторонку, выставил из-под воды глаза,
стал ждать. Видел, как катер тронулся и тут же остано-
вился. Потом услышал объяснения господина корветен-
капитэна Абста. Он сказал правду — всем нам хотелось
получше себя показать. И тут черт дернул меня сыграть
эту шутку... Кто же мог знать, что на борту именно вы?
Я думал, один из этих штабных красавчиков...

И Глюк смущенно умолк.

Кан видел — пловец сказал не все.

— Продолжай! — потребовал он.

Глюк переступил с ноги на ногу.

— Вы разок чуть не проткнули меня своим гарпуном.
Наконец-то прошел в дюйме от моего плеча. Я едва увер-
нулся. И я так скажу: ну и глаза у вас!

— Ты слышишь, Артур? — воскликнул Кан.

Абст улыбнулся и развел руками, как бы признавая
свое поражение.

— Продолжай! — приказал Кан подводному дивер-
санту. — Что было дальше?

— Вы напугали меня. И обозлили. — Пловец помед-
лил. — Вот я и решил... как бы это сказать...

— Отомстить?

— Выходит, что так. — Глюк сокрушенно покачал го-
ловой. — Я же не знал, что в катере вы!

Фридрих Кан уже не слушал. Он окончательно раз-

веселился от сознания того, что оказался на высоте и
все-таки обнаружил пловца. Приятна была и неуклюжая
лесь этого здорового бородача с круглым лицом и
плутоватым взглядом светлых, широко посаженных глаз.

Кан отечески потрепал его по плечу, усадил рядом с
собой, угостил сигаретой.

— Домой, Артур! — распорядился он. — Все хорошо
поработали и заслужили отдых.

— Вполне заслужили, — подтвердил Абст. — И осо-
бенно вы, шеф. Но у меня просьба. Хотелось бы, чтобы,
отдохнув, вы нашли время побеседовать с пловцами.
Смею уверить, они будут счастливы.

Абст выглядел равнодушным, вяло цедил слова. Но
это была игра. Кан не должен был догадаться о гото-
вящемся сюрпризе. Пусть все произойдет внезапно. Тем
сильнее будет эффект. Напряженная работа последних
лет наконец-то дала результат, и сейчас Абсту предстоял
экзамен.

Еще недавно он не мог и мечтать о том, что его за-
мыслы осуществятся. Но теперь, когда война неотврати-
мо надвигалась, теперь все обстояло иначе. Эта фанта-
стическая история, случившаяся с Бретмюллером и его
«Виперой»! Полгода назад пределом желаний Абста был
крохотный уединенный островок в стороне от проторен-
ных морских дорог, на котором можно обосноваться и
без помех свершить задуманное. Сейчас же открывались
возможности и перспективы неизмеримо большие. Остро-
вок, пусть самый уединенный, не шел ни в какое сравне-
ние с обширным убежищем в толще скалы, о котором
поведал Ханно Бретмюллер. Грот, наглухо изолирован-
ный от внешнего мира! Удивительный тайник под водой!
Логово, находящееся в непосредственной близости от
военно-морской базы будущего противника Германии.
На кораблях этой базы Абст сможет испытывать все то,
что родилось и еще родится в недрах новой, могуществен-
ной лаборатории «I-W-I»!

Седьмая глава

Было позднее утро, когда Фридрих Кан открыл глаза.
Он хорошо выспался, и от вчерашнего недомогания не
осталось и следа.

¹ Перо и баллер — части руля.

Некоторое время он лежал неподвижно, припоминая события минувшей ночи, потом взглянул на часы, потянулся к шнуру у изголовья и позвонил.

Неслышно отворилась дверь. Вошел человек — тот, что накануне обслуживал гостя в кабинете Абста. Он пожелал Кану доброго утра и поднял шторы. В окна хлынул свет такой яркости, что Кан зажмурился.

— Ванна готова, — доложил служитель.

Кан отбросил одеяло, встал с кровати, прошелся по пушистому ковру.

— Что, корветен-капитэн поднялся?

— Корветен-капитэн у себя, — ответил служитель.

— Чем же он занимается?

— Корветен-капитэн лег очень поздно и еще спит.

— Однако! — Кан вновь взглянул на часы. — Скоро одиннадцать. Идите и разбудите его!

— Господин Кан не должен беспокоиться, — сказал слуга. — Корветен-капитэн Абст сделал все необходимые распоряжения. Как и приказано, люди будут собраны ровно в полдень.

Кан промолчал. В глубине души он был доволен полученным ответом. У Абста хорошие работники. Там, где люди приучены вести себя с достоинством, а не раболепствуют перед начальниками, там дело идет гладко.

И он проследовал в ванную.

Бритье, затем купание и завтрак — все шло по раз и навсегда заведенному порядку, который Кан ценил больше всего на свете.

Сытно поев, он отложил салфетку и поднялся из-за стола. У него еще осталось несколько минут на то, чтобы постоять на солнышке, подставив лицо под струи ласкового весеннего ветерка.

В двенадцать часов Фридрих Кан, сопровождаемый Абстом, входил в помещение, где предстоял смотр пловцов.

Двадцать девять молодых мужчин, одетых в толстые серые свитеры и такие же брюки, застыли в строю, вытянувшись из конца в конец зала. Это были здоровые, крепкие люди, видимо спортсмены.

Фридрих Кан двинулся вдоль шеренги, внимательно разглядывая пловцов.

— А, старый знакомый! — воскликнул он, дойдя до

Густава Глюка, и дружески ткнул кулаком в его широкую грудь.

Можно было ожидать, что Глюка обрадует или, напротив, смутит грубоватая фамильярность начальника. Но в глазах пловца промелькнул испуг...

Впрочем, Кан не заметил этого.

— Кто вы? — спросил он, останавливаясь перед коренастым человеком с толстой короткой шеей и округлыми плечами.

— Боцманмаат¹ Эрих Поппер, — поспешил доложить Абст, ни на шаг не отстававший от шефа.

— Где проходили службу?

За пловца опять попытался ответить Абст, но Кан жестом остановил его.

— Говорите, боцманмаат! — потребовал он. — Меня интересует, где вам привили любовь к морю.

— Сперва в ваффен СС², затем на торпедных катерах, — последовал ответ. — Я старшина-моторист.

— Ого! — Кан значительно покачал головой. — Такой послужной список украсит любого немца. А спорт? Вы занимались спортом? Каким именно?

— Да, я спортсмен. Имею призы и дипломы.

Удовлетворенно кивнув, Фридрих Кан двинулся дальше. Вот он остановился возле левофлангового.

— Ну, а вы? — спросил он, разглядывая круглое розовое лицо пловца, его белые волосы и большие оттопыренные уши. — Ваше имя, в каком вы чине?

— Обер-боцман Фриц Фалькенберг! — отчеканил пловец.

— Служили на кораблях? Впрочем, я в этом не сомневаюсь: у вас истинно морская выправка.

— Имперский подводный флот.

— Должность?

— Рулевой-горизонтальщик.

— Кроме того, обер-боцман Фалькенберг известный спортсмен, — сказал Абст. — Два года подряд он был призером чемпионата страны по плаванию.

Кан отступил на шаг, с уважением оглядел пловца.

¹ Боцманмаат — чин в гитлеровском военно-морском флоте, соответствует старшине первой статьи.

² Ваффен СС — войска СС.

— Подумать только, адмирал Редер уступил мне такое сокровище! — воскликнул он.

— Этого добился корветен-капитэн Абст, — сказал Фалькенберг улынувшись. — Это он перехитрил моих командиров. И еще у нас говорят...

— Продолжайте, — потребовал Кан, — продолжайте, обер-боцман, выкладывайте все, до конца!

— И еще у нас говорят так: корветен-капитэн Абст воспитывался в школе Фридриха Кана!

Все пловцы рассмеялись. Кан тоже.

— Где же вы проходили первоначальную подготовку? — задал он новый вопрос.

— «Сила через радость»¹. Гамбургский филиал. Я провел там более трех лет.

— Великолепно! — воскликнул Кан. — Я вижу, корветен-капитэн Абст собрал здесь цветник. Клянусь богом, с такими парнями можно брать штурмом резиденцию самого сатаны!

Он смолк, собираясь с мыслями. И вдруг спросил:

— А кто здесь Шустер?

— Я обермаат Йозеф Шустер! — раздалось с противоположного конца строя.

Кан обернулся на голос:

— Вон вы где!.. Ну-ка, выйдите вперед, чтобы я мог взглянуть на человека, который так ловко провел меня. Выходите, пусть все посмотрят на вас!

Из строя шагнул здоровенный пловец с вытянутым лицом и чуть кривыми ногами. Его тяжелые руки были так длинны, что казалось, достают до колен. Пловец сутулился, смотрел исподлобья. Все это делало его похожим на большую обезьяну.

— Ну и ну! — воскликнул Кан. — Меня трудно удивить, но вы, Шустер, добились этого. А на вид кажется таким простодушным. — Он обратился к Абсту: — Этакий безобидный увалень, не так ли?

Шустер стоял и растерянно глядел на начальника.

— Выкладывайте же, как вы всё сделали! — потребовал Кан. — Говорите громче, чтобы я не пропустил ни слова!

— Право, не знаю, что вас интересует... — нерешительно

¹ «Сила через радость» — фашистская военизированная спортивная организация в гитлеровской Германии.

тельно пробормотал Шустер. — Боюсь, что вы ошиблись и принимаете меня за другого.

Кан сердито упер руки в бока.

— Я ценю скромность, но это уж слишком! — вскричал он. — Можно подумать, что это не вы в компании с Глюком утащили руль моего катера!

Шустер раскрыл рот. Он был испуган.

Наступила тишина. И в ней прозвучал резкий голос Абста:

— Шустер, отвечайте!

— Но я не знаю, о чем идет речь, — пробормотал пловец.

— Как это не знаете? — Кан подошел к нему вплотную. — Что вы делали на озере минувшей ночью?

— Я не был на озере!

— Где же вы находились?

— Спал. Спал, как и все остальные. Спал всю ночь напролет в кубрике, от отбоя и до подъема!

Последнюю фразу Шустер выкрикнул дрожащим от волнения голосом. Он стоял, тяжело дыша, покусывая нижнюю губу.

Кан медленно повернулся к Абсту. Тот не сводил глаз с Шустера. Можно было подумать, что этого пловца он видит впервые.

— Обермаат Йозеф Шустер прошлой ночью работал под водой вместе с штабс-боцманом Глюком, — сказал Абст. — Он выполнял задание, действуя против катера.

— Нет, — возразил Шустер, решительно тряхнув головой, — нет, я был в постели! Клянусь, я спал и ни в чем не повинен!

— Глюк! — повысил голос Абст.

Вызванный шагнул из строя.

— Говорите!

— Обермаат Йозеф Шустер работал вместе со мной, — твердо сказал Глюк. — Нас было трое на озере: Шустер, Руприх и я. Мы атаковали катер, в котором находился господин Фридрих Кан.

Румяные щеки Кана потемнели. Он достал платок, вытер им лицо, сунул платок в карман и вновь оглядел строй. Он видел: пловцы озадачены, кое у кого в глазах мелькают веселые искорки.

— Руприх! — резко выкрикнул он.

Третий пловец вышел из строя, со стуком свел каблуки.

— Я матрос Конрад Руприх!

Кан посмотрел на него. Руприх был озадачен, растерян не меньше, чем Шустер.

— Так, так! — гневно проговорил Кан. — Вы, я вижу, тоже сейчас заявите, что провели ночь в объятиях Морфея и ничего не знаете?

Руприх растерянно молчал.

— Отвечайте начальнику! — потребовал Абст.

— Это правда, я спал, господин корветен-капитэн, — сказал пловец. — Мы втроем живем в одном кубрике — обермаат Шустер, штабс-боцман Глюк и я. — Теперь Руприх глядел на Фридриха Кана и адресовался к нему. — Мы давно дружим. Наши койки рядом. В столовой едим за одним столом... Отбой был, как обычно, в двадцать два часа. Мы легли вместе, я это хорошо помню. Мы уже были в койках, когда в кубрик зашел корветен-капитэн — он часто навещается к пловцам... Вот и всё. Я спал как убитый. Утром, когда проснулся, на койках находились все трое.

— И штабс-боцман Глюк?

— Я первый открыл глаза, а он еще спал. Храпел так, что дребезжали стекла иллюминаторов. Все это правда, могу поклясться!

— Понятно! — прорычал Кан, вновь доставая платок и вытирая пот, который теперь уже тек у него по щекам. — Мне все понятно. Как говорится, яснее ясного. Разумеется, я убежден, что ваши слова — чистейшая правда. Ночью, пока все вы мирно храпели в койках, некое привидение проделало дыры в днище моего катера и вдобавок утащило перо руля. А потом оно вымахнуло из-под воды на борт моторки, вцепилось мне в грудь, занесло над головой нож!.. Глупцы, вы действовали великолепно! Я очень доволен. Более того, горжусь такими парнями. И все, что мне нужно, это поблагодарить вас за службу... Глюк, подтвердите то, что я сейчас сообщил!

— Все было так, как вы изволили рассказать, — твердо сказал пловец.

— Слава всевышнему! — Фридрих Кан поднял глаза к потолку. — А то я уже стал подумывать, что и впрямь рехнулся в вашей компании... Ну, а сейчас говорит стар-

ший. Корветен-капитэн Абст, потрудитесь объяснить, что означает нелепое поведение ваших людей. Говорите и знайте: виновные получают свое!

Абст, все еще стоявший в позе напряженного ожидания, будто очнулся.

— Обермаат Шустер и матрос Руприх доложили правду, — сказал Абст. — Они действительно спали и ничего не помнят. Катер атаковал штабс-боцман Густав Глюк. Господин Фридрих Кан, вы будете удивлены, но этот пловец действовал один!

Будто ветер прошел по комнате. Строй качнулся и вновь замер.

— Однако вы не должны винить Глюка, — продолжал Абст. — Сказав вам неправду, он выполнил мой приказ... Это так, штабс-боцман?

Глюк, не сводивший с Абста широко раскрытых глаз, судорожно сглотнул и переступил с ноги на ногу.

Абст вновь обратился к начальнику:

— Таким образом, я единственный виновник того, что вас ввели в заблуждение. Я признаю это и готов понести наказание.

— Но зачем вы поступили так? — спросил Кан. — Чего добиваетесь?

— Я объясню... — Абст помедлил, обвел глазами пловцов. — Люди, которые стоят перед вами, — будущие герои. Придет время, и весь мир преклонится перед их подвигами во славу фюрера и германской нации. Мне очень хотелось, чтобы они понравились вам. И вот, готовясь к ночной проверке, я позволил себе маленький обман. Вам доложили, что ночью на озере действовать будут трое. Я же послал одного. Я знал — он справится, и вы останетесь довольны. И я подумал: тем сильнее будете вы удивлены, когда выяснится, что не трое пловцов, а всего лишь один-единственный диверсант так блестяще работал под водой, атакуя катер. Вот объяснение моих действий. Еще раз прошу снисхождения. Но, право же, слишком велико было стремление заслужить вашу похвалу!

Абст смолк.

Кан взглянул на Глюка. Тот стоял потупясь, растерянный и озадаченный. Нет, во всем этом была какая-то тайна. Абст явно недоговаривал.

— Хорошо! — пробурчал Кан.
Круто повернувшись, он покинул комнату.
— Разойдись! — тотчас скомандовал Абст. — Глюк, вы пойдете со мной.

Когда Абст вернулся в свой кабинет, Кан сидел в кресле возле камина, рассеянно вертя в руках карандаш. Увидев вошедшего, он порывисто встал, швырнул карандаш в угол.

— Подойди! — приказал он.

Абст приблизился.

Кан взял его за плечи.

— Рассказывай, как все произошло. Я не верю, что Глюк был один.

— И вы не ошиблись. — Абст усмехнулся. — Против катера работали три диверсанта.

— Кто же?

— Те самые люди.

— Это серьезно? — тихо проговорил Кан. — Или ты и сейчас громозишь ложь на ложь?

— Вполне серьезно.

— Как же все произошло?

— Было так, как доложил Глюк. Его сопровождали Руприх и Шустер.

— Но они отрицают это! Значит, лгали?

— Они не лгали. — Абст вздохнул. — Они забыли...

— Забыли о том, что в течение трех часов болтались в холодной воде?

— Они пробыли в воде почти четыре часа.

— И... забыли?!

— Начисто всё забыли.

Абст усадил начальника в кресло, сел сам.

— Это самое важное из того, что я хотел показать вам. Результат долголетних поисков, разочарований, надежд. Итог неистового, бешеного труда... Искра удачи сверкнула совсем недавно. Я проделал десятки экспериментов, прежде чем поверил, что подобное возможно! В клинике вы видели, чего я достиг в опытах над командиром «Виперы». А на озере вам было показано действие другого препарата. Вы присутствовали при очередном эксперименте. Более того, стали его участником.

— Что это за препарат? Он действует на память? Человек теряет ее навсегда?..

— К сожалению, на время.

— Каким образом?

— Я ввожу препарат пловцу. Никаких видимых изменений в психике, физическом состоянии. Препарат влияет только на центры мозга, регулирующие память. В памяти наступает провал. Человек не помнит, где был, что делал. Кроме того, он теряет волю.

— И это надолго?

— Увы, нет! Длительность состояния, когда человек лишился памяти и стал как бы живой машиной, не превышает четырех — шести часов.

Абст вскочил с кресла, вскинул над головой кулаки.

— А мне надо, чтобы так продолжалось месяцы, годы, быть может, всю жизнь! — воскликнул он. — Вообразите: тысячи и тысячи людей, чей интеллект не столь уж ценен для нации, подвергаются воздействию специальных препаратов в широкой сети лабораторий, клиник, больниц... Вы только подумайте: солдаты, которые не рассуждают и, уж конечно, никогда не повернутся спиной к неприятелю! Идеальные рабочие — живые придатки к станкам, к тракторам и сеялкам на полях, трудолюбивые и покорные. — Абст сделал передышку, покачал головой. — Но это, конечно, только мечты...

— Однако ты уже многого добился, — сказал Кан. — Воздействию снадобья можно подвергнуть любого?

— Почти любого.

— И при любых обстоятельствах?

— Видимо, да. Препарат не действует на неврастеников, на людей с повышенной возбудимостью. Конечно, среди моих пловцов таких нет.

— Как были «обработаны» Шустер и Руприх?

— Я ввел им препарат после того, как вы решили устроить ночной смотр на озере.

— А Глюк?

— Его я не трогал. Через четверть часа, когда Шустер и Руприх были, как говорится, «готовы», они получили задание. Вернувшись с озера, пловцы легли спать. Как они вели себя потом, вы уже знаете. Что же касается Густава Глюка, то...

— Стоп! Ты оставил его вместе со всеми?

— Что вы, шеф! Он в соседней комнате. Для верности — заперт. Он будет там, пока мы с вами не поговорим. Да и вообще за него можно не беспокоиться. У Глюка медаль за проплыв через Ла-Манш и... пятнадцать лет каторги за «мокрые» дела. Из каторги его вызволил я. Он превосходный ныряльщик, — продолжал Абст. — Первым освоил управляемую торпеду и буксировщики. И я повторяю: он надежен, ибо знает, что всегда может вернуться в тюрьму...

Кан кивнул.

— Я бы хотел сообщить вам еще кое-что, — проговорил Абст. — Видите ли, препарат — это только одно направление исследований, точнее, лишь один из путей к достижению цели.

— А их несколько?

— По-видимому, есть и второй путь.

— Какой же?

— Хирургическое вмешательство в деятельность человеческого мозга. Было бы слишком долго объяснять подробности, да вас они и не заинтересуют. А идея такая: если инструмент хирурга в состоянии влиять на больной мозг, то в принципе он же способен решить задачу и прямо противоположную.

— То есть воздействовать на какие-то центры здорового мозга?

— Да, именно так. — Абст понизил голос. — Могу сказать: эксперименты уже начаты, и они обнадеживают. Но я ограничен в материале. Присылают мало и не всегда то, что нужно. Мне необходимы здоровые люди, полные энергии, сил. А я получаю лагерников, которые едва волочат ноги.

— Теперь понятно, почему на озере ты завел разговор о чешских водолазах.

Абст кивнул.

— Потерпи. Скоро у тебя будет сколько угодно материала: война не за горами.

— Я очень надеюсь на пленных!

— Потерпи, — повторил Кан и добавил: — Ну-ка, принеси папку с показаниями Бретмюллера. Этот дявольский грот в недрах скалы не дает мне покоя!..

Часть вторая

КОНИЧЕСКАЯ СКАЛА

Первая глава

Холод привел Карцова в сознание. Тяжесть сдавливала грудь. Острая боль вонзалась в уши. Задышавшись, он приоткрыл рот, и в горло хлынула соленая вода.

Он бешено заработал руками. Скорее, скорее!.. Чувствуя, что легкие готовы лопнуть от напряжения, уже охваченный конвульсиями удушья, он из последних сил рвался наверх.

Вокруг светлело. Вот уже совсем рядом ослепительно белая колышущаяся пленка — поверхность воды. Еще миг, и, оглушенный свежим воздухом, ветром, шумом моря, Карцов завертелся в волнах, отплеываясь и с трудом преодолевая тошноту.

Придя в себя, он оглядел изрытое ветром море. Корабля не было. Только вдали, на высоко взметнувшемся гребне волны, мелькнула разбитая шляпка. Мелькнула и скрылась.

Что-то заставило его обернуться. Он увидел: расплескивая волны, всплывает немецкая подводная лодка. Да, немецкая — он это сразу определил по характерному силуэту рубки.

Не сводя с нее глаз, он сделал несколько глубоких вдохов, погрузился и под водой поплыл в сторону.

Намокшая одежда сковывала движения. Вынырнув и глотнув воздуха, он вновь ушел под воду и сбросил сперва китель, затем ботинки и брюки.

Когда он появился на поверхности третий раз, до вражеской лодки было метров сто. Она разворачивалась в его сторону.

Лодка закончила маневр, и под ее штевнем¹ вскипел бурун. Тогда Карцов нырнул и поплыл навстречу, рассчитывая, что лодка пройдет сверху, он окажется у нее за кормой, затеряется среди волн. Берег был недалеко, милях в пяти. Он не сомневался, что доберется до суши. Только бы не заметили!

Случилось иначе. Всплыв, он увидел: лодка с застопоренными двигателями покачивается недалеко, и с нее спускают надувную шлюпку.

Он хотел было вновь уйти под воду, но вдруг понял: это напрасно, ему не спастись — что бы он ни предпринял, его настигнут.

¹ Штевень (форштевень) — брус, являющийся продолжением киля и замыкающий носовую оконечность судна.

Вот в мечущуюся на волнах шлюпку тяжело прыгнул матрос. Другой, наклонившись с палубы корабля, подал ему автомат, а затем и сам перебрался к товарищу. Шлюпка отвалила.

Карцов ждал, глядя на немцев, не двигаясь, только чуть шевелил ладонями, чтобы держаться на плаву.

Несколько минут назад произошел бой, короткий и ожесточенный. Из тумана, который с рассвета закрыл и небо и море, неожиданно выскочил вражеский тральщик. Немцы растерялись, моряки советского сторожевика тоже. После секундной заминки мимо Карцова промчался комендор. Развернув носовое орудие, он всадил снаряд во врага. Попадание, видимо, пришлось в боезапас — ослепительная вспышка скрыла германский тральщик, а взрывная волна так швырнула советский корабль, что тот лег бортом.

Последний, кого видел Карцов на палубе своего сторожевика, был боцман: перекошенный в крике рот, рука с растопыренными пальцами, указывающая в море. Боцман раньше других заметил торпеду, но все-таки слишком поздно...

А шлюпка между тем приближалась. Матрос, сидевший на веслах, поминутно оглядывался. Другой готовил бросательный конец. Оба были в желтых клеенчатых куртках и спасательных жилетах, оба в темных пилотках.

В последний раз оглядел Карцов крутые белесые волны, лохмотья тумана под сизым небом, коротким усилием вытолкнул воздух из легких и — погрузился...

Над головой Карцова механизмы и стянутые в пучки трубы. Переборки подрагивают. Койка, в которой лежит Карцов, тоже. Он в утробе германской подводной лодки, которая плывет неизвестно куда.

Сторожит его тот самый матрос, что сидел на веслах в резиновой шлюпке. Это ширококостный худой человек, на длинном лице которого вечная озабоченность. От него Карцов узнал подробности своего пленения. На лодке думали, что он с германского тральщика, поэтому старались. Длиннолицый прыгнул за ним, настиг на глупине, уже потерявшего сознание.

Откачивали Карцова долго. Каково же было разочарование подводников, когда он назвал себя! Не хотели верить. Ведь он отлично говорит по-немецки. К тому же у него на руке, ближе к плечу, выколото «Ханс». Так звали школьного друга Карцова. В пятом, кажется, классе, начитавшись Густава Эмара, они решили стать побратимами. Придумали специальный ритуал. Иглы и тушь нашлись у знакомого лодочника в порту. И вот Карцов выколол Хансу: «Кирилл», а тот ему — свое имя по-немецки.

Вероятно, он допустил оплошность, не попытавшись сыграть на заблуждении фашистов. Очнувшись, он хотел расшвырять тех, кто его держал, бился, кричал. Будто можно спастись из стальной коробки, со всех сторон окруженной водой!..

Впрочем, все это позади.

А что предстоит?

Лодка придет на базу, и его сдадут в морскую разведку. Потом — лагерь, если он выдержит и доживет до лагеря.

Карцов откидывается в койке, закрывает глаза. И так, тринадцатый день плена. Кормят пленника сносно, не быют. Более того, его отконвоировали к командиру лодки, и тот пытался завязать разговор, на все лады варьируя тему: «Мы честные немцы».

Разговор не получился.

Это произошло дней десять назад. С тех пор пленника не тревожили.

А вчера лодка атаковала корабль. Торпеды нашли цель. Как сообщил длиннолицый, жертвой пиратов был транспорт союзников, пытавшийся в одиночку проскочить опасный район.

Как же расчитаться с фашистами? Карцов думает об этом день и ночь, изобретает всё новые проекты уничтожения лодки и тут же отвергает: их нельзя выполнить. Он часами лежит неподвижно, закрыв глаза. Только бы не видеть тех, кто рядом. Ему все кажется — кто-нибудь из них и убил Глеба.

Глеб — старший брат. Он один поднял на ноги Кирилла. Один, потому что много лет назад отец бросил семью и куда-то уехал, а вскоре умерла мать. Глеб ушел из института, стал чертежником — это позволяло рабо-

тать дома. Соседи советовали разыскать отца, потребовать помощи. Глеб отмалчивался, хмурился.

Кирилл вспоминает: на плите кипит бак с бельем, Глеб чертит здесь же, на кухонном столе, уголком глаза следя за братом, который зубрит урок. Глеб все успевал: и хозяйничать, и чертить, и легонько щелкнуть по лбу Кирилла, задремавшего над учебником...

А потом они одновременно поступили в институты: Глеб — доучиваться на инженера-мостовика, Кирилл — в медицинский. Последние годы они жили в разлуке: старший служил в одном из городов Украины, младший — на флоте. Уговорились встретиться летом сорок первого, вместе провести отпуск. Глеб погиб в первый же месяц войны...

Медленно тянется время. Корпус лодки подрагивает от работы моторов. Холодно. Воздух застоявшийся, затхлый.

В отсеке шаги. Карцов узнает шаркающую походку своего стража. Подойдя, длиннолицый толкает в бок пленника.

— Поднимайся!

Вскоре Карцов в крохотной каюте, близ центрального поста, наедине с командиром подводной лодки.

— Я доложил о вас моему командованию. Мне приказано...

Подводник не успевает закончить. В переговорной трубе голос:

— Командира корабля прошу на центральный пост.

Немец поспешно выходит.

Включен сигнал тревоги. По настилу отсеков стучат матросские ботинки. Взыв, на тонкой ноте гудят электродвигатели.

Затаившаяся в океанских недрах лодка устремляется в атаку.

Каков же объект нападения лодки?

В каюту, где сидит Карцов, доносятся лишь обрывки команд да голос акустика, пост которого где-то рядом.

А перед дверью в каюту все так же стоит длиннолицый страж.

Уши, привыкшие к шуму моторов, отфильтровывают

его. И Карцову кажется — в лодке тихо. Голос матроса монотонно считывающего показания прибора, усугубляет напряжение.

И вот толчок в носовой части лодки. Ушла торпеда — выброшенный сжатым воздухом длинный стальной снаряд помчался к цели, неся в себе сотни килограммов взрывчатки.

Карцов мысленно считает секунды. На счете «десять» новый толчок: выстрел второй торпедой.

Вновь секунды томительного ожидания. Затем — отдаленный удар большой силы.

Лодка с дифферентом¹ на нос уходит в глубину.

Вскоре доносится второй взрыв.

На лодке сыгран отбой тревоги. Отдраивают тяжелые двери отсеков. Корабль наполняется шумом.

Дверь каюты распахнута. Слышны приближающиеся шаги. Беседуя, проходят два офицера. До Карцова доносится:

— Красный крест на борту...

Вот, оказывается, кто жертва фашистов — корабль с красными крестами на бортах, плавучий госпиталь, по всем законам войны неприкосновенный для любого противника!.. Карцову видится растерзанное торпедами госпитальное судно. Повсюду трупы погибших при взрыве. Уцелевшие — калеки, раненые и больные — облепили трапы, карабкаются на палубу, скатываются оттуда в воду, в окровавленных повязках, беспомощные, беззащитные...

Карцов вскакивает с раскладного стула, стискивает руками голову.

Конвоир кладет палец на спусковой крючок автомата.

— Эй, ты! — предупреждает он пленника. — Веди себя спокойнее!

Еще минута ожидания, и возвращается командир лодки.

— Вот и все, — говорит он, подсаживаясь к столу. — Это был транспорт. Тип «Либерти». Семь тысяч тонн. Один из тех, что сейчас во множестве лепят на верфях Америки. Наглец, он шел без охранения!

— У него были красные кресты на бортах!

Командир лодки будто и не удивился тому, что плен-

¹ Д и ф ф е р е н т — наклон корабля по продольной оси.

ному известно о крестах. Бледное лицо немца, обрамленное бородкой — аккуратной полоской темных волос по нижней челюсти от виска к виску, неподвижно. В глазах равнодушие, усталость.

— Госпитальное судно? Ну и что? Какая разница? Когда русские бомбят немецкие города, они не разбираются, где завод, а где дом или госпиталь!

— Неправда!

— Ну, не русские, так американцы или англичане. Не все ли равно? И они правы, черт бы их всех побрал: больные выздоравливают, у раненых срываются кости, затем те и другие садятся за штурвалы бомбардировщиков, становятся к пушкам и минометам!.. Вот так, господин гуманист.

Иронически оглядев пленного, подводник склоняется к переговорной трубе:

— Акустик!

— Слушаю, командир.

— Обстановку!

— Чист горизонт, командир.

— Мы подвсплываем под перископ. К тонущему может спешить помощь. Берегись, если прозеваешь фрегат!

К переборке приколот карта. До сих пор ее закрывал висевший рядом клеенчатый плащ командира. Сейчас, обернувшись к переговорной трубе, хозяин каюты задел плащ, и тот соскользнул на пол. На карте извилистая карандашная линия. Видимо, путь, пройденный лодкой. А вот и точка, где она сейчас находится.

В первую секунду Карцов не верит: это очень далеко от места, где погиб его корабль. Впрочем, он уже две недели в плену, и все время лодка движется, причем ночью — в надводном положении; значит, с большой скоростью... Да, за тринадцать дней она могла пройти огромное расстояние.

Куда же она направляется? В этом южном море с крохотными экзотическими островами не должно быть военных объектов гитлеровцев.

Снова взгляд на карту, и Карцов вспоминает: неподалеку, менее чем в двух десятках миль к югу, расположен остров и на нем база флота союзников. Вот оно что! Теперь понятно, откуда шло госпитальное судно.

Память продолжает подсказывать. Пять суток назад,

в ночное время, когда лодка всплыла, на ее палубе долго слышались топот, возгласы, какая-то возня. Будто она пришла в порт и стала под погрузку. Теперь он не сомневается: да, лодка принимала груз. Где-нибудь в укромной бухте одного из островков, а то и просто в открытом море она встретилась со своим танкером, получила соляр для дизелей, торпеды, продовольствие, пресную воду. Теперь полностью снабженная и укомплектованная, она займет позицию в районе базы противника и будет топить его корабли.

Подводник отводит в сторону переговорную трубу.

— Продолжим нашу беседу... Э, да вы, я вижу, распустили нервы. Из-за каких-то там союзников? Стоит ли? При случае они с удовольствием выстрелят вам в спину. Выстрелят, не сомневайтесь!.. Итак, я доложил о вас и получил распоряжение. Мое командование пришло к выводу, что может предоставить вам свободу...

Сделав паузу, он ждет. Собеседник молчит.

Тогда подводник продолжает. Русский офицер может не сомневаться, что с ним говорят серьезно. Кстати, его не просто отпустят, но и сделают так, чтобы он благополучно добрался до своих. Конечно, он должен подписать обязательство...

— Какое?

— О, пустяковое! Кроме того, вам будут хорошо платить. В короткое время вы станете обеспеченным человеком.

— А вдруг я обману вас? — тихо говорит Карцов. — Сперва соглашусь — для вида, а потом надую? Вернусь к своим и расскажу все, как было. Что тогда?

— Заклячая сделку, всегда рискуешь. — Командир лодки пожимает плечами. — К сожалению, это неизбежно. Но вы должны знать: у меня нет ощущения, что риск чрезмерен. Короче, я убежден, что имею дело с порядочным человеком.

— Порядочный человек не сможет умолчать о потоплении госпитального судна.

— Это порядочность глупца! Вы, конечно, шутили?

— Нет!

Немец встает:

— Нет?.. И вы отказываетесь от спасения? Даже не попытаетесь обмануть меня?

— Я ненавижу вас! Всех ненавижу и презираю — до последнего вашего солдата!

Трах!.. Получив сильный удар в лицо, Карцов отлетает к двери. Здесь его хватают, вытаскивают из каюты. А он кричит, отбивается, рвется.

Каюта командира в носовой части лодки. Отсек, где содержат Карцова, расположен в корме. Пленного тащат через центральный пост.

И вдруг грохот сотрясает лодку. Взрыв, второй взрыв. Гаснет свет.

Взрывы, взрывы!

Будто гигантские тараны бьют в корпус подводного корабля. Его кренит, и в отсек врывается вода.

Конвоиры исчезли. Карцов ошеломленно прижался к переборке. Темнота, топот, крики. Резкий голос командира требует, чтобы было включено аварийное освещение. Лампочки вспыхивают и тотчас гаснут. Снова удар, и отсек наполняется пронзительным свистом — в нем тонут вопли ужаса, боли.

Карцов плотнее прижимается к стене: беда, если угодишь под струю сжатого воздуха, вырвавшегося из перебитой магистрали!..

А вода прибывает. Она уже по пояс, по грудь...

Впереди, откуда хлещет вода, слабый проблеск. Надо решаться! Несколько глубоких вздохов, и Карцов ныряет в поток. Бешено работая руками и ногами, он пробивается вперед. Вот она, пробоина — большая дыра с вдавленными внутрь краями. За ней пенистый зеленый свет. Это значит: лодка у самой поверхности.

Карцов протискивается в пробоину, извиваясь всем телом, чтобы не коснуться острых лохмотьев изорванной стали.

И вот уже он в вольной воде, а мимо медленно скользит в бездну умирающий корабль. И слышны в нем приглушенные крики, и удары стали о сталь, и резкие пистолетные выстрелы...

Все ближе поверхность воды. Над головой подобие изогнутого зеркала. Оно колышется, отражая всплывающего человека.

Еще мгновение, и Карцов наполовину выскакивает из-под воды.

Солнце!

Солнце, по которому он так истосковался за недели плена, клонящееся к горизонту тяжелое красное солнце! Карцов всей грудью вбирает воздух. Яркий свет, свежий морской ветерок — от всего этого кружится голова, слабеет тело. Он словно пьяный.

Рокот мотора сверху заставляет его поднять голову. В небе беспокойно кружит самолет. Вот кто потопил германскую лодку!

Вокруг вспухают и лопаются огромные пузыри. Вода покрывается пеной. По ней растекается масляное озеро. Это соляр из раздавленного на большой глубине корабля.

С бомбардировщика пятно заметили. Он разворачивается и летит на юг. Карцов кричит, машет ему рукой, хотя понимает — с высоты в триста метров вряд ли заметишь в волнах человека.

А самолет все дальше. Скоро это едва различимая точка на горизонте.

Карцов один в пустынном море.

Первым делом он сбрасывает тяжелые парусиновые брюки, которыми его снабдили на лодке. Он собрался стащить и свитер, но передумал: вероятно, он долго пробудет в воде, и свитер предохранит от переохлаждения.

Несколько минут Карцов плавает над местом гибели лодки в надежде найти спасательный жилет. Поиски тщетны. И тогда его охватывает страх: уже кажется — он утомлен, холодна вода, слишком учащенно бьется сердце. Он убеждает себя не думать об этом. В конце концов час назад положение его было куда хуже.

И он начинает путь.

Солнце низко над горизонтом. Солнце — это ориентир. Там, где оно садится, запад. Юг левее на восемь румбов.

Курс на юг.

Держаться юга.

В десяти — пятнадцати милях к югу — остров, и на нем база военного флота союзников.

Там спасение.

Прямые расслабленные ноги ритмично движутся в воде — вверх-вниз, вверх-вниз. Руки совершают медленные длинные гребки. Это кроль — быстрый и экономный вид плавания.

В большом городе на Каспии, где прошли детство и юность Карцова, были традицией длительные проплывы от причальных бонов городского яхт-клуба до едва приметного на горизонте горбатого острова.

Карцов не раз участвовал в этих проплывах, а однажды даже пришел на финиш вторым. Плыть в холодном бурном Каспии было куда трудней, но катера указывали путь спортсменам, и за каждым двигались лодки с сидящими наготове спасателями.

И еще: на Каспии нет акул!

А здесь он уже видел одну. Его высоко подняла волна, и с гребня волны он заметил, как промелькнул на поверхности треугольный плавник — грязно-белый, с розоватым отливом.

Акула исчезла. Вероятно, не заметила человека. А вдруг плывет за ним под водой и только ждет случая, чтобы вцепиться...

Карцов подтянул ноги, опустил голову в воду. Вот почудилось: внизу появилась тень. Решившись, он ныряет ей наперерез. Но море, пустынное на поверхности, пустынно и в глубине.

Он продолжает путь.

Мысль об акуле гвоздем сидит в голове. Теперь он убежден, что ее смущает свет, что она, как все хищники, ждет темноты.

А вечер надвигается. Солнце уже коснулось воды. Еще четверть часа, и тьма окутает море.

Он плывет. Шея и руки затекли, бедра отяжелели. Перевернувшись на спину, он разбрасывает руки. Голова в воде, на поверхности лишь глаза да нос. Отдых.

Он дремлет в прогретой солнцем воде, и ему мерещится Каспий.

Семилетним мальчишкой он дни напролет просиживал на каменном парапете набережной, таская самодель-

ной удочкой глупых жирных бычков. Год спустя с этого же парашюта он головой вниз кидался в пенные волны и, на удивление зевакам, всплывал шагах в двадцати от берега.

А потом были дальние шлюпочные походы к островам — за змеями и птичьими яйцами для школьных музеев, с длинными, до краев наполненными романтикой ночевками у костра.

Однажды знакомый эпроновец подарил ему очки, выкроенные из резинового водолазного шлема. В тот день Каспий был на редкость тих и прозрачен. Любуясь им, мальчик долго стоял на скале и без конца повторял про себя запомнившиеся ему строки:

«О, спокойствие моря! О, уплыть бы в его просторы, удалиться от берегов, уединиться посреди его безмолвия!»

Он подумал: удивительно, как одинаково могут мыслить два совершенно разных человека — французский литератор Пьер Лоти и русский мальчишка. Будто вместе сочиняли эти слова...

Потом он надел очки и кинулся в воду. Он был ошеломлен тем, что внезапно открылось его глазам. Со всех сторон его обступили фантастически яркие краски. Желтый, зеленый, красный, синий, фиолетовый цвета, их оттенки были щедро разбросаны на песке и скалах, на водорослях и проплывавших мимо рыбках. И каждая крупинка краски сверкала и искрилась, будто это был крохотный драгоценный камень.

Так он впервые познакомился с подводным миром. И уже не мог жить без моря.

Он изучил кислородный дыхательный аппарат, совершил с ним десятки спусков под воду.

К этому времени он уже был студентом-медиком. Он решил: став врачом, пойдет служить на корабли, посвятит жизнь изучению моря.

Он имел в виду мирные корабли. А вышло так, что он стал врачом на сторожевике!..

Страхнув оцепенение, Карцов делает несколько сильных гребков. Запрокинув голову, глядит в небо. Еще недавно оно было бледно-голубым, теперь стало сирене-

вым. Надвигается ночь. В этих широтах день сменяет ночь почти мгновенно.

Недели плена не прошли бесследно. Он так утомлен. Так велика потребность хоть на минуту закрыть глаза, отключить сознание, волю!

Если бы не акула! Ему все кажется: она где-то здесь неподалеку.

Карцов борется изо всех сил, но тщетно.

«Акула рядом», — это была его последняя мысль, перед тем как он впал в забытие.

С этой же мыслью Карцов открывает глаза. Кажется, лишь секунду назад смежил он веки, но теперь над ним чернота и звездная россыпь. И ярче всех сияет большой бриллиантовый ромб — Южный Крест.

Надо продолжать путь.

Он ложится на грудь. Первый гребок, и — о, чудо! — руки его будто в огне. Жидкое серебро струится с пальцев, растекается по воде, и вскоре все вокруг усеяно крохотными бледными огоньками — они мерцают, приплясывают, пропадая и возникая снова.

Он продолжает путь. Теперь ориентир — Южный Крест.

Изредка он оглядывается. За ним тянется полоса светящейся воды. Волны то заслоняют ее, то вновь открывают, и свет будто пульсирует.

Но ему нельзя отвлекаться, нельзя сбавлять скорость. Плывть вперед, точно на юг. Еще немного, еще пять или шесть часов, и он достигнет цели.

Если бы не акула! Мысль о ней неотступна.

А ее нет.

Неизвестность столь томительна, предчувствие надвигающейся беды так велико, что он ловит себя на мысли, что ждет ее, почти хочет, чтобы она пришла.

И вот акула.

Из глубины скользнула к поверхности тень. Она двинулась наискосок, но вдруг свернула и ринулась к человеку.

Прежде чем Карцов смог сообразить, руки его, взметнувшись над головой, гулко шлепнули по воде. В следующий миг он нырнул и, яростно гребя, мчался к акуле. Он действовал так, будто имел дело с собакой.

Она и была для него собакой. Но собакой Баскер-

вилей: огромная, мощная, вся в ореоле синих призрачных огоньков, такая же черная и свирепая.

Акула скрылась.

Он вновь увидел ее, когда всплыл.

Она была на поверхности, но держалась в отдалении. На долго ли?

Надо плыть. Пусть акула, пусть сотня акул вокруг, он все равно должен плыть на юг, строго на юг!

Теперь движения его медленны. Он плывет брассом, ибо с акулы нельзя спускать глаз. И еще: ему хочется быть таким же неслышным, как она, медлительным и неторопливым. Акула не должна думать, что ее боятся. Кто знает, что еще ей взбредет в голову!

Час проходит. И еще час.

Ночное тревожное море. Тишина, изредка прерываемая всплеском волны.

Внезапно акула сворачивает и мчится по дуге, оставляя за собой четкий пунктир света. Вскоре человек заключен ею в огненное кольцо.

Она продолжает чертить круги. Она будто не замечает плывущего. Но Карцов видит: кольцо постепенно сжимается.

Секунда, и плавник исчез. В то же мгновение Карцов бьет по воде руками и погружается. Глаза широко раскрыты, пальцы выставленных рук растопырены.

Резкими гребками Карцов поворачивается в воде. Где же она? Акулы нет.

Еще несколько секунд, и он всплывает. Работают только руки. Ноги подтянуты к животу. Быть может, она уже крадется из глубины...

Он плывет на юг. Так же, как прежде, акула кружит на поверхности. Но теперь Карцов почти не следит за ней. Он устал. Ноги ооченели. Хорошо, что на нем свитер. В свитере слой воды, нагретый теплом его тела. Сердце и легкие защищены. Это счастье, что он сохранил свитер.

Появилась луна.

По мере того как она восходит к зениту, свечение в море слабеет. Сейчас лишь отдельные искорки вспыхивают на воде. Сама вода кажется маслянистой, тяжелой.

Человек плывет на юг. Акула тоже. Они движутся, не изменяя дистанции, будто связанные невидимой нитью.

Постепенно к привычным шумам моря примешивается прерывистый шорох. Он все слышнее.

Неужели прибой?

Карцов пытается восстановить в памяти сведения об острове, где находится база союзников. Да, близ него должны быть рифы.

Сильно стучит сердце. Трудно поверить, что спасение близко.

И тут в третий раз атакует акула.

Теперь она мчится, с шумом расплескивая волны. Живая торпеда в ночном море!

Ударами рук о воду ее уже не отпугнуть.

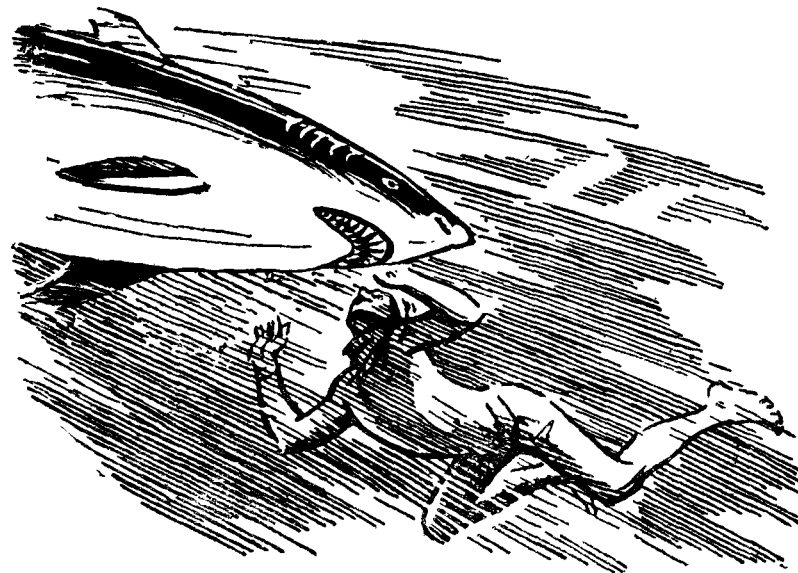
Плыть навстречу?

Кричать?

А она все ближе. И Карцов погружается — ногами вперед, запрокинув голову, не отрывая глаз от расплывчатого очертания луны на поверхности моря.

И вдруг — луны нет.

Это акула. Она там, где секунду назад ушел под воду Карцов. Он отчетливо видит ее силуэт на фоне желтого

светового пятна. Она неподвижна. В замешательстве, потеряв его из виду? Или ждет?

Карцов камнем сжался на глубине.

Он задыхается. Он всплывает.

Давлением воды его подталкивает к акуле. Он возле ее головы. Совсем рядом желтый светящийся глаз чудовища с узким кошачьим зрачком.

В отчаянии, покоряясь судьбе, Карцов делает шумный выдох.

Бульканье пузырей. И в тот же миг рывок огромного тела, рывок такой мощи, что Карцова вышвырнуло из воды.

Акула исчезла...

Третья глава

Смутно белеет в ночи гористый остров. Еще немного, и Карцов будет среди друзей. Остров — база флота союзников.

Холодно, очень холодно — и особенно затылку и ногам. Но он выдержит. Он уже выдержал. Еще немного, еще час или два, и к нему протянутся руки товарищей по оружию.

Рифы остались в стороне. Все ближе берег. Где-то здесь должен быть вход в бухту.

Так и есть. Карцов проплывает мыс, и открывается бухта. Остров темен, в бухте же нет-нет да и мелькнет огонек. Один, довольно яркий, вспыхивает на оконечности длинного мола. Туда и надо держать.

Шум винтов заставляет его насторожиться. Из-за острова появляется корабль. За ним встают бугры вспененной воды. Это рвутся сброшенные с кормы глубинные бомбы. Сторожевик патрулирует перед базой, оберегая ее от вражеских подводных лодок.

Взрывы следуют один за другим, и каждый отдается в груди Карцова. Ему несдобровать, если корабль изменит курс и бомбы лягут ближе.

Сторожевик скрывается за мысом. Быстрее, быстрее к бухте — корабль может вернуться!

Вскоре Карцов возле мола. Бетонная громадина стеной поднимается из воды, ограждая базу от зыби. Там,

где мол кончается, узкий вход в бухту, ее ворота. Сейчас бухта заперта — сведены плавучие боны, поддерживающие стальную сеть.

У противолодочной сети ячеи достаточно велики, чтобы сквозь них мог проплыть человек. В эту же и головы не просунешь. И сеть, надо думать, тянется до самого дна. Остается одно — вплотную подплыть к молу: быть может, отыщется щель между стеной и боном.

Расчет верен. Сравнительно легко проскользнув в бухту, он плывет вдоль мола, высматривая, где можно выбраться из воды.

Вдруг в глубине бухты вспыхивает прожектор, стучит пулеметная очередь. Тотчас включаются прожекторы в десятке других мест. Видны корабли, стоящие у причалов и посреди бухты — на бочках. Прожекторы шарят по воде. Пулеметы, которые теперь бьют и с берега и с кораблей, тоже целят вниз — там, где вода освещена, она временами вскипает от пуль.

Плыть дальше нельзя, оставаться на месте тоже: одна из пулеметных очередей угодила в бетон над головой Карцова, другая вспенила воду совсем рядом.

Между тем переполох в бухте растет.

В стороне проносится катер. Карцов кричит, но голос его тонет в реве мотора.

А пулеметы продолжают бесноваться. Отовсюду взвиваются осветительные ракеты. Где-то бьет пушка.

Надо быстрее выбраться из воды. С этой мыслью Карцов продвигается вдоль мола, всматриваясь в стену. Впереди какая-то тень. Быть может, трап?

Карцов подплывает туда и вдруг оказывается в полсе света. Голос сверху приказывает ему не шевелиться. Ослепленный, он бестолково вертится в воде. Рыча мотором, подскакивает катер, резко стопорит. Карцова втаскивают на борт.

— Эй, взгляните сюда! — по-английски доносится с мола. — Вот он, второй. Хватай его, ребята!

В катер швыряют человека в черном резиновом костюме и перепончатых ластах на ногах.

Катер готов отвалить, но в последний момент матрос, стоящий на баке с отпорным крюком в руках, опускает крюк в воду и вытаскивает какой-то предмет. Карцов узнает кислородный дыхательный прибор. Ему ясно:

человек в резиновом костюме — это подводный разведчик или диверсант.

Катер мчится к линкору, чья громада смутно вырисовывается посреди бухты, швартуется у его трапа. Владелец кислородного респиратора встает и, сопровождаемый автоматчиком, поднимается на борт линкора.

Очередь за Карцовым.

К нему по-английски обращается другой вооруженный матрос. Карцову ясен смысл приказа, но он плохо знает язык и по-русски объясняет, что встать и идти не может — очень слаб.

Тогда матрос переходит на немецкий.

— Живо, — командует он, подталкивая Карцова прикладом автомата, — живо лезь наверх!

— Я не могу, — по-немецки отвечает Карцов, — я долго плыл и совсем обессилел.

— Лезь, говорят! — рычит матрос. — Вот я сейчас угощу тебя!

И он ногой пинает Карцова.

— Не смей! — Карцов силится приподняться. — Я советский моряк, офицер русского флота. Мой корабль был потоплен германской подводной лодкой. Она подобрала меня. Потом самолет забросал лодку бомбами. Я выплыл и добрался сюда. Помогите мне подняться на палубу!

Все это Карцов выпаливает одним духом. Он торопится, нервничает, охваченный безотчетным страхом. Он вслушивается в собственную речь и не может отделаться от ощущения, что каждое его слово — вымысел, ложь!..

Матрос раскрывает рот, чтобы ответить, но в глубине бухты всплескивает пламя, и все вокруг содрогается от оглушительного взрыва.

— Док! — горестно кричит матрос. — Они взорвали большой док!

Он в упор глядит на Карцова. В его глазах ярость, бешенство. Ствол автомата поворачивается. Вот-вот грянет очередь. И Карцову кажется: он прав, этот здоровенный моряк, который сейчас чуть не плачет.

— Отставить, Джабб! — раздается с борта линкора.

Матрос будто очнулся. Широкой пятерней он трет лоб, тяжело переводит дыхание.

— Доставьте его сюда! — приказывает тот же голос.

— Да, сэр. — Матрос запрокидывает голову. — Прикажете спустить фалинь, сэр. Пленный не может двигаться.

«Пленный»! Конвоир в этом не сомневается. О том, что Карцов назвал себя советским офицером, он и не вспомнил.

Как же отнесутся к нему на корабле? Что, если и начальники этого матроса... Чепуха! Трехминутный разговор по радио со своим командованием на материке, запрос оттуда в Москву, и все станет на место.

Сверху подали трос. Матрос Джабб обвязывает им Карцова, берется за трос сам, и вот уже они взмыли в воздух.

Над палубой их разворачивают и опускают. Коснувшись опоры, ноги Карцова подламываются. Он бы упал, не поддержи его конвоир.

Карцова тащат по палубе, вталкивают в дверь.

Он жмурится от яркого света.

— Открой глаза, — требует матрос, — открой глаза и отвечай!

Карцов продрог. Его бьет озноб. На лбу и на щеках — кровь: он поранил лицо, когда, выхваченный из воды, был с силой брошен на палубу катера.

— Холодно? — рычит Джабб. — погоди, скоро жарко станет! Будь моя воля, поджарил бы тебя на огоньке!

Карцов дрожит все сильнее. Кровь из большой ссадины на лбу заливает глаза, мешая смотреть.

Кто-то накидывает ему на плечи одеяло, вкладывает в пальцы стаканчик. Стука зубами по стеклу, он делает глоток, еще глоток, и чувствует, как по желудку растекается теплота. Окоченевшие мышцы расслабляются. Дышать легче.

— Кто вы такой? — спрашивает человек у стола.

Это лейтенант — представительный, осанистый, с темными внимательными глазами. Вот он достал сигарету, провел по ней языком, будто заклеил свернутую папироску, сунул в рот.

— Кто вы такой? — повторяет свой вопрос лейтенант, поднося к сигарете спичку.

Карцов объясняет.

— Ну-ну. — Лейтенант морщится. — Поберегите свои басни для других.

— Я говорю правду.

— Вы минировали корабль? Какой именно? Где расположен заряд? Советую не медлить: водолазы должны успеть извлечь взрывчатку, только в этом случае вы можете рассчитывать на снисхождение.

Карцов повторяет объяснения. Он глядит в холодные со смешинкой глаза лейтенанта, и в груди поднимается волна раздражения, злости.

Так продолжается несколько минут.

Наконец лейтенант набирает номер телефона.

— Пленный молчит, — говорит он в трубку и снова облизывает сигарету. — Точнее, несет околесицу... Хорошо, сэр, сейчас доставлю... Приведите в порядок этого человека! — обращается он к Джаббу.

Карцову спиртом обмывают ссадины. Затем матрос неумело обматывает бинтами его голову и лицо, оставляя щели только для глаз и рта.

— Встать! — командует Джабб.

Карцова приводят в салон, где второй офицер — капитан-лейтенант допрашивает человека в резиновом костюме.

— Ага, — восклицает он, — вот и другой явился! Давайте его сюда.

Карцова усаживают рядом с пленным.

Снова, уже в третий раз, он сообщает, как оказался у мола, как был схвачен и поднят на борт катера.

За его спиной тяжелое дыхание.

Матрос Джабб бесцеремонно кладет руку ему на затылок.

— Сэр, — говорит он капитан-лейтенанту, — все, что вы сейчас слышали, чистая ложь. Ни слова правды, сэр. Они были рядышком, когда мы вытаскивали их из воды. Я находился в катере и все видел. Готов присягнуть, сэр!

— Так, — тянет капитан-лейтенант, глядя на человека в резиновом костюме. — Вы действовали вместе? Да или нет? Отвечайте. Еще один взрыв, и обоих вздернут на рее!

До сих пор допрашиваемый сидел спиной к Карцову. Сейчас он чуть поворачивает голову. Его глаза странно

неподвижны. Зато непрестанно шевелится большая нижняя губа. Он то и дело подтягивает ее и облизывает кончиком языка. Остальные мышцы лица мертвы. Во всем этом есть что-то змеиное, и Карцова передергивает от отвращения.

Несколько мгновений Абст — а это был он — глядит куда-то поверх головы Карцова, затем принимает прежнюю позу.

— Нет, — говорит Абст, — я не знаю его.

Офицер морщит щеки в усмешке.

— Разумеется, и вы впервые видите этого джентльмена? — обращается он к Карцову.

— Да, впервые! — кричит Карцов. — У вас есть радио, снесите со своим командованием, пусть сделает запрос в Москве!

Лейтенант, записывающий ход допроса, откладывает перо и поднимает голову.

— Вы согласны, чтобы туда было послано и ваше фото? — говорит он. — Вас не страшит ответ, который придет из далекой России?

— Я настаиваю на этом... Я требую!..

— Эй, вы, потише! — Капитан-лейтенант хмурится. — Скоро вы вдосталь накричитесь.

Пока идет этот спор, Абст сидит неподвижно. Будто его и не касается происходящее в салоне.

Капитан-лейтенант оборачивается к Абсту:

— Выкладывайте, как вы проникли в бухту? Какие средства использовали при подрыве дока? Кто это сделал?

— Сколько вопросов!.. — Абст морщится. — А потом, когда я отвечу, меня уничтожат?

— Рассказывайте чистосердечно, и я постараюсь сохранить вам жизнь.

— Даете слово?

— Да, если будете откровенны.

— Хорошо. — Абст делает паузу, как бы собираясь с мыслями. — Я немец, член боевой группы пловцов из пяти человек, доставленных подводной лодкой. Она выпустила нас, лежа на грунте. Ваши люди — разини. Мы проникли сквозь заграждения под самым их носом.

— Буксируя подрывные заряды?

— Именно так.

— Минирован был только док? Он один? А корабли?
— Оказавшись в бухте, мы расплылись по объектам, которые каждому были определены заранее. Внезапно мой дыхательный аппарат отказал. Я должен был подныться. Спрятавшись у стены мола, я пытался устранить повреждение. Не успел...

— Закончив, вы должны были вернуться на лодку? Она ждет вас?

— Этого я не скажу.

— Отвечайте, — кричит капитан-лейтенант, вытаскивая пистолет. — Даю полминуты сроку!

— Ладно. — Абст втягивает голову в плечи, опускает глаза. — Ладно, я скажу... Да, она ждет нас.

— Где? — Капитан-лейтенант небрежно роняет вопрос, но Карцов видит, как напряглась его шея и подрагивают пальцы руки, которыми он упирается в стол. — Где ваша лодка?

Абст медлит с ответом.

— Где подводная лодка? — раздельно, по складам повторяет капитан-лейтенант.

— Там же, — говорит Абст, не поднимая глаз. — Там же, где и была.

— Ее координаты?

— Шесть миль к западу от оконечности мола. Она лежит на грунте.

Лейтенант хватает трубку телефона, передает начальнику. Тот набирает номер и докладывает о германской субмарине.

— Вы потопите ее? — вяло роняет Абст.

Капитан-лейтенант улыбается. Положив трубку, он откидывается в кресле, проводит пальцем по тоненьким, тщательно подбритым усикам. Спыхватившись, сдвигает брови.

— Продолжайте, — сурово говорит он, — выкладывайте все. Что еще должны были минировать ваши люди?

Абст молчит. Все его внимание поглощено кислородным прибором, который лежит на столе. Вот он протянул руку к респиратору, ощупал гофрированный шланг, маску.

— Вы поймали меня, потому что отказал аппарат, — говорит он в ответ на вопросительный взгляд капитан-

лейтенанта. — Никак не возьму в толк, что же с ним случилось... Позвольте взглянуть?

Офицер пожимает плечами. Немец сломлен, стал давать показания. Отчего и не разрешить ему эту маленькую вольность?

Абст умело разбирает клапанную коробку — металлический патрубок, соединяющий шлем со шлангом.

— Так я и думал, — говорит он со вздохом. — Перекосилась пружина. Достаточно слегка подправить ее. Вот так... Видите, она стала на место? Теперь все в порядке. Респиратором можно пользоваться.

Свинтив патрубок, Абст откладывает аппарат и вновь застывает в неподвижности.

В том, как он держится, в его смирении, голосе, тоне, так же как и в сделанных им признаниях какая-то фальшь. Слишком уж быстро прекращено сопротивление... Трудные диверсионные дела немцы поручают людям волевым, крепким. А этот — слюнтяй. Чуть надавили на него — он и скис. Странно!

Допрос между тем продолжается. Задав Абсту еще несколько вопросов, капитан-лейтенант обращается к Карцову.

Тот пытается встать со стула.

— Можете сидеть.

Карцов качает головой:

— Отправьте меня к начальнику вашей базы. Я должен сделать важное заявление.

— Говорите.

— Я буду говорить только с комендантом военно-морской базы!

— Садитесь! — повторяет капитан-лейтенант и вновь берется за пистолет. — Сесть на место!

Джабб подходит и толкает Карцова на стул.

— Ну, я жду. — Капитан-лейтенант опускает пистолет. — Делайте свое заявление.

— Вы немедленно передадите его коменданту базы?

— Да.

— Доложите ему, — кричит Карцов, — доложите, что здесь находится офицер советского военного флота, который был взят в плен германской подлодкой, бежал с нее, вплавь добрался до вашей базы и вновь оказался в плену, но уже у своих союзников! Доложите, что русско-

го моряка посадили рядом с фашистским бандитом и допрашивают наравне с ним!

Капитан-лейтенант в замешательстве. Он видит состояние сидящего перед ним человека, протягивает руку к телефонной трубке.

И тут впервые показывает себя Абст.

Неожиданно он обнимает Карцова, дружески хлопает по плечу.

— Ладно, ладно, — ласково говорит он, — хватит вальть дурака. Мы проиграли, и теперь каждый должен подумать о себе.

Абст обращается к капитан-лейтенанту:

— Это боевой пловец нашей группы. Ему было приказано подвесить два заряда под килем вон того корабля. — Абст подбородком показывает на иллюминатор, за которым в наступившем рассвете виден стоящий на бочке крейсер. — Он охотно расскажет, где заряды и как их обезвредить, если вы и ему сохраните жизнь.

Карцов изо всех сил толкает Абста.

Капитан-лейтенант насмешливо улыбается.

— Ловко, — говорит он, проводя пальцем по своим усикам. — Ну что, мы и дальше будем ломать комедию?

Карцов ошеломленно смотрит на немца. А тот не сводит глаз с большого хронометра на переборке салона: он подался вперед, ссутулился от напряжения, почти не дышит. Он весь ожидание.

Чего он ждет?

Догадка приходит мгновенно: это он минировал крейсер!

Теперь, подставив Карцова, он отводит от себя удар и, кроме того, губит противника — советского офицера.

Карцов приподнимается, указывает на иллюминатор.

— Крейсер! — кричит он. — Спасайте крейсер!..

Могучий корабль недвижим в спокойной воде бухты. И вдруг он вздрагивает. Над бортом встают столбы воды, дыма.

Взрыв так силен, что линкор дрогнул, в салоне распахнулся иллюминатор. Карцова сбросило со стула. Конвоир и лейтенант валяются на него.

Сквозь ворвавшийся в помещение дым виден капитан-лейтенант, приникший к иллюминатору. Высоко поднимая ноги в ластах, к нему движется Абст.

— Берегитесь! — кричит Карцов.

Поздно. Абст уже рядом, бьет противника, и тот падает.

Второй взрыв. Линкор снова качнуло.

— Держите его, Джабб, — кричит лейтенант, указывая на Карцова, — крепче держите, я схвачу другого!

Он бежит к Абсту, но, споткнувшись, падает. Пока он встает, Абст с респиратором в руках уже протиснулся в иллюминатор. На мгновение мелькнули в воздухе его широкие черные ласты...

Четвертая глава

Высокий тощий коммодор¹ читает вслух бумагу, которую держит в обеих руках. Слева и справа от него — офицеры. В мундирах, при кортиках и орденах, они стоят как на смотре.

Три офицера — это военный суд. Карцова отделяет от них стол, накрытый зеленым сукном.

Есть и четвертый член суда — тот самый представительный лейтенант, что участвовал в первых допросах Карцова и безуспешно пытался схватить Абста. Сейчас он выполняет обязанности секретаря, восседая за столиком, который поставили для него в углу.

Здесь же присутствует матрос Джабб, еще один конвоир да два майора, расположившиеся у двери.

Все это происходит на борту линкора, в салоне, где неделю назад излишне самоуверенный капитан-лейтенант устроил очную ставку Карцову и Абсту. С тех пор Карцов не видел этого офицера: допрос выловленного в бухте пловца вели чины морской контрразведки. С последственным они разговаривали по десяти — двадцати часов кряду, были вежливы, угощали кофе и сигаретами и... не верили ни единому его слову из тех, что он повторял и повторял, сперва горячо и страстно, а затем, по мере того как его оставляла надежда, все более равнодушно и вяло.

Ими было бесспорно установлено: в бухте, у мола, в

¹ Коммодор — первый адмиралский чин в военно-морском флоте некоторых стран.

одну и ту же минуту часовые обнаружили, а патрульный катер захватил двоих диверсантов — человека, который сидит сейчас перед ними, и его партнера. Тот, второй, был в резиновом костюме, имел кислородный прибор для дыхания под водой. Отвечая на вопросы следствия, он установил личность своего коллеги, показав, что тому было поручено минировать крейсер. И действительно, вскоре корабль был подорван. Случай помог бежать человеку в резиновом костюме. Оставшийся должен отвечать за диверсию.

Карцов спорил, объяснял смысл показаний Абста. Но старший следователь, пожилой человек в чине майора, был непреклонен.

— А что, если предположить обратное? — говорил он. — Вас схватили, вы знаете: с минуты на минуту под килем корабля взорвутся заряды. Поэтому вы решаете разыграть невинность, все свалить на товарища. И вот мы видим ваши вытаращенные в ужасе глаза, слышим взволнованный голос: «Крейсер! Спасайте крейсер!» Вы же отлично знали: взрыв неотвратим, уже ничто не спасет корабль!

— Я говорю правду, я советский моряк.

— Мне еще не случалось видеть советских моряков, которые татуировали бы на своей коже немецкие имена да еще латинскими буквами.

— Я все объяснил.

— Придумали, хотите вы сказать!

— Объяснил.

— А это как объясните?

Карцову показали радиogramму. Оказывается, они все же радировали на материк, а оттуда был сделан запрос в Москву. И вот ответ: командование Советского Военно-Морского Флота подтверждает гибель корабля названного класса со всем экипажем такого-то числа, в таком-то квадрате. Подтверждена и фамилия врача. А в заключение указывается: «На левой руке капитана медицинской службы Кирилла Карцова татуировки не было».

— Ни в штабе флота, ни даже в штабе соединения, в которое входил мой корабль, не могли знать о татуировке.

— Кто же знал?

— Очень немногие. Она у самого плеча — чтобы показать ее, я должен снять китель, сорочку.

— Кто же мог знать о татуировке? — настаивал следователь. — Отвечайте, я предоставляю вам все возможности оправдаться.

— Члены экипажа корабля, на котором я проходил службу.

— Люди «вашего» корабля, которые сейчас мертвы? — Следователь не скрывает насмешки. — Вы правы, это отличные свидетели. Уж не отправиться ли за их показаниями в царство Нептуна?

— Но я наизусть перечислил весь экипаж моего корабля, назвал имена людей, их флотские звания, даже указал приблизительно возраст каждого. А вы не сочли нужным передать в Москву это важнейшее доказательство того, что я — это я!..

— Сдается мне, что корабль, о котором идет речь, ваши коллеги не утопили, а захватили. Люди с него убиты или в плену. Эта же судьба постигла и судового врача. Кто мог помешать вам, разведчику и диверсанту, вызубрить два-три десятка имен? Фашисты выкидывают и не такие штуки!

— Еще аргумент: вы видите, как я владею русским языком, был приглашен переводчик, и он...

— Не хуже владеете вы немецким.

— Прошу вас, пошлите в Москву мое фото!

— Не вижу смысла. Впрочем, если б я и хотел, это невозможно.

— Почему?

— Бильд с метрополией не работает. Самолеты туда не летают. Остается отправка со случайным судном. Долго. За это время вы столько успеете!..

— Сбегу?

— Во всяком случае, попытаетесь.

— Но мы на острове.

— Э, не выдавайте себя за желторотого!.. Старшина Динкер, который был назначен неотлучно находиться при вашей персоне, вчера явился с просьбой. Он, видите ли, сомневается в том, что вы немец. Вот и пришел просить тщательно во всем разобраться... А Динкер потерял на войне отца. От одного слова «наци» его бросает в жар. И этого-то парня вы смогли окрутить и прибрать

к рукам! Ну да он оказался на высоте, честно обо всем доложил. Могу сообщить: вы его больше не увидите. Место Динкера займет матрос Джабб. Он вылавливал вас из воды. Он слышал, как вас разоблачил ваш же коллега. Словом, представляется мне, что Джабб именно тот человек, который нужен для надзора за такой хитроумной бестией, как вы. Попробуйте окрутить его, добейтесь этого, и я скажу: вы сам дьявол!.. Впрочем, уже завтра дело ваше будет закончено.

— Меня будут судить?

— Разумеется.

— Зачем же суд? Вы считаете меня немцем, а военнопленных полагается...

— Вон как вы поворачиваете! — Майор презрительно оглядел допрашиваемого. — Не надо путать. Вы не военнопленный.

— Кто же я?

— Вы не были в форме армии своей страны, когда попали к нам, не смогли предъявить установленного воинского удостоверения. Поэтому вас будут судить как диверсанта и убийцу.

— Что же грозит диверсанту и убийце?

— Боюсь, что не могу вас обнадежить. На снисхождение можно надеяться в одном только случае. Вы знаете в каком?

— Я должен дать ценные показания?

— Очень ценные, которые бы перевесили тяжесть совершенного вами преступления.

— Но я не немец! — Карцов устало потирает виски. — Поймите, вы совершаете ошибку!..

Таков был последний разговор со следователем. Он происходил вчера. А сегодня Карцова судят. Точнее, уже судили, ибо сейчас читают приговор.

Процедура была недолгой. Огласили формулу обвинения. Задали несколько вопросов и допросили свидетелей — Джабба и еще двоих матросов. Далее коммодор совещался: сперва с соседом справа, затем — слева. Секретарь подал лист бумаги. Коммодор просмотрел его, сделал несколько исправлений, дал подписать членам суда.

Это и есть приговор, который сейчас читают.

Конвоир Джабб кладет руку на плечо Карцову, подбородком показывает на судей. Он объясняет: приговор прочитан, теперь надо выслушать его вторично, в немецком переводе.

Карцов механически кивает. Он рассеян, вял, не в состоянии сосредоточиться. В голове сумбур из обрывков воспоминаний, образов. Временами что-то давит на сердце, в груди появляется боль. И все, что ему хочется, это уйти отсюда, вернуться в свою железную конуру на форпике¹, где он, по крайней мере, будет один. Джабб не в счет. Последние два дня он неотступно рядом, но Карцов не замечает его, будто матрос не больше, чем деталь камеры, часть ее обстановки.

Внезапно переводчик и трое судей, на которых смотрит Карцов, расплываются в большое пятно. Оно дрожит, кренится...

С помощью Джабба он встает на ноги. И хотя чтение приговора продолжается, он почти ничего не слышит. У него голова разламывается от боли.

Вот переводчик опустил бумагу, снял очки.

— Поняли все? — спрашивает он, строго моргая ресницами.

Карцов молчит.

— Вас приговорили к смерти! — Переводчик таращит глаза, надувает щеки. Маленький, с непомерно развитым подбородком, он весьма горд выпавшей на его долю миссией. — Как лазутчик и диверсант, вы будете казнены. Согласно уставу, приговор военного суда обжалованию не подлежит.

Карцов поворачивается и медленно идет к двери. Пропустив его, конвоиры шагают следом.

Он выходит на палубу.

Просторная бухта сияет в лучах яркого южного солнца. Вода неподвижна, вдавленные в нее тяжелые тела кораблей — тоже. А на горизонте, который сейчас едва обозначен, четким треугольником проектируется одинокая скала. Странно, что Карцов не заметил ее. А ведь плыл мимо. Если бы задержался там на часок, все могло быть иначе...

¹ Форпик — носовой отсек на судне.

Клонится к горизонту солнце. Еще немного, и оно покинет синее небо, чтобы утонуть в синей густой воде. И солнце, и море, и небо те же, что и в день, когда он спасся с гибнувшей лодки. Но тогда в сердце Карцова жила надежда. Да, рядом плыла акула. Но он был свободен, он боролся! Он победил ее! И он бессилен перед людьми. Спасти из фашистского плена, избежать акулиных зубов — для того лишь, чтобы тебя убили союзники!..

Мысли вяло ворочаются в голове. Карцов неподвижно стоит у борта. Ему не мешают. Но конвоиры рядом, он чувствует их затылком, спиной...

Сзади протягивается рука Джабба. Между указательным и большим пальцами с желтыми, обкусанными ногтями зажата сигарета, остальные держат зажигалку. Карцов берет сигарету. Пальцы Джабба приходят в движение, крышка зажигалки отскакивает, и Карцов прикуривает от крохотного огонька.

После первых затяжек кружится голова. Но это быстро проходит.

И вновь глядит он на далекую коническую скалу. Почему так притягивает к себе этот камень? В его море, у входа в родную бухту, тоже высится одинокий горбатый остров...

Сигарета докурена. Так хочется еще! Обернувшись, он смотрит на Джабба. Тот молча протягивает пачку.

Карцов берет сигарету, разминает в пальцах и... застывает, склонившись к зажигалке, которую поднес Джабб. Он видит: на палубе лежит небольшое долото — инструмент закатился в шпигат¹ и едва заметен.

В следующие секунды Карцов действует автоматически. Пальцы разжимаются, и сигарета падает. Наклонившись, он подбирает ее. Другая рука, будто для опоры, ложится на палубу возле шпигата, так что долото оказывается под ладонью...

Пятая глава

Они лежат в чуть покачивающихся койках: Джабб вверх лицом, Карцов на боку, подсунув руки под щеку. Койки подвешены рядом. И Джабб, если хочет, может

¹ Шпигат — устройство для стока воды.

дотянуться до Карцова. Время от времени он так и делает: не поворачивая головы, проверяет, все ли в порядке с осужденным.

Джабб сторожит Карцова в камере. По узкому коридору, которым карцер сообщается с палубой, прохаживается еще один страж.

Осужденного бдительно стерегут. Он не должен бежать. Он не должен сам лишиться себя жизни. Это делают другие, которых, быть может, уже назначили. Их, вероятно, будет двое, если его собираются повесить, и человек пять-шесть, если предстоит расстрел. Он не помнит ни слова из приговора и не знает, какая смерть ему определена. Разумеется, можно спросить — Джабб рядом...

Карцов вздыхает. Всякий раз, когда он остается наедине со своими мыслями, они уносят его на родину. Вот и сейчас он полон думами о родном крае. Очень тревожно на сердце. Он убеждает себя, что самое трудное позади — миновали два года войны, а врагу не удалось взять Москву, форсировать Волгу, перевалить через горы Кавказа. Но ходили слухи, что нынешним летом немцы предпримут попытку нового генерального наступления по всему фронту. И вот лето пришло. Что сейчас там, на востоке?

Джабб вытягивает руку из-под подушки, кладет перед пленником толстую книжку с металлической застежкой. Карцов озадаченно разглядывает переплет белой лакированной кожи, на котором серебром вытиснен лотарингский крест.

— Раскрой и полистай, — наставительно говорит Джабб. — Подави в себе гордыню, помолись, парень!

Карцов молча отодвигает книгу. Джабб берет ее, ладонью проводит по переплету, будто смахивая пыль. Лицо матроса сосредоточенно. Руки, в которых он бережно держит молитвенник, чуть подрагивают.

Карцов наблюдает за ним. Через несколько часов Джабб умрет. Джабб и, наверное, тот, другой, размеренно шагающий по коридору. Карцов может вернуть себе свободу только такой ценой. До мелочей разработан план побега, точнее, план того, как выбраться на палубу. А там придется действовать по обстоятельствам. При большой удаче он незамеченным доберется до борта и

по якорной цепи спустится в воду. Далее надо выскользнуть из бухты и, оказавшись за молом, плыть в открытое море; быть может, на пути встретится какой-нибудь корабль.

Итак, подобранным на палубе долотом он убьет Джабба. Затем надо постучать в дверь — кулаком, двумя двойными ударами, как это делает Джабб. Получив такой сигнал, второй страж — это проверено! — тотчас отодвигает засов на двери.

Карцов лежит лицом вверх, сцепив на груди руки. Мысленно он видит каждый свой шаг, видит Джабба, который корчится на полу в луже крови. Кто же он такой, этот матрос с толстым, бугристым лицом и светлыми, почти бесцветными глазами? Клерк, мелкий торговец, коммивояжер? Нет, не похоже. Скорее всего, тянул лямку где-нибудь на заводе или в порту. Дома, конечно, осталась семья: у таких кряжистых да неторопливых всегда куча ребят...

Отворяется дверь. На пороге майор контрразведки — тот, что вел дело Карцова.

Джабб кубарем скатывается с койки. Конвоир, дежурящий в коридоре, вносит брезентовые разножки, ставит их у стены и уходит.

Джабб тоже направляется к двери.

— Отставить, — говорит майор. — Будьте здесь!

— Да, сэр.

Майор обращается к Карцову:

— Я должен побеседовать с вами. Встаньте и подойдите.

И вот они сидят на табуретах, в метре друг от друга. В противоположном конце камеры, широко расставив ноги и заложив руки за спину, прислонился к переборке Джабб. Недавно покинутые койки еще раскачиваются, и по стене мечутся черные, уродливые тени.

Майор приступает к делу без околичностей. Исполнение приговора не задержится — распоряжения уже сделаны. И, если осужденный хочет спасти себе жизнь, следует поторопиться. Приговор нельзя отменить или обжаловать. Но старший военный начальник, в данном случае комендант базы, обладает правом помилования...

Майор продолжает говорить. Карцов наблюдает за

ним. Это спортивного вида человек. Кожа на его лице розовая, гладкая. В глазах, в голосе много энергии. И только седеющая голова да руки в морщинах свидетельствуют о том, что офицеру не так уж и далеко до старости.

Между тем майор вынимает и разворачивает бумагу.

— Прочтите, — говорит он Карцову.

Карцов читает:

КОРВЕТЕН-КАПИТАНУ АРТУРУ АБСТУ. ОПЕРАЦИЯ «БЕЗУМЦЫ». ДЕНЬ X—5 ИЮЛЯ 1943 ГОДА. КАН.

Прочитав, он опускает бумагу, вопросительно глядит на контрразведчика.

— Подписано: Кан, — негромко говорит майор. Он прячет документ и, вскинув голову, глядит на Карцова. — Что вам известно об операции «Безумцы»?

Карцов пожимает плечами.

— Эта бумага попала к нам в руки позавчера, — продолжает майор. — Близ базы мы потопили одну из ваших подводных лодок. Идя ко дну, она, по счастью, оказалась на рифах, сравнительно неглубоко. Водолазы проникли в нее, извлекли сейф из каюты командира. Документ, надлежаще опечатанный, хранился в отделении сейфа, которое имело механизм уничтожения... Как видите, есть все основания полагать, что отправители считали его важным. А на конверте значились только фамилия и имя, которые нам ничего не говорят. Кто такой Абст? Что это за операция «Безумцы»? Вы должны о ней знать.

Карцов не выдерживает. Ринувшись к майору, он хватается его за грудь, поднимает с табурета, трясет.

— Поймите, — кричит он в бешенстве, — поймите, я русский, русский!..

Джабб с трудом оттаскивает пленника.

Майор приводит в порядок свой мундир, приглаживает волосы.

— Желаете знать, почему я столь настойчив? — говорит он все тем же ровным, спокойным голосом. — Видите ли, вы изволили прибыть к нам именно пятого июля, то есть в тот самый день, который объявлен началом операции «Безумцы». Согласитесь, что мы вправе делать

кое-какие выводы! Мы еще раз просим, расскажите все, что знаете. В ваших силах оказать человечеству важную услугу. Я уполномочен заявить, что ваше положение может круто измениться к лучшему. Поэтому внимательно выслушайте то, что я скажу. Итак, ваши пловцы атаковали базу. Можно не сомневаться, что будет и вторая попытка, и третья. Словом, они не оставят нас своими заботами. И вот мы разработали план. В момент, когда база подвергнется очередной атаке, вы бежите. Вас доставят непосредственно на территорию Германии или одной из стран, оккупированных ее войсками. Все будет сделано безупречно, ни у кого не возникнет и тени сомнения в том, что вы бежали, проявив чудеса находчивости и смелости... А потом вы начнете работать. Вы поможете нам ликвидировать корабли и базы, с которых действуют подводные диверсанты. И я заверяю, что ни один волос не упадет с головы отважных германских воинов, которых с вашей помощью мы возьмем в плен. Окончится война, и они вернутся домой, целые и невредимые. Конец же, как вы понимаете, уже предопределен. После тяжелого поражения, которое потерпели ваши армии на русской реке Волге, Германию ничто не может спасти. Вот почему, помогая нам, вы помогаете и своей стране. Она обречена. Она тем более обречена, что не дремлют и Америка с Британией. Мощь союзников колоссальна. Поэтому человек, который в этих условиях приближает конец войны, поступает благородно.

— Я советский офицер, — устало говорит Карцов.

— Это ваше последнее слово?

Помедлив, майор встает. Сейчас у него лицо старого человека. Видно, он очень надеялся на вербовку того, кого считает немецким диверсантом.

Майор медленно идет к двери. Задержавшись у выхода, он оборачивается.

— Уж не считаете ли вы, что мой визит и мое предложение, равно как суд над вами, — инсценировка?.. Быть может, вы думаете: «Это проделано с целью заставить меня признаться». Ошибаетесь, если так. — Майор морщится, будто у него болит голова. — И сейчас вы упустили свой последний шанс. Очень жаль, ибо я почему-то питаю к вам чувство симпатии.

И он выходит.

Выждав, Джабб присаживается на табурет, касается плеча пленника.

— Послушай, а ты зря отказался. Согласился бы, и дело с концом. Ну чего тебе стоило? Майор сказал правду — фашистам конец один. Чего же артачишься? Или ты, парень, о двух головах — одной не жалко?

Джабб в последние дни нервничает; он приглядывается к осужденному, и его гложут сомнения. Их заронил дружок — тот самый старшина Динкер, которого по требованию майора контрразведки списали на берег. В ожидании катера Динкер улучил минуту и, озираясь по сторонам, поманил приятеля пальцем.

«Джабб, старина, — зашептал Динкер, — они повесят русского! Я вышел из игры, ты вступаешь в нее. Я ничего тебе не советую, но поговори с ним, раскинь мозгами. Может, что и сделаешь для бедняги».

Джабб оцепенел. Он едва не двинул Динкера кулаком: не впутывай в историю!..

Динкер уехал. И вот Джабб вторую ночь без сна. А этот последний разговор со смертником, что называется, доконал матроса. Подумать только: человеку предложили жизнь, свободу, а он ни в какую! Кто же это такой? Гитлеровский фанатик? Но ярый фашист не стал бы прикидываться русским. Да еще после суда и приговора, когда все решено. Он бы любую возможность использовал, чтобы вернуться к своим и снова взять в руки оружие. Так кто же этот человек? Неужели Динкер был прав?..

Где-то на палубе бьют склянки. Корабельный колокол-рында звонит глухо, тоскливо. «Будто по покойнику», — думает Карцов.

Два двойных удара. Это значит: двадцать два часа. Время побега приблизилось. Сейчас все решится.

Карцов медленно опускает руку в карман, повлажившими пальцами стискивает долото...

И разжимает руку. Он вдруг понял, что не сможет убить матроса.

Еще несколько секунд внутренней борьбы, и он вытаскивает долото. Кладет его на край стола. Медленно бредет к койке.

Джабб глядит на долото остановившимися глазами. Придя в себя, хватает его, проводит пальцем по острому

лезвию. Каким образом инструмент оказался у осужденного? Для чего был предназначен? Или — для кого?

— Меня собирались прикончить? — растерянно бормочет он.

Пленный стоит в дальнем углу камеры, отвернувшись к стене.

Джабб подходит, становится за его спиной:

— Чего же не убил? Ведь мы враги! Я вылавливал тебя из воды. На суде свидетельствовал против. Теперь стерегу, пока за тобой не явятся...

Карцов молчит.

Глаза матроса наливаются кровью. Ссутулившись, он выставляет трясущиеся кулаки. Его большое, сильное тело вздрагивает от напряжения.

— Отвечай! — рычит он. — Отвечай, будь ты проклят! Почему не убил? Почему?!

Карцов резко оборачивается.

— Да поймите же, — почти кричит он, сверля матроса ненавидящим взглядом, — поймите, я русский, русский!..

Они сидят на брезентовых табуретах в дальнем от двери конце камеры. Джабб ожесточенно трет платком лоб, глаза, щеки, закуривает сигарету, шумно сморкается и вздыхает.

— Верно, все верно, — бормочет он. — Правильно, что отказался от предложения майора. Уж нацисты быстро бы раскусили, какой ты есть немец!.. Но что же нам делать, как поступить? Ты не думай, я бы плюнул на все и сходил к майору: так, мол, и так, посылайте новый запрос. Но считаю, будет не польза, а вред. Спишут, как Динкера. Еще и всыплют. Ах, дурак я, дурак, не поверил ему. А ведь знал — Динкер несколько лет проработал в России. Подмахнул контракт с фирмой и айда к Советам строить завод. Слушай, он не приврал: он и впрямь работал в городе, откуда ты родом?

— Да...

— Ну и ну! — шепчет Джабб. — Вот ведь как может случиться... И он забросал тебя вопросами: сейчас, мол, выведу его на чистую воду! Так было дело?.. Ты должен знать: после разговора с тобой он прямоиком двинул к майору, не побоялся. Там слопал отказ — хотел до само-

го адмирала дойти. А вышло: списали парня с корабля, да еще и вlepили неделю отсидки. Это значит — не лезь не в свое дело...

— У меня просьба.

— Выкладывай!

— Можно отправить письмо?

— Нельзя.

— Перехватят?

— Видишь ли, оно не дойдет в срок... — Джабб сдвигает брови, отворачивается.

— Значит, со мной... скоро?

— Завтра.

— Все равно, — твердит Карцов, — все равно, надо отправить письмо!

— Я все соображаю, что бы такое придумать, — задумчиво говорит матрос.

— Поздно!

— Поздно, когда убьют. До тех пор не поздно. — Джабб сжимает кулаки. — Или решил сам надеть на шею петлю?

— Но что можно сделать?

— Бежать! — выпаливает Джабб.

Карцов ошеломленно глядит на матроса. А у Джабба от возбуждения блестят глаза.

— Бежать! — решительно повторяет он. — Ты же сам хотел... Теперь предлагаю я! Может, откажешься?

— Я сбегу, а вас отдадут под суд.

— Будет суд или не будет, это еще как сказать. Скорее всего, обойдется. Конечно, всыплют так, что шкура будет трещать. Но ведь дело стоит того? — Джабб хватается за грудь. — Беги, русский! Может статья, встретишь конвой — корабли часто проходят севернее базы. Случись такое, и твое дело в шляпе. А на крайний случай — лучше погибнуть в море, чем болтаться в петле!

— Совершив побег, я тем самым подтверждаю...

— Да ни дьявола ты своей смертью не докажешь. Убьют, и basta! И будет болтать! Слушай, что скажу. Так вот: ты бежишь, а потом я изловчусь и отправлю восточку. Накропаешь страничку, я и перешлю. На тот случай, если что приключится в пути...

— Как же вы всё устроите?

— Не твоя забота!.. — спохватившись, Джабб озабоченно глядит на часы. — Времени, парень, в обрез. Схожу принесу бумагу, составишь письмо. А потом — с богом! До рассвета должен выбраться из бухты.

— Сколько же сейчас времени? — не выдерживает Карцов.

— Двадцать три часа без самой малости.

Карцов ходит из угла в угол, стараясь шагать медленнее, ровней дышать.

Мечты уносят его далеко за пределы железной клетки. Губами он ощущает вкус вольной морской воды. Вот устремился к нему острогрудый красавец с алым стягом на гафеле. Он приближается, он совсем рядом. Карцов кричит, протягивает к нему руки. И тогда из пучины встает коническая скала. Она растет, заслоняя корабль. День меркнет, все тонет во мраке.

Он встряхивает головой, чтобы отогнать нелепое видение. Как мчится время! Кажется, Джабб только что покинул камеру, а наверху уже пробили очередные полчаса.

По трапу стучат шаги.

Дверь открывается. Это снова майор.

Зачем он пришел? Неужели матрос все же обратился к нему?..

Карцов заставляет себя неторопливо пройти к койке, лечь и закрыть глаза. Он слышит: сделав несколько шагов, майор остановился рядом.

— Я подумал, что напоследок вам все же захочется повидать меня, — говорит контрразведчик.

Ответа нет.

— А где Джабб? — спрашивает майор у часового в коридоре.

— Не знаю, сэр. Он недавно отлучился. Должен быть с минуты на минуту. Да вы не беспокойтесь, здесь все в порядке.

Джабб не ходил к майору! Нахлынувшая было радость вновь сменяется острой тревогой. Он вот-вот вернется, майор уведет его с собой, задержит...

— Прощайте! — говорит контрразведчик.

И еще с минуту медлит у двери.

Оставшись один, Карцов облегченно переводит дыхание. Однако опасность еще не миновала — майор может встретить Джабба на трапе, на палубе.

Время бежит, бежит...

Шаги в коридоре. Снова майор? Или Джабб?

Нет, в камеру входят часовой и незнакомый матрос. Оба вооружены. В полночь на кораблях всех морей и океанов сменяются вахты. Вот и здесь, у карцера, вступает на пост новый страж. Один сдает осужденного, другой принимает его.

Рында возвещает о начале новых суток. А Джабба все нет. Почему? Отпереть свой рундук, взять блокнот и перо — минутное дело. Он же отсутствует больше часа.

Вдали возникает рокот. Похоже на шум турбин корвета. Вскоре доносятся и удары глубинных бомб, сбрасываемых перед входом в бухту, чтобы отгонять субмарины немцев.

Что, если подводные диверсанты вновь перебрались через боны и сейчас подвешивают заряды к киям кораблей? Тогда опять загрохочут взрывы, все вокруг придет в движение, бухту ярко осветят, и о побеге нельзя будет и думать.

Карцов сжимает руками пылающий лоб. Джабб, где же он, почему не идет?..

Половина первого ночи. Через четыре часа рассвет, после которого, если бежать не удастся, для осужденного уже не будет ни дня, ни вечера.

И вдруг кто-то берет его за плечо.

— Джабб, — шепчет Карцов, — Джабб!..

— Ну-ну, — бормочет матрос, — будет нервничать. Вот бумага и ручка. Не мешкай, пиши.

— Кому?

— Русским властям. Смелее пиши, открыто. Я придумал, как устроить, чтобы письмо дошло. Тут один матрос списывается под чистую. Надежный парень, не подведет. Доставит письмо на метрополию. А там, мне говорили, сейчас много ваших ребят. Кому-нибудь из них и передаст. Ловко?

— Да, да! — Карцов благодарно кивает, между тем как перо торопливо бежит по бумаге.

Исписана страница, вторая.

— Хватит! — командует Джабб.

Карцов заканчивает письмо, складывает листки.

— Держи конверт. Не забудь адрес.

Карцов крупно выводит: «Передать в Наркомат обороны СССР».

Джабб берет письмо, прячет на груди.

— Все будет как надо, — бодро говорит он. — Вот увидишь, мы еще повоюем!.. А теперь слушай новость. Это — чтобы сил у тебя прибавилось перед трудным делом. Так вот: ваши дали нацистам по зубам, крепко дали, парень!

— Где?..

— Я, видишь, запамятовал, как он называется, этот город. Не так уж и далеко от Москвы. Пятого июля немцы начали наступление. Здорово начали. Но русские были начеку. Недельку оборонялись, а сейчас пошли вперед. Только что радио передало: нацисты наложили в штаны и бегут. Такие дела! Так что взбодрись и гляди веселей.

Карцов хватается Джабба за плечи, притягивает к себе, крепко целует.

Огоньки вспыхнули в широко раскрытых светлых глазах матроса — огоньки радости, удивления. Или так показалось Карцову? Быть может, Джабб все еще сомневался в пленнике и только сейчас окончательно поверил ему? Не потому ли он и не возвращался так долго?

— Пришлось выждать, — говорит Джабб, как бы отвечая Карцову. — Прежний часовой не выпустил бы тебя в ночное время. А новый — порядочная разиня. Скажу, что у арестованного неладно с животом, он и не станет артачиться... Теперь слушай, да повнимательней. Как окажемся на палубе, двинем не туда, где гальюны, а прямоком на бак. Сделаешь десяток шагов и упруешься в кнехт левой скулы. К кнехту и подвязан конец. Присядь, нащупай его, лезь за борт. И — с богом! Понял?

— Понял, — поспешно отвечает Карцов. — Идемте!

— погоди! Оказавшись в воде, не отплывай от борта, держи вдоль него к штевню, а оттуда — к бочке, на которой стоит корабль. Ты должен доплыть до нее и затаиться, прежде чем я подниму тревогу. Запомни: у тебя будет минуты две, от силы — три. Успеешь управиться?

— Постараюсь! — шепчет Карцов, вздрагивая от волнения.

— И упаси тебя боже шуметь. Заметят — и мы с

тобой покойники. Будем болтаться в петле рядышком. Это хорошенько запомни, не оплошай, не подведи меня.

— Ясно. Идемте же!

— Сейчас пасмурно, — продолжает Джабб, — видимость ноль. Ветер с оста, слабый. Море — два балла. Словом, погодка что надо. Хотя ветер, сдается мне, будет сильнее. К утру может заштормить... Линкор стоит кормой к бонам. В ту сторону я и буду палить, как подниму тревогу. Арестант, мол, кинулся к борту, стал перелезть через поручни. Тут я, не мешкая, вскинул автомат. Всадил в него полдюжины пуль, он и пошел на дно, кормить кальмаров.

— Нужен всплеск от моего «падения» за борт.

— Будет! — Джабб хитро шурит глаз. — У борта наготове балластина.

— Понятно.

— А ты замри за бочкой. Не дыши. Выждидай. Пока не погаснут прожекторы и не уймется кутерьма. — Джабб достает из кармана какой-то предмет. — Голова-то, вижу, зажила. Держи, натянешь на нее.

— Зачем? — Карцов недоуменно разглядывает сетку для волос.

— Надевай, как окажешься в море. Дно бочки в космах водорослей. Нарви их, запихай в ячеи сетки — будет маскировка. Так и плыви: весь внизу, под водой, наверху одна голова в сетке, из которой торчит трава. Разумеешь? Ногами не очень-то двигай. Пусть тебя несет течением. Как раз попадешь к бонам. А там — действуй, да попроворнее.

— Спасибо!

Джабб показывает небольшой пакет:

— Провизию тебе собрал: шоколад, сахар. Все в резиновом мешке, воды не боится. Передам наверху. Пакет не должен попасть в чужие руки. Поэтому внутрь положил груз. Выпустишь его — он и потонет.

Матрос в последний раз оглядывает товарища:

— Ну, брат, отвоюемся, буду искать тебя. Город, откуда ты родом, я запомнил. Ты уж того... не помри до тех пор!

И он шутливо тычет кулаком в грудь Карцова. Он нарочито груб, в его голосе, жестах бравада. А глаза смотрят печально...

— Ну, всё! — Джабб решительно разрубил ладонью воздух. — Двинули!

Он подходит к двери, стучит.

— В галюи, — небрежно роняет он в ответ на вопросительный взгляд часового. — У парня свело брюхо.

Посторонившись, часовой пропускает обоих. Джабб берет свой автомат, хранившийся в коридоре, отводит затвор.

— Вперед, — командует он.

Палуба встречает их могильной чернотой теплой пасмурной ночи. Сеет дождь. С берега тянет горелым. Тихо, тревожно.

Карцов невольно останавливается.

— Иди! — шепчет Джабб и подталкивает его в спину.

Карцов делает несколько шагов и натывается на препятствие. Это кнехт, о котором упоминал матрос.

Присев на корточки, он торопливо ощупывает литой чугунный чурбан. Ага, вот он, трос.

— Скорее, — слышит он шепот Джабба, — живее поворачивайся. На-ка, держи!

В руки Карцова переходит пакет с шоколадом и сахаром.

— Бери и это!..

Джабб нащупывает ладонь Карцова и вкладывает в нее тяжелый плоский предмет. Это складной матросский нож.

Нож и пакет опущены в карманы штанов, в одном из которых уже лежит сетка для волос.

Карцов сжимает руку спасителю. Скользнув за борт, он повисает на тросе.

Вот и вода.

Он отпускает трос. Тот мгновенно уходит вверх — Джабб спешит убраться, чтобы не осталось следов.

Шестая глава

Черное небо усыпано крупными звездами. Они мерцают, пульсируют. Иные вспыхивают и, распушив огневые хвосты, бесшумно катятся по небосводу в черную теплую воду.

Скользнув за борт, Карцов повисает на тросе.

И в этом удивительном мире, оставив позади остров и базу, плывет Карцов, плывет неизвестно куда, снова один в ночном океане.

Что ждет его?

Встретит ли он конвой, о котором упоминал Джабб? Очень мало надежды, что корабли появятся именно в эти часы и пловец будет замечен во мраке, взят на борт, спасен...

Карцов закрывает глаза. Он так ясно видит корабль, который вдруг окажется на его пути... Он отдохнет, отоспится, придет в себя. Промелькнут годы. Отгремит война. И вот он получает приказ явиться на этот трижды проклятый остров. Он придет туда на советском боевом корабле, он будет в парадном мундире, при всех орденах. И он отыщет тех, что допрашивали его и осудили... Но главное — встреча с Джаббом. К его форменке он привинтит свой самый дорогой орден. Можно представить, какие будут глаза у Джабба! Джабб не промолвит ни слова, только вытянет из кармана штанов кулак, разожмет его, и в нем окажутся две сигареты. И они покурят и помолчат...

С шорохом набежала волна, накрыла с головой. Карцов отплеывается, движением руки отбрасывает назад мокрые волосы. Надо плыть! До цели не меньше двенадцати миль. Цель — это далекая скала, что была видна с борта линкора.

Вероятно, он доплывет до скалы в середине дня. Взобравшись на нее, изучит обстановку в море. Потом — сон. Он проспит целые сутки. Отдохнув, подкрепится — у него есть еда. Э, дело не так уж и плохо! Правда, он не имеет пресной воды, но сейчас прохладно, пить не хочется, и Карцов как-то не думает о воде. Кстати, она может найтись на скале — источник или дождевая лужа...

Рассвет подкрадывается незаметно. Кажется, что темно по-прежнему, но вот уже можно различить воду метрах в двух от себя, затем — в трех метрах, в четырех... Постепенно из молочной мглы проступает широкая полоса моря, подернутого колышущейся пленкой.

Где же скала?

Карцов тщетно всматривается в море. Скалы нет, хо-

тя по времени ей пора показаться. Уж не сбился ли он с курса?

Напрягая все силы, он приподнимается в воде; вытянув шею, тщательно изучает горизонт.

Он все больше верит, что скала — это спасение. Вскарabавшись на нее, он обязательно будет замечен с проходящего корабля. Его увидят, возьмут на борт, доставят на родину. Только бы отыскать скалу!

И тут ударяет шквал.

Ветер кромсает море на мелкие злые волны, расшвыривает их в стороны, вздымает к небу клочья желтой пузыристой пены.

По ноздри погруженный в клокочущую воду, Карцов отчаянно борется со стихией. Волны толкают его, бьют в затылок, в лицо; вода заливает рот.

А шторм крепчает. Все тяжелей валы. Каждый, настигнув пловца, вздымает его на гребне, чтобы тотчас низвергнуть, захлестнуть, раздавить.

О том, чтобы держаться нужного направления, Карцов уже не помышляет. Все усилия сосредоточены на одном: не захлебнуться, успеть сделать вдох, прежде чем накроет очередная волна.

Ветер разбросал клочья тумана, и гигантская серая махина возникла внезапно, в какой-нибудь полумиле. Карцов видит мрачные крутые стены и ожерелье бурюнов под ними. Рифы? Да, скала в кольце рифов.

Большая волна. Пловец на ее вершине. Теперь скала видна лучше. До нее совсем недалеко. Но он уже не спешит. Надо все осмотреть, отыскать подходящее для выхода из воды место.

Снова и снова взлетает Карцов на волнах, приближаясь к скале. Это монолитная громадина, вверху гладкая, а в нижней части испещренная трещинами и углублениями. Перед ней — гряда утесов, выставивших из пенной воды черные зазубренные клыки. Если даже посчастливится проскользнуть сквозь цепочку рифов, шансы спастись невелики — первая же волна может разбить пловца о гранитный бок утеса.

Выход один — обогнуть скалу и подобраться к ней с подветренной стороны, где затишье.

Карцов круто сворачивает.

Плыть стало еще труднее — теперь он движется на-

перерез шторму, в хаосе из воды, пены, тугих, как резина, воздушных струй. Он напрягает все силы, но безрезультатно. С каждой секундой грохот прибоя мощнее. Его сносит.

Несколько гребков, и он оборачивается. Скала совсем рядом — отчетливо видно, как волны врываются в щели и дыры ее нижней части, выплескиваются оттуда, вновь набрасываются на камни.

Вот-вот Карцова подхватит и понесет на риф.

Он собран и очень спокоен. Видимо, есть грань, переступив которую человек уже не подвластен страху.

До рифов — метры.

Из воды встает камень с зубчатой, как гребенка, вершиной. Волны дробятся на нем, самые крупные — переклестывают через «гребенку».

Пунктир подводных утесов тянется по обе стороны приметного камня, опоясывая скалу. А между рифами и скалой подобие водного коридора. Кольцо почти тихой воды.

Пловца подтащило к «гребенке» вплотную.

Мелькнула дикая мысль — промчаться над ней на вершине волны. Но это невыполнимо: нужна самая большая волна, обычная швырнет на каменные зубья.

Волна поднимает Карцова. Выше, еще выше! Он над рифом.

Неужели желанный «девятый» вал?

Нет, верхушка волны изогнулась, готовая рухнуть.

Молнией вспыхивает в мозгу: «Не ждать, коснуться «гребенки» раньше, чем в нее ударит волна!»

В тот же миг ноги резким движением выброшены вперед. Под ступнями опора. Изогнувшись всем телом, он на мгновение встает на верхушке камня.

В следующий миг поток воды обрушивается на пловца, душит его, мнет.

Но, полузадохнувшийся, оглушенный, он уже по ту сторону рифа — возле самой скалы, в полосе относительного затишья. Течение влечет его в сторону. Он плывет, зорко всматриваясь в море.

Всякий раз, когда подкатывает крупный вал, Карцов спешит навстречу и принимает удар у рифа. Его

отбрасывает, но между ним и скалой полоса чистой воды и можно маневрировать.

Течение огибает скалу. Скоро он будет у ее подветренной стороны и выберется из воды.

Однако ему готовится новое испытание. Впереди вода движется в странном ритме. Неужели воронка?

Да, водоворот! Карцова несет все быстрее, быстрее — к краю пологого водяного конуса.

Круг, еще круг. Сопrotивляться бессмысленно. Его главная забота — копить силы.

Скорость вращения растет. Постепенно все вокруг сливается в длинный многоцветный мазок — и скала, и рифы, и море. А потом перед глазами только стена воды, зеленая гладкая стена, которая лезет вверх, загромождающая и скалы и небо.

Он решает: пора!

Последний глубокий вдох. Перегнувшись в пояснице, Карцов головой уходит под воду. Он знает: водовороты страшны на поверхности и в прилегающих к ней слоях воды. На глубине сила их быстро слабеет. Спуститься пониже и под водой отплыть от опасного места — единственное спасение.

Широкими плавными гребками Карцов вертикально уходит в глубину. Вскоре вода, которая на поверхности вспенена и мутна, становится светлее и спокойнее.

Теперь он плывет горизонтально, вдоль подводной части скалы, усеянной трещинами и гротами. И всюду тонкие бурые плети, пучки длинных мягких плетей — они протягиваются откуда-то снизу, пронизывают водную толщу и, достигнув поверхности, свисают с нее размоchальными концами. Каждая волна заставляет их дергаться, виться. Плетки пляшут, скручиваются в жгуты, будто щупальца затаившихся в бездне неведомых тварей...

Пора подниматься. Он выбрасывает руки для гребка вверх и... поспешно прячется в водоросли.

Над ним плывет человек.

Неизвестный в резиновом костюме, в шлеме и с дыхательным аппаратом на груди. На ногах у него ласты, в руке острога, на которой бьется большая рыба. Увлеченный борьбой с добычей, он то опускается, то всплывает к самой поверхности.

Карцов затаился у скалы. В голове одна мысль: выдержать, не захлебнуться.

Секунды текут.

Человек, вяло работая ластами, удаляется. За ним тянется полоса рыжей мути — кровь, льющаяся из ран добычи.

Можно всплывать. Карцов поднимается, уголком глаза следя за охотником. На пути к поверхности он видит: рыба сорвалась с остроги, судорожно дергая хвостом опускается на дно, а за ней устремляется охотник. Что, если неизвестный заметил Карцова?..

Вынырнув и глотнув воздуха, он оглядывается. Совсем рядом скала и в ней широкая щель. Скорее туда!

Карцов скользнул в расщелину и плывет по узкому каменному коридору. Постепенно туннель расширяется. Скалы, низко нависавшие над головой, отступают, образуя подобие грота.

Он всплывает в грот, поворачивается в воде. Вокруг сумрачно, тихо. Вдали светится маленький треугольник — расщелина, через которую он проник сюда. Временами световой треугольник меркнет — волны захлестывают вход. Там, на воле, море беснуется. Здесь же вода почти неподвижна.

Никто его не преследует. Страхи были напрасны.

Что делать? Возвращаться? А вдруг тот, с острой, затаился у входа... Нет, лучше повременить. Он достиг главного: подветренная сторона скалы недалеко — достаточно всплыть из грота, взять левее, и он будет у цели.

Только бы избежать встречи с пловцом.

Кто этот человек? Несомненно, один из немецких диверсантов. Видимо, на рассвете, когда в море было тихо, он покинул подводную лодку, чтобы поохотиться, и у пустынной скалы его застиг ветер. Ну да пловцу с респиратором шторм не помеха — от непогоды можно уйти на глубину.

В обычном респираторе можно пробыть под водой часа два-три. Если пловец отправился на охоту еще до того как разыгрался шторм, в его дыхательном аппарате израсходовано не менее половины кислорода. А диверсанту надо еще и добраться до лодки, которая, конеч-

но, находится далеко от коварных рифов... Словом, по всем признакам, он сейчас не опасен: у него попросту нет возможности ждать. Стало быть, после отдыха Карцов может всплыть из грота и продолжать путь.

Он ложится на спину. Лицо обращено к выходу. Если глядеть вверх, перед глазами чернота. Но впереди, ближе к расщелине, на скальном своде трепещет отблеск света. Время от времени Карцов чуть подгребает ладонями, держа в поле зрения световой зайчик.

У него еще много сил. Но ему холодно. Все настойчивее потребность выбраться из воды, почувствовать под ногами опору, согреться. Он успокаивает себя: теперь это лишь вопрос времени.

Лежа в воде, он отдыхает.

И вдруг луч света исчез со свода.

Встрепенувшись, Карцов глядит в туннель, но видит вдали только едва различимую зеленую полоску.

Убаюканный тишиной и спокойствием, он забыл о приливе. А вода подкралась, залила расщелину.

Скорее к выходу, пока еще осталось пятнышко света!

Ринувшись вперед, Карцов натывается на выступ. Еще гребок — и снова препятствие. Откуда оно? Совсем недавно его не было.

Он вспоминает. С купола туннеля спускалось подобие каменной бахромы. Час назад, когда он всплывал в туннель, «бахрома» на метр не доставала до воды. Теперь, в разгар прилива, она перегородила туннель.

Единственная возможность достичь выхода — это нырнуть. Но до расщелины метров тридцать. Не проплыть их под водой, в полумраке узкого коридора, да еще против приливного течения!

Карцов в западне. Пока не наступит отлив, из грота не выйти.

Седьмая глава

Карцов подносит руки к лицу и не видит их. Вокруг темнота.

Поверхность воды неподвижна. Но ноги ощущают ее движение на глубине. Вода прибывает.

Что, если своды грота низки и каждый прилив заполняет его целиком? Случись такое — и Карцов обре-

чен. Пока не поздно, надо исследовать грот — быть может, он сквозной и второе отверстие еще не залито.

Он делает несколько осторожных гребков. Вытянувшись, скользит по воде. До сих пор в гроте было тихо. Но сейчас уши улавливают слабый плеск.

Уточнив направление, Карцов подгребает. Всплески слышнее. Снова гребки, и его пальцы касаются камня.

Теперь он движется, работая одной рукой. Другая все время касается стены.

Он очень долго плавает. Вокруг плотный мрак. Вода, вода и нескончаемая гладкая скала...

Никогда еще не был он так близок к отчаянию. Он слеп. Слеп — значит беспомощен. Ему все кажется: только что он проплыл мимо месга, удобного для выхода из воды, — стоило лишь протянуть руку, и он нащупал бы в скале выступ, карниз, трещину. Он не сделал этого и утратил единственный шанс.

Но он плавает. Он все время двигается вдоль стены, пядь за пядью ощупывая ее поверхность. В пальцах, ставших такими чуткими, собралась все его воля.

Внезапно Карцов замирает. Показалось: в глубине у опущенных ног вода взбудоражилась, взвихрилась, будто неподалеку промчалось огромное тело. И странный звук донесся: удар или шелканье.

Что это? Прижавшись к скале, Карцов ждет.

А память услужливо подсказывает:

«Тело у него было кирпично-красное, метров шесть длиной, на голове щупальца, выпученные глаза — каждый глаз с пушечное ядро крупного калибра. И клюв! Крючковатый, он выскакивал из какой-то полости в голове и зловеще шелкал. Когда огромные клещи раскрылись, они, казалось, могли обхватить грот-мачту».

Доклад командира французского корвета «Алектон» о встрече со стопудовым кальмаром составляет лишь одну страницу толстого тома, в котором собрано все то, что известно о чудовищах океанских глубин.

Карцов как бы перелистывает страницу за страницей. Новый эпизод. Теперь говорит командир британского фрегата «Дедалус».

«Среди волн плыла громадная толстая змея, подняв голову примерно на метр над водой... Несколько минут мы смотрели на гигантскую змею, но она ни разу не

опустила в воду темно-коричневую, полуметровой толщины голову с желто-белым ожерельем вокруг шеи. Длина туловища составляла метров двадцать».

Сколько таких свидетельств! Да и сам океан время от времени выбрасывает на берег для всеобщего обозрения то кальмара размером с автомобиль, то обрывок щупальца неведомой твари, толщина которого добрых три четверти метра...

Притаившись у скалы, Карцов напряженно слушает тишину грота. Холодно. Он совсем закоченел. Вдобавок судорога свела кисть руки. Он осторожно массирует пальцы. И вдруг, рванувшись, иступленно кричит, бьет. Его ноги обволокло что-то холодное, скользкое.

Не сразу сообразишь, что это всего лишь водоросли, которые занесены сюда течением. Подавив страх, он опускается под воду и сбрасывает со ступней цепкие петли.

Он снова плавает вдоль стены. Темнота. Тишина. Невидимая вода в невидимой скальной чаше. И — человек в ней, наперекор всему борющийся за жизнь.

Постепенно стена делается угловатой, ребристой. Все чаще встречаются впадины. Внимание! Здесь могут быть неожиданности.

Он замедляет движение, тщательнее ощупывает камень. Вскоре ладонь целиком уходит в трещину. Торопливо «просмотрев» ее руками, он определяет: трещина начинается под водой. А как далеко тянется вверх? Это пока неизвестно. Но несомненно — вверх она расширяется.

Прижавшись к скале, он ждет.

Вот когда он почувствовал настоящую силу прилива. Вода прибывает стремительно, и Карцов вместе с ней поднимается вдоль трещины. Да, она делается шире и глубже. Вскоре в нее уже можно протиснуться.

Еще чуточку вверх. Так, хорошо. Он влезает в каменную щель, карабкается на скалу. Скорее, скорее!.. Ему чудится: кто-то торопится следом, вот-вот настигнет.

А трещина продолжает расти. Сперва она поднималась почти вертикально, теперь же все больше отклоняется в сторону. Ползти легче — Карцов уже не ранит плечи об острые уступы скалы.

Вода осталась далеко позади. Сердце бьется ровнее. Выбрав удобную площадку, он с наслаждением ложится. Как отчаянно он устал!

Отдыхая, он намечает план действий. Надо обследовать подземелье. Кто знает, не отыщется ли ход к вершине скалы. Если поиски не дадут результата, он вернется к воде и во время отлива выплывет через расщелину.

Пора приниматься за дело. Карцов осторожно встает на четвереньки, чтобы не удариться о свод головой, поднимает руку. Рука не встречает препятствия. Сев на пятки, он вытягивает вверх и вторую руку, выпрямляется на коленях. Потом встает во весь рост. Над ним пустота.

Некоторое время он в растерянности. Впрочем, все очень просто: края трещины, по которой он полз, разошлись. Ничего страшного. Сейчас он определит направление и спустится к воде. Вероятно, скоро начнется отлив. Не стоит тратить силы. К тому же недолго и заблудиться.

Но в какой стороне вода? Он твердо помнит — она слева. В противоположной стороне, следовательно, стена. Надо нащупать ее.

Карцов делает шаг вправо. И еще шаг. Стены нет. Ну-ка, еще один... Нет, нельзя! Он удаляется от воды. Вода — это спасение. Когда начнется отлив и расщелина станет свободной, в грот проникнет свет. Находясь близ воды, он увидит свет и легко выберется на волю. Если же он «потеряет» воду, дороги назад не найти.

Запрокинув голову, Карцов неподвижно стоит в темноте. Верно ли, что вода слева? Не повернулся ли он невзначай, когда поднимался со скалы?

Сейчас он проверит.

Он садится на корточки, шарит по скале руками. Он ищет камень, чтобы швырнуть туда, где по его расчетам находится вода. В мертвой тишине подземелья всплеск прозвучит достаточно громко. Направление будет определено. Все это несложно. Нужен лишь камень.

Но камней нет. Ни единого камешка. Под ладонями гладкая скала. Что ж, это понятно. В гроте не бывает дождя. Здесь не дуют ветры, не палит солнце. Скала не разрушается. Откуда взяться камням?

Встав на колени, он механически ощупывает карманы. Конечно, ничего подходящего. У него только сверток с едой да нож. Ну, с ножом он не расстанется ни при каких обстоятельствах... А что, если попробовать отколоть им кусок скалы?

Карцов раскрывает нож. Пальцы ощупывают каменный пол. Вот, кажется, щель. Он всовывает в нее лезвие, слегка нажимает. Чуть-чуть сильнее... Камень не поддается. Еще чуть... Нет, опасно — нож можно сломать.

Снова несколько безрезультатных попыток. Тогда он вынимает сверток с едой. Джабб говорил о сахаре и шоколаде. Сейчас они пригодятся.

Он пытается распаковать сверток. Нелегкая задача — разорвать руками мешок из плотной прорезиненной ткани. Карцов так волнуется, что забыл о ноже... Наконец мешок взрезан. Да, вот он, шоколад, — две массивные плитки. Вот сахар — восемь шероховатых кубиков. А что это? В руках у Карцова нагель. Понятно, зачем положил его Джабб: нагель играет роль грузила.

Пальцы ласково поглаживают находку — короткий металлический стержень. Примерившись, он осторожно швыряет нагель влево от себя. Он весь обратился в слух: вот сейчас будет всплеск.

Нагель со звоном падает на камень.

— Так, — бормочет Карцов, роясь в кармане, — выходит, ошибся. Конечно, надо было взять левее.

Он достает кусок сахара, взвешивает на ладони. Легковат. Ну да здесь такая акустика!

Р-раз! Сахар летит в сторону.

Вновь секунды ожидания — и снова удар о твердое тело.

— Спокойно, — бормочет Карцов, поглаживая ладонями лоб. — Сядем подумаем. Главное — не торопиться. У меня сколько угодно времени, чтобы все хорошенько обдумать.

И он опускается на скалу.

Невозможно собраться с мыслями. Перед глазами неотступно стоит море. О, сейчас он думает о море совсем иначе! Он все бы отдал, чтобы вновь оказаться в воде, пусть даже в мрачном скальном колодце, из которого недавно выбрался с таким трудом. Что из того,

что он обессилел и продрог? Выдержав,ждавшись отлива, он вновь бы увидел солнце. А сейчас? Сколько еще провозится он в темноте, прежде чем найдет дорогу назад? Да и найдет ли? Что, если отлив уже наступил, а он и не знает об этом! Ему, быть может, стоит лишь чуточку отойти в сторону, чтобы увидеть и воду, и пробивающийся сквозь нее свет, и саму расщелину. Но куда надо двигаться? Где путь к воде?

Он заставляет себя лечь на скалу. Он должен успокоиться. Однако проходят минуты, он снова на ногах, торопливо достает новый кусок сахара.

Сахар будет брошен левее. Если и теперь неудача, он израсходует третий кусок, четвертый... весь запас сахара, весь шоколад, но вода должна быть найдена!

Ощупав пальцами сахар, он поудобнее укладывает его на ладони, мысленно намечает направление.

Бросок!

Всплеска нет.

— Третий, — упрямо говорит он.

Снова бросок. Результат тот же.

— Хватит, — бормочет Карцов, — хватит, надо подумать.

Ему все кажется: решение есть, оно очень простое, но он взволнован, взвинчен, и это мешает найти правильный путь. Нужна передышка. Успокоятся нервы, и выход отыщется. Во что бы то ни стало взять себя в руки.

И он начинает считать.

Он медленно выговаривает цифры, вслушиваясь в собственный голос, странно звучащий в тиши подземелья.

Время идет.

Карцов сидит на камне, подтянув к подбородку ноги. Ладонь чуть пришлепывает по скале, отбивая ритм счета. И кажется ему: кто-то вдали поддерживает счет гулкими ударами в такт.

До цифры шестьсот, которой заканчивается первая десятиминутка отдыха, остается немного. Последняя цифра, последний шлепок рукой по скале. Тишина...

Хочется есть. До поры до времени он сдерживался, но сейчас уже не в силах себя обманывать. Мог же он выбросить не три кубика сахара, а четыре или пять. Вот он и съест эти «лишние» куски.

Сахар осторожно положен в рот. Как быстро он тает!..

Теперь второй кубик.

Но сахар остается в руке: где-то в отдалении, один за другим, звучат глухие, ритмичные удары.

Акустический эффект? Да ничего подобного: кто-то долбит скалу.

Вот стук прекратился. Минутная пауза, и удары возобновляются в том же темпе.

Кто же стучит и где? Может, на вершине скалы? Нет, не похоже: звуки доносятся со стороны, будто со склона. Но бока утеса круты, почти неприступны. «Потому-то их и долбят», — отвечает себе Карцов.

Воображение рисует картину: человек с трудом вскарабкался на утес и готовит себе убежище. Кто он? Вероятно, тот самый пловец с острогой. Но он направлялся к подводной лодке! Чепуха, нету лодки. Вывод о том, что она где-то здесь, был сделан механически, под влиянием «признаний» Абста. Конечно, Абст лгал — лодка ушла.

А как же подводный охотник? Откуда он взялся? Да с той самой лодки. Он был выпущен из нее, но в назначенный час не вернулся — сбился с курса, промедлил. Мало ли что! Лодка не дождалась его, уплыла — на базе подняли тревогу, и она поспешно покинула опасный район.

Итак, один из диверсантов остался. Убедившись, что лодки нет, он доплыл до скалы, отыскал на склоне щель и вот расширяет ее, готовит себе убежище.

У него есть острога, он бьет рыбу, ему не угрожает голодная смерть. Он будет терпеливо ждать лодку, которая, вероятно, вернется.

Карцов вслушивается в удары, и ему кажется — видит пловца. Тот все еще в резиновом костюме. Его шлем, дыхательный аппарат и ласты сняты, лежат в стороне. Здесь же брошена наполовину съеденная рыба. Он пожирал ее сырой, ибо у него нет огня. Да и не рискнет он разводить огонь на виду у противника, даже будь у него спички и топливо...

Нить рассуждений Карцова прерывается. Ему стало холодно. Причем, как ни странно, стынет лишь правый бок. А если повернуться?.. Да, теперь охлаждается левая

сторона. А вот и слабый ветерок. Значит, воздух в гроте движется?

Но откуда здесь ветер? Вероятно, всему виной вода в скальном бассейне. Во время прилива она действует как поршень, выталкивая из подземелья излишек воздуха.

Где же отверстие, через которое вентилируется грот? Оно, надо думать, там, куда тянет ветерок. Кстати, удары тоже доносятся с той стороны.

Карцов встает.

Двигаясь по направлению тока воздуха, он должен выйти к отверстию на склоне горы. Тогда не надо будет вплавь огибать скалу, карабкаться вверх по круче.

Но у выхода враг, и у него острога. Что ж, не безоружен и Карцов.

Время течет, а он в нерешительности. Ну, а если пловец — его старый знакомый? Карцов поражен такой простой догадкой. Конечно, это Абст. Его-то и бросили фашисты, удравшие на подводной лодке!

Карцов лежит на краю обрыва, лежит без движения, ошеломленный тем, что внезапно открылось его глазам. Но всё по порядку.

Он долго полз, ориентируясь по едва приметному току воздуха. Вскоре площадка сменилась туннелем — руки Карцова стали натекать на стены. Потом туннель превратился в узкий лаз, дно которого было испещрено острыми выступами. Он обдирает колени, но продолжал ползти.

Поворот, еще поворот, затем крутой изгиб туннеля, едва ли не в обратную сторону, — и он со стоном прижимает ладони к глазам.

Несколько минут он лежал ничком, боясь поверить, что снова увидел свет. Да, перед ним было отверстие. Оттуда струился свет и доносились удары: четкие, громкие...

Успокоившись, он подтянулся на руках, осторожно заглянул в пролом.

Он думал, что отыскал выход из подземелья. Но он не увидел ни неба, ни солнца. Туннель вывел его к новому гроту.

Это очень большая, почти круглая полость в скале. Внизу чуть шевелится вода, освещенная прожекторами, — они прикреплены к стенам и направлены вниз. Верхушка подземелья тонет в темноте.

Взгляд Карцова прикован к лагуна. Под водой что-то движется. Какая-то тень поднимается из глубины. С каждой секундой она отчетливее.

Тень у самой поверхности. Еще немного, и из-под воды появляются две человеческие головы, одна позади другой, обе — в черных очкастых шлемах.

Не прекращая движения, люди продолжают всплывать. Вот они видны по плечи, по грудь. Они плывут вплотную друг за другом, не изменяя дистанции, будто сидят на гигантской рыбине.

Карцов не сразу замечает, что из пучины появились еще три «всадника». Встав в кильватер к двум первым, они тоже движутся по лагуна.

Сбавив скорость, пловцы достигли противоположного края подземного озера, где пологие скалы образуют подобие площадки. Здесь вспыхивает свет. Теперь виден опущенный в лагуну трап, ниши в стене, стеллажи, какие-то ящики.

У стеллажей работает человек, ударами кувалды загоняя в скалу железный костыль. Эти-то звуки и вели Карцова по скальному лабиринту.

Вот из пещеры выезжает колесный кран. Он приближается к кромке воды, наклоняет стрелу и вытягивает из лагуны толстый цилиндр. Нос цилиндра закруглен, в средней части — сиденья и подобие козырька перед ними. А на корме отчетливо видны рули и кольцевое ограждение винтов. Сомнений нет — это торпеда, приспособленная нести на себе людей.

Между тем кран развернул торпеду, откатился назад и укладывает ношу на стеллаж в глубине площадки. Ему помогают пловцы, уже успевшие вылезти и сбросить шлемы и ласты.

Кран возвращается и извлекает вторую торпеду. Но что это? В воздухе две торпеды, подвешенные одна над другой. В верхней прорезан кокпит, и в нем сидит человек, закрытый прозрачным обтекателем.

Работа продолжается. Вскоре кран поднимает еще два стальных цилиндра.

Торпеды установлены на стеллажах. Пловцы вылезли, освободились от шлемов и респираторов.

Прожекторы гаснут.
Темнота.

Восьмая глава

Тело налито тяжестью, болью. Это значит: спал долго, не отдохнул. Немедленно спать, приказывает Карцов самому себе, спать, набираться сил, энергии, ибо завтра... Но что предстоит завтра? С наступлением утра в гроте вспыхнет свет, начнется движение. А дальше? Потом огни погаснут и вновь будет ночь, к которой он придет еще более истомленный жаждой и голодом.

Разумно ли ждать? Не лучше ли действовать, пока еще не утрачена острота мышления, не иссякли силы?

Внутренний голос подсказывает: спустись к воде, переплыви лагуну и выйди там, где были подняты торпеды, — в этом месте и сейчас виден слабый отблеск света. Не откладывай, и тебе удастся добыть пищу и пресную воду, а может быть, и оружие. Спешь, пока вокруг темнота и спокойствие. Не жди, ни минуты не медли, ибо завтра может случиться такое, что сведет к нулю твои последние шансы на спасение!..

Голос этот столь требователен и настойчив, что Карцов непроизвольно сползает к краю расщелины.

Вот уже он на самом ребре обрыва. Ноги опущены к воде, которая где-то рядом...

Очнувшись, он рывком подтягивает колени, пятится. Он тяжело дышит. Подумать только, едва не оказался в западне! Стоило спуститься в воду, и он никогда бы не нашел дороги обратно...

Минуту назад ему было жарко. Сейчас сырость пронизывает спину, растекается по ребрам. А во рту будто стручки перца — язык, нёбо, гортань пылают в огне. Кажется, все бы отдал за кружку пресной воды!

Воспаленное воображение рисует картину: стол, накрытый белой прохладной скатертью, на столе запотевший стеклянный кувшин и в нем вода, в которой плавают кусочки льда...

Как добыть воду, без которой он, кажется, и впрямь лишится рассудка?

— Спать, — упрямо бормочет Карцов, укладываясь в расщелине, — спать!..

Его будит свет — пульсирующий, необыкновенный. Карцов осторожно выставляет голову из-за скалы. Верхушка грота охвачена пламенем. Волны огня — красные, желтые, фиолетовые — мчатся навстречу друг дружке, сшибаются и исчезают, чтобы тотчас опять возникнуть. Временами кажется: вверху бушует жидкий металл, вот-вот он ринется в воду, и тогда чудовищный взрыв в пыль развеет и грот и скалу...

Конечно, Карцов знает о сталактитах. Но как сравнить сухие строки школьных учебников с тем фантастическим зрелищем, что открыли его глазам лучи прожекторов, направленные в купол подземелья!

А в гроте работают. У стеллажей, где, подобно гигантским патронам в обойме, рядком лежат торпеды, возится бородатый — тот, что вчера орудовал кувалдой. Он в фуфайке и вязаных брюках, в шерстяной феске и мягких войлочных башмаках. На нем пояс с большим пистолетом в расстегнутой кобуре.

Кран, вытаскивавший торпеды, стоит у края площадки. За его рычагами второй обитатель подземелья. Стрела крана наклонена к воде. Туда же глядит и крановщик. Вот он что-то увидел, пробежал ко входу в туннель, перевел рычаг в настенной коробке. Стало еще светлее — вспыхнул нацеленный вниз прожектор.

Теперь и Карцов замечает тень, движущуюся в глубине лагуны. Тень растет, делается отчетливее. Вскоре всплывает предмет, напоминающий большую сигару. Торпеда вроде тех, что лежат на скале? Нет, появившаяся из-под воды сигара намного короче. И позади плывет человек. Карцов видит длинные ручки, за которые держится пловец, а в торце сигары винты в кольцевом ограждении, вспенивающие воду. Подводный буксировщик!

Сигара и человек приближаются к скале, где наготове стоит кран. Буксировщик замедляет движение. Пловец цепляет на крюк стрелы петлю троса и делает знак крановщику.

Карцов ждет: сейчас кран поднимет сигару.

Но буксировщик продолжает путь и вскоре оказывается у трапа. Здесь пловец оставляет свой аппарат и поднимается на скалу. Сильный, гибкий, в облегающем тело резиновом костюме, с которого стекает вода, в перепончатых лапах на ступнях, он сбрасывает пояс с грузами, респиратор и садится на камень. Карцову хорошо видно его лицо — молодое, красивое, но странно безжизненное. Присев, человек застыл, будто мгновенно впал в задумчивость.

Между тем стрела крана идет вверх и вытягивает из воды нечто странное. В воздухе гирлянда больших резиновых мешков, туго набитых, обвязанных тросом. Кран разворачивает их и укладывает на площадке.

Тотчас из глубины всплывает второй буксировщик с пловцом, а за ним еще пять буксировщиков. Один за другим они подплывают к площадке, волоча за собой мешки. Сноровисто работает крановщик. Вскоре весь груз поднят и уложен на скале. А в отдалении сидят семеро пловцов — молодые, в одинаковых костюмах, одинаково равнодушные и вялые...

На площадке появляется еще кто-то. Женщина!

Она вышла из туннеля. На ней просторная синяя куртка, желтые вязаные брюки, мягкие башмаки и пояс с пистолетом в расстегнутой кобуре.

Подойдя к пловцам, она извлекает из перекинутой через плечо сумки брикеты, каждый величиной с ладонь, раздаёт их.

— Ешьте!

Водолазы разрывают бумажную упаковку.

— Скорее! — требует женщина, хлопнув в ладоши, как это делают, когда говорят с детьми. — Скорее, у вас мало времени!

Пловцы запихивают еду в рот. Странное дело, они не изменили позы, не сделали ни одного лишнего движения, только разорвали обертку и взяли в рот по куску пищи. Челюсти их работают, глаза же по-прежнему устремлены вдаль.

— Снимите ласты! — командует женщина, когда с едой покончено.

Пловцы наклоняются, распускают шнуровку ластов, стаскивают их и откладывают в сторону.

— Встаньте и идите!

Вся группа подходит к мешкам, поднимает две связки и скрывается в туннеле.

Вскоре люди возвращаются за новым грузом.

Вот унесены все мешки. Пловцы садятся отдыхать. Женщина оборачивается к крановщику.

— Сигарету, Вальтер! — весело говорит она, сняв шапочку и поправляя светлые волосы.

— Прошу, фройлейн Ришер. — Крановщик вытаскивает пачку.

— О, «Люкс»! Где раздобыли?

— Все там же. — Крановщик, лысый человек с подвижным лицом и длинной шеей, торчащей из чрезмерно широкого воротника свитера, качает головой, вздыхает. — Все там же, фройлейн: у себя в шкафчике. Но запасы — увы! — подходят к концу.

Женщина берет сигарету.

— А мои запасы уже давным-давно фьюить! — Свистнув, она показывает рукой вверх.

— Надо быть бережливее, — наставительно говорит крановщик.

— Э, чепуха! — Женщина сильно затягивается. — Скоро у меня будет сколько угодно и сигарет, и солнца, и всего, чего я ни захочу!

Крановщик соскакивает с сиденья своей машины.

— Едете?..

Человек, который все это время возился возле торпед, сейчас одевается для спуска под воду: натянул на ноги и пришнуровал ласты, пристегнул пояс с грузами, пробует респиратор. При последних словах женщины он выходит на середину площадки. Это здоровяк с короткой рыжей бородой. Вот он взял у крановщика сигарету, зажег, выпустил облачко дыма.

— Значит, едете? — говорит он густым басом. — Добились своего. Ну, а кто будет за вас? Сам шеф?

В его голосе плохо скрытая досада. Уперев кулаки в бока, он покачивается на расставленных ногах, морщит лоб.

— Это же ненадолго, Глюк. — Женщина пожимает плечами. — Неделя, ну две. А потом у вас появится новый врач, гораздо более опытный.

— М-да, — неопределенно говорит Глюк и сплевывает. — Что ж, счастливого пути, коли так... — Он обра-

чивается к пловцам, все так же сидящим на камне. — Эй, вставайте!

Те послушно поднимаются.

— Взять дыхательные аппараты! — командует Глюк. — Быстрее, аппараты!

Подходит женщина.

Она проверяет, как водолазы надели пояса с грузами, пристегнули ласты, отвернули вентили кислородных баллонов и наполнили воздухом дыхательные мешки респираторов.

— Осталось два рейса, — громко говорит женщина, — вы слышите: два рейса! Теперь — в воду!

Пловцы в лагуне, где уже плавают рыжий Глюк. Включены моторы буксировщиков. Маленький отряд уходит под воду.

В течение нескольких минут женщина и крановщик тихо беседуют, затем скрываются в туннеле.

Прожекторы гаснут.

Карцов снова в темноте.

Откуда доставлены мешки и что в них? Вероятно, еда, оружие, взрывчатка. Выходит, поблизости склад, снабжающий обитателей подземелья? Легко сказать — склад! Можно не сомневаться, что на десятки миль вокруг каждый клочок суши контролируется хозяевами военно-морской базы. Но склад существует, и он недалеко: пловцы уже побывали в нем и до ужина собираются совершить еще два рейса.

Мысли Карцова переносятся к водителям буксировщиков. Станные люди — сильные, молодые и... какие-то апатичные. Устали? Или чем-нибудь озабочены?

Несомненно, в гроте размещен отряд гитлеровских пловцов, обученных действиям под водой. Убежище выбрано удачно: что может быть безобидней одинокой голлой скалы, которая вечно торчит перед базой и давным-давно всем намозолила глаза! На нее, конечно, не один раз высаживались моряки союзников, излазили скалу вдоль и поперек. Но им и в голову не пришло, что скала, точнее, пустоты в ней стали прибежищем фашистских пиратов.

Конечно, отсюда и действовали люди, подорвавшие крейсер и док. Абст лгал, утверждая, что их доставила подводная лодка.

Подводная лодка... Стоп!

Лишь сейчас понял Карцов, какой «склад» снабжает обитателей подземелья. Это подводная лодка, которая скрытно пробралась в район скалы, легла на грунт, а теперь, дождавшись ночи, всплыла и производит выгрузку. Кстати, не на этой ли лодке собирается отправиться на материк женщина, только что скрывшаяся в туннеле?

Итак, закончив выгрузку и приняв на борт пассажирку, лодка уйдет. Путь ее будет лежать в Германию. А впрочем, ей вовсе не обязательно плыть так далеко. Вероятнее всего, лодка направится к одной из секретных баз снабжения фашистского флота, разбросанных по многим морям. Там она примет очередной груз и вновь возьмет курс к одинокой скале.

Незаметно проходит время. Карцов задремал.

И снова светло в гроте: вспыхнул прожектор, луч которого направлен к воде. Один за другим всплывают из глубины буксировщики. Вскоре они возле трапа. Кран приходит в движение, спускает стрелу.

Вдруг пронзительный вопль сирены.

Мгновенно гаснет свет.

Авария или сигнал опасности?

Но что может угрожать убежищу, одетому в толстую каменную броню?

Сирена смолкает. Тогда слышен отдаленный рокот турбин военного корабля. С каждой секундой рокот громче, он нарастает, переходит в грохот, затем слабеет и глохнет: корабль, миновав скалу, удаляется. И тогда будто возобновили показ фильма: вспыхнул экран, пловцы задвигались в кадре, стрела крана наклонилась и потащила из воды связку мешков...

С наступлением темноты, решает Карцов, надо обратиться на противоположную сторону лагуны, чтобы добыть воду, оружие, продовольствие. Для этого следует оставить ориентир, по которому на обратном пути, в темноте, он отыщет выходное отверстие расщелины. Но Карцов уже познал силу прилива. Он понимает: любой оставленный на скале ориентир вскоре окажется под водой, либо высоко над ней. Короче, покинуть расщелину и спуститься в лагуну — значит попасть в ловушку, ибо дороги назад не найти.

Однако он обречен и в том случае, если останется в убежище. Как же быть?

И Карцов решается на рискованный шаг.

Он снимает брюки, аккуратно расстилает на скале и ножом выкраивает из них узкие длинные полосы. Надо нарезать как можно больше полос, связать их и полученную таким образом ленту спустить в лагуну. По расчетам, лента окажется достаточно длинной и достанет до воды при самой низкой точке отлива. Тогда будет надежда, что при возвращении она нащупает ориентир.

Нащупает! Плыть предстоит вдоль стены грота, плыть долго и в темноте, непрерывно шаря рукой по скале. Будет чудо, если пальцы наткнутся на полоску ткани, забившуюся в какую-нибудь трещину.

Все это Карцов понимает. Но он старается не думать о неудаче. Да и стоит ли гадать о возвращении в убежище, когда неизвестно, что ждет его на площадке и в туннеле.

Девятая глава

С тех пор как погасли прожекторы и стало темно, Карцов считает секунды. Вероятно, часа достаточно, чтобы те, что живут в гроте, уgomонились, заснули. Если прождать дольше, может случиться, что он не успеет вернуться затемно. Значит, час. Три тысячи шестьсот секунд, которые он мысленно отсчитывает, стараясь не сбиться и не частить.

Время отмерено.

Он осторожно сползает к воде, то и дело протягивая руку и касаясь ориентира. Лента получилась длинной. Это немного успокаивает.

Вот и вода. Привалившись к скале, он в последний раз ощупывает себя. Подаренный Джаббом нож — самая большая ценность! — надежно привязан к трусам. В заднем карманчике плитка шоколада. Одну плитку он съел, когда собирался в путь, другую сберег. Сейчас будет съедена и эта, хотя ему кажется — чувство голода притупилось, он мог бы и потерпеть. Но шоколад с собой не возьмешь — резиновый мешочек порван, в воде плитка растает. В расщелине же оставлять глупо: шансы найти дорогу назад ничтожны.

Карцов осторожно кладет шоколад в рот. В тот же миг челюсти судорожно сжимаются. Давясь, он проглатывает всю плитку. Как он голоден!..

Но пора отправляться. Расслабив колени, Карцов бесшумно, всей грудью ложится на воду. Ему кажется, он в теплой ванне. Да, лишь сейчас он почувствовал, как продрог в промозглой сырости подземелья.

Он плывет напрямик, держа к едва различимому световому пятну на той стороне лагуны. Руки и ноги неслышно работают на глубине. Струи воды обтекают тело, вымывая усталость, озноб. Становится теплее. Сил все больше. Хочется скорее доплыть, влезть на площадку, действовать!

Пятно света ближе. Теперь можно различить контур площадки. Однако вскоре Карцов вновь окунается в мрак: очевидно, он вилотную подплыл к площадке, ребро скалы заслонило отверстие туннеля и свет, идущий оттуда.

Он не ошибся — еще немного, и пальцы вытянутой руки коснулись стены.

Карцов у цели. Теперь надо найти трап. Без трапа на площадку не подняться — она слишком высока.

Где же трап?

Ему кажется — трап левее.

Он плывет в нужную сторону, ни на миг не теряя стены.

Двадцать гребков, сорок, сто... По расчетам пройдено достаточно, однако трапа нет.

Куда же он девался? А вдруг его подняли? Нет, это исключено. Карцов не прекращал наблюдение за площадкой, пока не погасли огни, и хорошо помнит: к трапу не подходили. Но, быть может, его втащили на скалу уже в темноте? Чепуха! Трап где-то здесь.

Повернув, он медленно плывет в обратную сторону, непрерывно ощупывая скалу. Время идет. Позади уже метров полтора, а то и больше. Трапа нет.

Теперь его гложут сомнения. Он либо неточно вышел к намеченному месту, либо прозевал момент, когда трап подняли.

Рука, все так же шарящая по скале, наткнулась на вбитый в расщелину большой металлический костыль с кольцом, от которого наискось под воду уходит стальной

трос. Зачем он здесь? Держит что-либо на дне? Нет, не похоже — трос протянут слишком полого. Вероятно, это ориентир для тех, кому надо выбраться из лагуны на свободную воду.

Впрочем, Карцову не до троса. Он поглощен поисками трапа.

Может, лучше не медлить и вернуться в прежнее убежище? Там он отдохнет, дождется света, запомнит в районе трапа какой-нибудь верный ориентир, чтобы следующей ночью сделать новую попытку...

Трах! Карцов обо что-то ударяется головой. Удар такой силы, что кажется — хрустнули шейные позвонки. Это трап! Он наткнулся на боковину трапа.

Несколько минут уходит на то, чтобы отдышаться. Держась за круглую металлическую ступеньку, он отвязывает и раскрывает нож, медленно поднимается из воды.

Ступенька, вторая, третья... А вот и площадка. Она в слабом, рассеянном свете, идущем из глубины туннеля. Слева — торпеды на стеллажах. За ними еще стеллаж; на полках уложено какое-то имущество.

Еще две ступеньки. Теперь он по поясу над площадкой. Угол зрения изменился, и он видит... бачок! Небольшой хромированный бачок укреплен в естественной нише, каких много в стене близ туннеля.

Нельзя спешить: мокрые ноги оставят следы, и если кто-нибудь появится... С трудом сдерживая нетерпение, Карцов ладонями растирает подошвы, ожесточенно трет ногу о ногу. Кажется, вечность минула, прежде чем они просохли и можно ступить на площадку.

Он возле бачка, берется за кран, подставляет губы и — получает удар в гортань. Удар, сопровождаемый шипением и треском. Не сразу сообразишь, что это вода, которая в бачке под давлением, газирована.

Кран завернут. Карцов прислушивается. Тихо. Тогда он снова осторожно приоткрывает кран и с наслаждением пьет прекраснейший из напитков — пресную воду.

Пьет, захлебывается, делает остановки, чтобы перевести дух и прислушаться, вновь подставляет рот под струйку воды. Кажется, что напился, но проходит минута, жажда возвращается, и он в который раз принимает губами к крану.

Площадка была в слабом, рассеянном свете, который шел из глубины туннеля.

Наконец удастся заставить себя повернуться спиной к бачку.

Перед глазами торпеды на стеллажах. Но они без взрывателей. Где же взрыватели? Ему нужен хотя бы один. При взрыве одной торпеды детонируют остальные, и тогда взлетит на воздух все это адово подземелье.

В поисках взрывателей, он обшаривает площадку. Тщетно. Есть торпеды, ласты, какое-то другое имущество, даже подводные буксировщики — в последний момент он обнаружил их в дальнем от туннеля углу. Все это лежит без охраны. И ни одного взрывателя или дыхательного аппарата.

Возле входа в туннель вделан в стену лист железа. Вот и скоба, а под ней — пластинка, прикрывающая замочную скважину. Дверь в новое помещение? Но она слишком мала. Уж не сейф ли это, где хранятся взрыватели?

Передвигаясь по площадке, Карцов ни на мгновение не прекращает наблюдение за выходным отверстием туннеля. Туннель — главная опасность. В любую минуту оттуда могут появиться обитатели подземелья.

Неподалеку от стеллажа с ластами новое углубление в стене. Ого, еще стеллаж! Здесь на распорках висят резиновые костюмы, а внизу сложены глубиномеры и подводные компасы, часы и фонари в непроницаемых для воды футлярах. В стороне — стопка брезентовых поясов с грузами, вязаные фески, чулки. Словом, на площадке есть все, что может понадобиться легкому водолазу. Недостает дыхательных приборов и взрывателей. А без них все это не стоит и гроша.

Шаги! Метнувшись за торпеды, Карцов замирает.

Из туннеля выходит человек. На площадке темно, но неизвестный проходит неподалеку, движется медленно, и Карцов может разглядеть его. Человек совершенно наг!

Незнакомец направляется к краю площадки. Вот он приблизился к трапу, обхватил руками поручни...

— Зигфрид!

Это крикнула женщина — та, которую крановщик называл фройлейн Ришер. Карцов и не заметил, как она появилась на площадке.

— Стоять, Зигфрид! — командует Ришер.

Она бежит назад, к выходному отверстию туннеля,

включает прожектор и возвращается. На боку у нее уже знакомая Карцову большая сумка, а в руках — портативная кинокамера. Нацелив объектив на обнаженного, Ришер нажимает на спуск.

Камера жужжит. Не отрывая глаз от видеоискателя, Ришер то отступает, то приближается к человеку, заходит сбоку, со спины, снимая его с различных ракурсов.

Сперва мужчина стоит неподвижно, равнодушно глядя перед собой. Но вот он начинает проявлять признаки беспокойства: озирается по сторонам, стискивает и разжимает кулаки, переступает с ноги на ногу, что-то бормочет. Вздыхнув, он нерешительно движется по направлению к воде.

— Назад! — командует Ришер, продолжая снимать. — Назад, Зигфрид, домой! Быстрее отправляйся спать!

Человек покорно поворачивается и ковыляет к туннелю. Женщина протягивает ему руку, в которой зажат какой-то предмет.

— Взять!

Человек убыстряет шаг.

— Взять! — властно повторяет Ришер.

Обнаженный останавливается. Ришер подходит к нему. Карцов слышит треск разрываемой бумаги, хруст, чавканье.

— Хорошо, — говорит Ришер. — А теперь — спать. Спать, Зигфрид. Быстро в постель!

Человек исчезает в туннеле.

Несколько секунд Ришер глядит ему вслед, шумно вздыхает, закрывает руками лицо. До Карцова доносятся всхлипывания.

— Боже, — шепчет Ришер, — боже праведный, смилуйся надо мной!..

А затем происходит нечто совсем уже странное. Внезапно она устремляется к воде, запускает руки в свою объемистую сумку и швыряет ее содержимое в лагуну.

— Вот, — восклицает она срывающимся голосом, — вот тебе, вот!..

Из этой сумки Ришер извлекала пищу, которой кормила ныряльщиков. Сейчас Карцов разглядел, что это — брикеты, запакованные в бумагу. По виду похожи на голландский шоколад. Немцы снабжают им своих лет-

чиков и моряков, и он как трофей частенько достается советским воинам.

Подумать только, плитки шоколада плавают где-то совсем рядом!

Между тем Ришер уже опорожнила сумку и медленно возвращается. Голова ее опущена, руки устало висят вдоль тела.

Неподалеку от входа в туннель она прячет кинокамеру. Именно прячет: опускает в расщелину и заваливает отверстие обломками камня.

Потом она гасит прожектор и уходит.

Выждав, Карцов крадется к трапу. У самой кромки скалы завалились в щель два брикета в красно-белой бумаге. Он хватает один, разрывает упаковку. Нет, это не шоколад. На ладони брусок легкого желтоватого вещества, от которого исходит тонкий аромат фруктов.

Попробовать?

Внезапно в сознании встают неподвижные лица пловцов, их пустые, безжизненные глаза. И особенно ясно он видит человека, только что скрывшегося в туннеле. Ришер кормила его такими же брикетами, она была так настойчива... Те, что буксировали цилиндры и мешки, тоже получали из ее рук эту пищу...

Швырнув в воду желтый брусок, Карцов долго трет пальцы о камень.

Десятая глава

Боковой отросток туннеля. Пещера в пещере. Подобие камеры в скале. Середину помещения занимает длинный стол, обитый цинком. В углу возле двери два шкафа со стеклянными боковинами, заставленные хирургическими инструментами и медикаментами. Обстановку дополняют несколько табуретов — металлических, окрашенных в белое. А на тросе, протянутом от стены к стене, — сильная лампочка с отражателем, направляющим свет на стол, тогда как стены и свод затенены.

В дальней от двери стене большой пролом. За ним видно нагромождение скал, спускающихся к лагуне. Здесь и затаился Карцов. У него часы на запястье, круглые водолазные часы. Он взял их со стеллажа на пло-

щадке. Кроме того, отобран аккумуляторный фонарь в водонепроницаемом кожухе, но лишь отобран и оставлен на месте. Фонарь поможет Карцову отыскать ориентир у расщелины в стене, через которую он проник в этот грот. Он проделает обратный путь по скальному лабиринту, дожидаясь отлива и выплывет в море.

Таковы планы. А пока он ждет. Четверть часа назад он увидел Абста. Тот вышел из пещеры, не погасив света. Значит, вернется.

Карцов оказался здесь после неудачной попытки проникнуть в туннель со стороны площадки. Дважды приближался он к выходному отверстию туннеля и оба раза отступал: где-то в глубине его горел свет, оттуда доносились голоса, стрекот пишущей машинки. Карцову требовалась пища, оружие. Вероятно, все это могло найтись только в туннеле. А туннель был недоступен. Тогда внимание его сосредоточилось на огоньке, горящем где-то вдали в стене грота. Огонь вспыхнул примерно полчаса назад, светил не переставая, ровно.

Карцов спустился в воду и поплыл на свет.

Так он оказался на скалах, возле пролома в стене пещеры.

Он был подготовлен к тому, что может встретиться с Абстом. И все же, когда Абст появился в пещере, у Карцова перехватило дыхание.

Абст вошел, и почти тотчас в дверях возникла фигура рыжебородого здоровяка.

— Шеф, — негромко сказал он, — похоже, что Ришер опять...

— Что? — Абст обернулся к нему. — Снова истерика?

— Плачет, шеф. Заперлась и ревет как белуга.

— Позови ее, Глюк.

— Лучше бы сами, шеф. Вы же знаете, девка с норовом. А у меня на таких чешутся кулаки. Боюсь, не стерплю, шеф!..

Абст вышел. Глюк двинулся следом.

Все это произошло четверть часа назад.

И вот снова шаги в коридоре.

Абст и Ришер входят в пещеру.

Женщина идет, прижимая платок к глазам.

— Можете сесть, — сухо говорит Абст.

Ришер опускается на табурет. Уронив голову на руки, она плачет.

Так проходит несколько минут. Постепенно женщина успокаивается. Вот она глубоко вздохнула, выпрямилась, отняла от лица руки.

— А теперь говорите. — Абст закидывает ногу за ногу. — Вы что-то хотели сказать мне? Говорите, я слушаю.

— Лодка... ушла, — шепчет Ришер.

— Да, ушла. — Абст облизывает губы. — Появилась опасность, что ее могут обнаружить. Поэтому, закончив выгрузку, она снялась с грунта и уплыла.

— А как же я? — кричит Ришер и вскакивает с табурета. — Вы обещали!

— Еще немного, и ее забросали бы глубинными бомбами.

— Я вас просила...

— Лодка вернется. Наберитесь терпения. Вы долго ждали, потерпите еще немного, и все устроится.

— Просила, — твердит Ришер, — просила еще вчера! Вы обещали переправить меня на лодку заблаговременно.

— Возникли обстоятельства... Я не мог, Марта.

— Не могли! — Ришер достает из кармана листок. — Вот письмо. Бомба упала на дом, мать погибла в развалинах. Сестра при смерти!

— Я не мог, — повторяет Абст. — Будь лодка и сейчас здесь, все равно бы не мог. Обойтись без вас невозможно. Нам поручили важное дело. Вы знаете, мы только начали. Выдержав, вы покроете себя славой, у вас будет много денег... Ну, вытрите слезы и улыбнитесь. Вы — немецкая женщина. Когда мы победим и вернемся, каждый будет считать честью поцеловать вам руку. Надо остаться и ждать замены. Поймите: без врача, специально обслуживающего группу, нам придется туго.

— Но когда же вы наконец отправите меня? — снова спрашивает Ришер, и в голосе ее звучат злые нотки.

— Так скоро, как только смогу. Наберитесь терпения. Дело нации требует. Еще полгода, год... Стойте!

Абст бросается к Ришер, которая быстро извлекла что-то спрятанное на груди и поднесла ко рту.

В непосижимом скачке ему удастся толкнуть руку Ришер. На пол падает небольшая склянка. Вслед за ней

оседает на подогнувшихся ногах женщина. Абст подхватывает ее, укладывает на столе, приподнимает ей веко, щупает пульс. Видимо, состояние Ришер внушает ему опасения. Отыскав глазами злополучную склянку, он осторожно берет ее, рассматривает, нюхает.

Глюк, который только что вошел, медленно приближается.

— Яд? — негромко говорит он.

Абст коротко кивает.

— Успела?

— Нет...

— Что же тогда с ней?

— Еще не знаю. — Абст передает ему склянку. — Забрось подальше. Возвращайся с носилками.

Глюк уносит пузырек с ядом. Склонившись над столом, Абст следит за пульсом Ришер.

Та открывает глаза и, упершись ладонями в стол, пытается сесть. В ее глазах страх.

— Что с вами?

— Ноги... — кричит Ришер. — Я не чувствую ног!

И вновь теряет сознание.

У двери шорох. Это вернулся Глюк. Он пришел не один. Из-за его плеча выглядывает крановщик.

— Ну так что же с ней, шеф? — спрашивает Глюк.

— Отнялись ноги.

— Дьявол ее поberi! Вечная возня с бабой. Прошлый раз закатила истерику, неделю валялась, не в силах вымолвить слова. Теперь — ноги!.. Как же мы будем одни?

— Не знаю.

— Без врача пропадем, шеф. Или бросите все и будете тянуть за нее?

Абст вынимает пистолет из кобуры на поясе Ришер.

— Унесите ее, уложите в постель и возвращайтесь.

Глюк и крановщик стаскивают женщину со стола, опускают на носилки и выходят.

Одиннадцатая глава

Крановщик и рыжебородый вернулись в пещеру и беседуют с Абстом. Говорит крановщик. Впрочем, сейчас Карцову уже ясно, что подъем из воды грузов и букси-

ровщиков — лишь побочное занятие этого невысокого, торопливого в движениях человека. Главная же его специальность — радио: обитатели грота связаны со своими хозяевами в Германии и, кроме того, имеют контакт с военно-морской базой противника. Там действует их помощник. О нем-то и докладывает сейчас радист, точнее, о донесениях агента, принятых во время последнего радиосеанса. Здесь сведения о большом конвое союзников, который вот-вот проследует мимо базы. Далее — сообщение о выводах специальной комиссии, изучавшей последствия недавней диверсии. Агент утверждает: подорванный крейсер посажен на грунт на мелководье. Срок, необходимый для его восстановления, три месяца. Однако единственный док, способный принять крейсер, тоже выведен из строя. Ремонт займет столько же времени. Итак, полгода на док и корабль, в котором надо заделать большую пробоину и отремонтировать сместившиеся с фундамента главные двигатели...

Абст слушает рассеянно, будто все, что рассказывает радист, ему уже известно. Он сидит на табурете, боком привалившись к стене, словно дремлет.

Радист просит разрешения закурить и приступает ко второй части доклада.

— А приговоренный пытался бежать!

При этом он привычным движением руки оттягивает и без того чрезмерно широкий воротник свитера, дергает головой на длинной шее. Голос у него высокий, ломающийся, словно у подростка. Перед каждой фразой он с шумом втягивает воздух, как это делают, когда болят зубы, затем выпаливает фразу одним дыханием, будто боится, что ему не дадут досказать.

— Что? — Абст выпрямляется. — Я не расслышал. Вы сказали: бежал?

— Пытался, шеф. — Радист шурится, ладонью трет лысину, передергивает плечами. — Прыгнул за борт, когда его вели в галюн. Это случилось ночью. Попросился на верхнюю палубу: очень, мол, надо в галюн...

— Да не спеши, — ворчит Глюк. — Медленней говори, Вальтер!

— Разиня часовой и вывел его...

— Он бежал? — спрашивает Абст.

— Какое!.. Часовой еще в воздухе прострочил его из автомата. Парень камнем пошел на дно. — Рванув воротник свитера, Вальтер всплескивает ладонями и выкрикивает: — Я думаю, это был немец, шеф. Да, да, немец, и никто больше!

— А как полагает агент?

— Передал сообщение — и баста.

Карцов затаил дыхание, чтобы не пропустить ничего, что еще будет сказано о его побеге. Но Абст меняет тему разговора.

— Что с итальянцами? — спрашивает он. — Вчера вы докладывали: лодка рассчитывает прийти через неделю. Новых данных нет? Вечером в рубке были вы?

— Работала Ришер, шеф. Но я просмотрел ее записи в журнале. Ничего нового.

— Итальянцы... — Абст устремляет глаза на стоящих перед ним людей. — Вы должны знать, я давно охочусь за одним из них. Впервые я увидел этого человека лет пять назад...

— Джорджо Пелла? — перебивает Вальтер.

— Он вам известен?

— Еще бы! — Радист морщит в улыбке круглое желтое лицо. — Отличный пловец, шеф! Я встречался с ним до войны, на матче в Италии.

— Но Пелла не скоростник. Я хотел сказать, он не спортивный пловец.

— Да, да, — визгливо выкрикивает Вальтер, — конечно, не скоростник! Пелла — ныряльщик, шеф. В матче он не участвовал — сидел на трибуне и глядел. Он показал себя позже, когда мы закончили. И как показал! Спортсменов на катерах вывезли в море. Выбрали местечко получше, где вода прозрачна, стали на якорь. И вот Пелла надел ласты, натянул маску и, как был, без респиратора нырнул на сорок метров. Я глаза вытаращил.

Хихикнув, радист зажигает погасшую сигарету. Курит он тоже особенно — держит сигарету у рта большими и указательными пальцами обеих рук, делая подряд несколько коротких, быстрых затяжек, затем складывает губы трубочкой и выпускает длинную струю дыма.

— Мне довелось видеть его в другой обстановке, — задумчиво говорит Абст. — Он погружался с дыхатель-

ным аппаратом... Ну-ка, Глюк, как глубоко вы спускались на кислороде?

— Ниже тридцати не ходил¹, — басит рыжебородый. — Слышал, будто некоторым удается погружаться на сорок метров. Но я не могу. Однажды попробовал, едва не оказался на том свете. Вот Вальтер меня и вытаскивал.

— Ну, так знайте: Пелла нырял на сто пять метров!

— С кислородным прибором?

— На нем был респиратор трехчасового действия. По виду — обычный...

— Брехня! — машет рукой Глюк. — Тот, кто рассказывал вам об этом, бессовестный лжец!

— Глюк прав, шеф, — торопливо поддакивает радист. — Ставлю бочку лучшего баварского пива против одной вашей кружки, что вас ввели в заблуждение.

— Но я все видел своими глазами, — улыбается Абст. — И он сказал, что может спуститься еще глубже, метров на полтора.

— Как ему удалось? — бормочет Глюк.

— Не знаю, хотя и догадываюсь. — Абст задумывается. — Это не всё. Послушайте, что было дальше. Пробыв под водой минут двадцать, он быстро всплыл. Понимаете: всплыл без остановок для декомпрессии!²

Глюк стоит, раскрыв рот, растерянно шевеля пальцами.

Радист, дернув плечом, подсказывает к Абсту:

— Как же он мог? Глубина сто метров... Да еще пробыл там двадцать минут. Тяжелый водолаз поднимается с такой глубины очень долго. Несколько часов!

— Пелла всплыл за четверть часа. После подъема он улыбался, сыпал шутками. Потом привязал к своему респиратору динамитный патрон и зашвырнул аппарат далеко в море. Взрыв — и респиратора как не бывало!

— Выходит, все дело в приборе: какой он конструкции, чем начинен? — спрашивает Глюк.

¹ В Советском Союзе глубина погружения в респираторе, в котором применяется чистый кислород, ограничена двадцатью метрами. На больших глубинах чистый кислород опасен — он может вызвать тяжелое отравление и гибель водолаза.

² Водолаза с больших глубин поднимают медленно, с остановками. Иначе неизбежна так называемая кессонная болезнь.

— Полагаю, не только в этом. Но скоро мы всё узнаем. И если будет удача... Словом, наконец-то Пелла у меня в руках!

— Мы-то выжмем из него всё, — ухмыляется рыжебородый. — Не он первый!

— Теперь о Ришер, — говорит Абст. — Она в тяжелом состоянии... Насколько я мог определить, паралич обеих ног. В этих обстоятельствах я вижу единственный выход. Вы, Глюк, принимаете обязанности по контролю над пловцами, превратившись в бдительную няньку.

— Но...

— Вы перебиваете меня, Глюк!

— Простите, шеф.

— Я понимаю всю трудность задачи, — продолжает Абст. — Только опытный врач может справиться с двумя дюжинами существ, в каждом из которых дремлет зверь, готовый вцепиться тебе в глотку.

— Именно так, шеф! В этом вся суть.

— Как видите, я ничего не скрываю. Вы должны знать, какой груз взваливаете себе на плечи. Но думаю, все обойдется. Первые дни я буду неотлучно с вами, обучу контролю за ними, и дело пойдет. Главное — не зевать, быть начеку.

Абст вопросительно глядит на помощника. Тот нервно ходит из угла в угол.

— Ну, — спрашивает Абст, — как вы решили?

— Не могу, шеф. — Глюк не скрывает страха. — Кормить их и понукать — самое легкое. Главное же, вы знаете, не это... Главное, чтобы они не взбесились. Ришер пыталась учить меня, как вы и приказывали. Куда там! Боюсь, шеф. Боюсь оплошать, просчитаться. А вы знаете, чем это пахнет!

— М-да. — Абст морщится, будто у него болит голова. — Значит, отказываетесь? Хорошо, тогда ими займусь я.

— Это не выход. Надо радировать, чтобы прислали замену.

— Конечно, врача мы затребуем. Но придется ждать месяц, если не больше. Месяц я буду в бездействии... Глюк, вы должны согласиться!

— Не настаивайте, шеф. Я заглядываю им в глаза, и душа у меня леденеет. Что угодно, только не это!

— Но даю слово: я не покину вас ни на день.

Глюк угрюмо молчит.

Абст встает.

— Решено, — заключает он. — До прибытия врача мы прекращаем боевую работу.

И он уходит.

Радист, который в продолжение всего этого разговора проявлял живейшие признаки нетерпения, резко оборачивается к товарищу.

— Дурак! — выпаливает он.

— Кто?

— Кто дурак? — переспрашивает радист. — Да это ясней ясного. Разумеется ты, Густав Глюк. погоди, шеф припомнит тебе!

— И пусть, — мрачно бормочет рыжебородый, — пусть припомнит. Хуже не будет.

— А, чепуха! — Радист извлекает из кармана штанов плоскую металлическую коробку с карамелью, долго перебирает конфетки пальцем. — Дать тебе, Густав?

— Да провались ты с этой гадостью! — негодует Глюк.

Выбрав зеленую конфету, радист ловко кидает ее в рот, прячет коробку в карман.

— Надо беречь себя, — наставительно говорит он. — А то дымишь и дымишь. Я вот чередую: сигарета — конфета... Может, дать мятную?

Рыжий брезгливо сплевывает.

— Ну, как хочешь. Так слушай. Я опять насчет этих... Ты, Густав, будешь не один. Я всегда рядом. Вдвоем мы сила! Случись что, легко перестреляем все стадо. Я, ежели говорить по чести, сейчас о другом тревожусь. — Вальтер переходит на шепот. — Видишь ли, сегодня улучил минуту и послушал эфир. Захотел узнать, что творится в мире...

— Да не тяни!

— Они снова бомбили Гамбург!

— Кто?

— Американцы, кто же еще! — Радист выплевывает конфету. — Триста «крепостей» висели над городом. Там такое творилось!..

Замолчав, он выжидательно глядит на собеседника. Тот не отвечает.

Глюк мотнул головой, ссутулился и, выставив кулаки, двинулся на радиста.

— Вот и на востоке не очень-то все блестяще... — осторожно добавляет Вальтер.

— Ты зачем говоришь мне это? — Рыжий угрюмо сдвигает брови. — Ты чего хочешь?

— Хочу, чтобы согласился.

— Да ты храбрец, как я погляжу. Ну, а вдруг оплошаем и они выйдут из-под контроля? Ну-ка, прикрой гляделки и вообрази: плывешь на глубине, справа — один из них, слева — другой да еще парочка движется следом. И вдруг у них начинается... Ты только представь такое, Вальтер!

— Представляю! — Вцепившись пальцами в воротник свитера, радист порывисто наклоняется к собеседнику. — Представляю все очень хорошо. Но мы с тобой умные парни и «ошибемся» тогда лишь, когда захотим!.. Запрем их покрепче и оставим без снадобья. И пусть у них все начинается. Разумеешь? Пловцов придется прикончить. — Радист ухмыляется. — Жаль бедняг, но что поделаешь, если все так случилось?.. — Он хватается Глюка за плечи, заглядывает ему в глаза. — И нас с тобой отправят на материк: пловцов нет, нам здесь уже нечего делать! А денег не занимать ни тебе, ни мне. Денег куча! И еще будут. И чистенькие мы: никто ничего не знает. Вот оно как все получится. Поживем, осмотримся, а там будет видно. Война продлится не вечно. Надо и о себе подумать. Шкура-то у человека одна...

Рыжий неподвижно стоит посреди пещеры. Вот он мотнул головой, ссутулился и, выставив кулаки, двинулся на радиста. Тот пятится.

— Ну, ты, — бормочет Вальтер, вертя шеей, — полегче, дурень... Ведь о тебе забочусь!

— Вот что... — Глюк будто очнулся, шумно выдохнул. — Вот что, этого разговора я не слышал.

— А я ничего и не говорил, — поспешно вставляет радист.

— И еще замечу...

— Тихо! — шепчет радист.

В пещеру стремительно входит Абст.

— Глюк, одеваться! — бросает он.

Рыжий вздрагивает.

— Что еще стряслось, шеф?

— На скале — человек.

— Что?..

— Человек на восточном склоне лежит возле самой воды. Я увидел его в перископ.

— Он жив?

— Не знаю.

— С базы? — Радиста осеняет догадка. — Пловец из противодиверсионной службы?

— Вряд ли.

— Понятно, — восклицает радист, всплеснув руками, — понятно, кто он! Наверное, тот самый... Наверное, течение прибило труп приговоренного. Ну, того, что был убит при попытке к бегству! Шеф, на допросе вы сидели рядом. Не опознали?

— Не до него было. — Абст пожимает плечами. — Вот-вот грохнет взрыв, а мне надо еще успеть исправить респиратор. Да и сидел он, закутанный в одеяло, голова забинтована — одни глаза сверкали... Ладно, хватит болтать!

Абст выходит. Глюк и Вальтер движутся следом.

Трое обитателей подземелья втаскивают в пещеру двухметровый серый цилиндр.

— На стол! — командует Абст, направляясь к шкафу с медикаментами.

Помощники укладывают цилиндр на обитом цинком столе. Глюк устало выпрямляется.

— Открывайте! — бросает Абст, роясь в шкафу.

Вальтер и Глюк отщелкивают замки, напоминающие тяжёлые запоры канистр. Их четыре, расположенных пояском в первой трети цилиндра.

Высоко держа руку со шприцем, Абст возвращается к столу.

Глюк берется за скобу в торце цилиндра, тянет ее к себе. Радист придерживает цилиндр с противоположного конца.

Цилиндр разнимается на две части. В нем — человек, бронзоволицый и темноволосый. Его глаза закрыты. Нос, рот и подбородок спрятаны в овальной воронке, от которой уходит в цилиндр толстый резиновый шланг.

Карцову понятно назначение цилиндра. Это кассета, в которой сюда доставляют людей, не умеющих пользо-

ваться респиратором. Фашисты захватили ее с собой, когда выплывали из грота, на скале втиснули человека в стальной футляр, надвинули крышку...

Радист освобождает человека. Пустая кассета со звоном падает на пол, будто гильза артиллерийского снаряда.

Теперь тот, кого принесли, виден весь: нагой, тощий, с опавшим животом и торчащими ребрами, которые, кажется, вот-вот прорвут обтягивающую их желтую кожу.

Над ним наклоняется Абст. Он делает укол в область сердца, приносит второй шприц и производит инъекцию в руку.

Человек вздрагивает, стонет. Он открывает глаза и силится оторвать голову от стола.

Абст берет его руку, слушает пульс.

— Воды! — приказывает он. — Горячей воды. Соберите всю, какую найдете, слейте в ванну. Скорее!

Глюк и Вальтер спешат к выходу. Но несчастный начинает биться. Он выкатывает глаза, хватая руками воздух, хрипит. Затем следует сильный удар затылком о крышку стола, волна дрожи от груди к ногам — и он недвижим.

Абст пальцем поднимает веко у него на глазу.

— Готов! — бросает он.

Помощники возвращаются.

Радист набожно крестится, что-то шепчет. Подойдя к покойнику, складывает ему на груди руки.

— Быстренько ты отчалил... — бормочет он, разглядывая лежащего. — Кто же ты был: малаец или индус?

— А, один черт! — Глюк раздосадован. — Тащили его, мучились, а он ноги протянул.

— Не богохульствуй, — строго говорит Вальтер. — Придержи язык, а то быть несчастьем... Это хорошо, что он умер среди людей.

— Мог бы и пожить.

— У нас дорога ему была одна. — Радист вздыхает, привычно тербит воротник свитера и снова крестится. — Днем раньше, днем позже...

— Тьфу! — негодует Глюк.

Из карманчика на груди он достает круглую белую коробочку. От нее тянется длинный шнурок.

— Взгляни.

Радист берет коробочку, недоуменно вертит в руках.

— Да раскрой же!

Радист развинчивает коробочку. Вываливается свернутая в трубку бумажка. Он разворачивает ее и читает: — «Рагху Бханги, бакалавр медицины. 708. Рэд-стрит, Лондон». Ну и что? — говорит он, подняв глаза на товарища.

— А то, что бакалавр медицины — это врач. Парень носил эту штуку на шее. Он был врач. Сама судьба прислала его сюда.. Надо же: доплыл, чтобы испустить дух у нас на руках!

— Врач... — шепчет Вальтер, начиная понимать.

Он оборачивается к Абсту. Тот стоит у полки, дезинфицируя шприц.

— Шеф, вы рискнули бы довериться черномазому?

— Не знаю. — Абст прячет шприц, оборачивается. — Впрочем, почему бы и нет?

— Чужому, шеф?

— Чужому? — переспрашивает Абст, возвращаясь к столу. — А какая, собственно, разница? Он никогда бы не вышел отсюда.

Двенадцатая глава

И снова Карцов видит солнце — яркое, жгучее солнце прямо над головой — и ощущает струи влажного теплого ветерка.

Он лежит у самой воды, ноги его свисают с края скалы так, что волны холодят ступни, лодыжки.

Время от времени он шевелится на своем неудобном ложе, громко стонет: быть может, на скалу выведены микрофоны; пусть тогда обитатели подземелья не только видят в перископ пострадавшего, полумертвого от перенесенных лишений человека, но и слышат его голос.

Подаренный Джаббом нож рядом, на краю узкой каменной щели. Карцов прикрыл его коленом и готов мгновенно столкнуть в щель, бог знает какую глубину. Как только Абст появится из-под воды, нож исчезнет.

В те часы, когда, дождавшись темноты, он вновь переплыл лагуну, с фонарем в руках отыскивал ориентир и свое убежище, а затем прополз до расщелины и выбрал-

ся на волю, — в те часы он многое передумал. Определен каждый его шаг, взвешено каждое слово, которое он скажет хозяевам грота.

Есть ли у него шансы на успех? Почти никаких. Но он должен сделать попытку!..

Военно-морской базе союзников грозят новые диверсии — Абст и его люди не остановятся на полпути. Только Карцов может помешать этому, спасти жизнь сотен моряков, сохранить корабли, которые действуют против общего врага. То, что военный суд базы приговорил его к смерти, ничего не меняет.

Вторая причина, заставляющая его попытаться свершить задуманное, — люди, которых опекает Ришер. Кто они, эти водолазы? Больные, чья психика расстроена в результате какого-то происшествия? А что, если в подобное состояние они приведены умышленно, с целью? Но с какой?

Ни на секунду не может забыть Карцов неподвижных глаз водителей буксировщиков. И особенно отчетливо видится ему обнаженный пловец — тот, которого у воды настигла помощница Абста...

Вдруг та же участь ждет и его?

Солнце палит нещадно, а ноги заledenели. Завладев ступнями, холод ползет к коленям. Это страх при мысли о предстоящем.

Все равно он обязан проникнуть в тайну хозяев грота!

Подумать только, он все еще не теряет надежды выведать секреты врагов, выжить да еще и пересечь океан из конца в конец и вернуться к своим с важными сведениями о противнике!..

Карцов морщится. В эти минуты он ненавидит себя за тупое, бессмысленное упорство.

Он приподнимается на локтях, долго глядит в море. За горизонтом, за многие тысячи миль отсюда — берега его родины.

Холод поднимается выше. Вот-вот доберется до сердца. Сил все меньше. Их уже, вероятно, не хватит, чтобы доплыть до базы союзников, если бы Карцов осмелился на такое. Но не сулит добра встреча с теми, кто осудил его на смерть. Сообщение о гроте и его обитателях они сочтут провокацией и... приведут приговор в исполнение.

Все это бесспорно. А внутренний голос твердит: еще

не поздно пуститься в обратный путь. Если плыть медленно, сберегая крупницы энергии, пожалуй, дотянешь до острова. А так и не почувствуешь, как иссякло тепло... Что пользы погибнуть, унеся с собой данные о подводной берлоге нацистов!

Карцов со стоном переворачивается на бок, ладонями стискивает голову. Как поступить? Где правильное решение?

Яркое солнце. Заштилевшее море. Высокое чистое небо. И — скала, на которой лежит человек. Голова его неловко подогнута, пальцы разбросанных рук вцепились в камень, тело в порезах и ссадинах вздрагивает.

Скорее бы появились те, что обитают в пустотах скалы!

Ну, а если его не заметят или сочтут умершим?

Протянув руку, Карцов нащупывает нож. Вот для чего хранит он подарок Джабба. В крайнем случае, при самых критических обстоятельствах, когда уже не на что будет надеяться...

Р-раз! Он сталкивает нож в расщелину: в воде, совсем рядом, две головы в шлемах!

Пловцы выбрались на скалу, помогли друг другу снять шлемы, приближаются, неуклюже шлепая ластами.

Вот они присели на корточки у распростертого на камнях тела.

— Кто ты, старик? — по-английски спрашивает Абст. Вопрос повторен на испанском языке, затем по-французски. И лишь потом звучит немецкая речь.

— Кто ты, старик? — говорит Абст. — Ты моряк? Твой корабль потоплен?

Старик!.. Карцову кажется, он во сне.

Мозг работает с непостижимой быстротой. Да, конечно же, да: он истощен, грязен, оброс.

Абст кладет пальцы ему на запястье, слушает пульс.

Он видит страх в глазах лежащего на скале человека. Почему человек боится, пытается спрятать руку?..

Абст хватается за нее, поворачивает к себе.

— Немец! — восклицает он, увидев татуировку.

Это последнее, что запомнил Карцов.

Сознание вернулось к нему уже в подземелье.

Часть третья

БЕЗУМЦЫ

Первая глава

Он открыл глаза в кровати, занимавшей добрую половину тесного каменного закутка. Рядом стоял Глюк и кормил его с ложечки мясным бульоном, горячим, крепким. Чашка быстро опустела.

— Больше нельзя, — наставительно сказал Глюк. — Можешь подохнуть, если обожрешься.

И он ушел, заперев за собой дверь.

Абст пока не появлялся.

Трижды в сутки Глюк приносит еду, кофе. Почти не разговаривает. Задал несколько вопросов: возраст, профессия, долго ли пробыл в воде...

Счет времени Карцов ведет так: три приема пищи, следовательно, прошли сутки; вновь завтрак, обед и ужин — еще сутки долой.

Маленькая лампочка, подвешенная под самыми сводами, горит все время; свет ее чуть пульсирует.

Карцов сыт, отдохнул, полностью экипирован — на нем такой же вязаный свитер, брюки и шапочка, что и у Глюка. Одежду тоже принес рыжебородый — бросил на койку, показал рукой: одевайся! Вспомнив что-то, ушел и вернулся с парой войлочных туфель — швырнул их под ноги Карцову и молча стал у двери.

Карцов натянул брюки, с трудом просунул голову в узкий воротник свитера, надел туфли.

Глюк сел на кровать, поднял штанину на левой ноге.

— Пощупай, — распорядился он, шлепнув себя по голени, пощупай и определи, что здесь было, если ты действительно врач.

Карцов опустил на корточки, осторожно коснулся толстого иссиня-белого колена своего стража.

— Не здесь. — Глюк покрутил головой. — Ниже бери.

Руки Карцова скользнули к икроножной мышце, исследовали голень. На кости было утолщение. Пальцы тщательно ощупали кость, промяли мышцы.

— У вас был перелом, — сказал Карцов. — Косой закрытый перелом, скорее всего, обеих костей. А лечили вас плохо: большая берцовая кость срослась не совсем правильно... Я не ошибся?

Глюк промолчал.

— Когда это случилось? Лет пять назад?

— Шесть...

Все это происходило вчера, на третий день пребывания Карцова в гроте.

А сегодня, тотчас после завтрака, Глюк вывел пленника из пещеры. За дверью их ждал радист.

И вот они идут узким, извилистым коридором. Лампочки, подвешенные на вбитых в скалу крючьях, едва светят, надо зорко глядеть под ноги, чтобы не оступиться.

Провожатые останавливаются у полукруглой двери. Глюк тянет за железную скобу. Дверь открывается.

Большая пещера. Вверху обилие сталактитов, стены сравнительно гладкие, пол в центре покрыт брезентом, под которым угадывается что-то мягкое.

Посреди пещеры подобие стола, возле него несколько

складных табуретов и шест с поперечиной. А на шесте нахохлился серый какаду — настоящий, живой!

Карцову чудится: вот попугай встрепенется, захлопает крыльями, прокричит «Пиастры, пиастры!» — и в пещере появится колченогий Сильвер...

Но попугай неподвижен. А вместо героя «Острова сокровищ» к столу подходит Абст.

Он вышел откуда-то сбоку, кивком показал Карцову на табурет, сел сам.

За спиной пленника лязгнула дверь: конвоиры ушли.

Протянув руку, Абст пододвигает попугаю блюдечко с кормом, перекладывает на столе книги. Так проходит около минуты.

— Ну, — говорит Абст, подняв голову и оглядывая Карцова, — как чувствуете себя?

— Спасибо, хорошо.

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Двадцать девять, — повторяет Абст. — Кажется вы значительно старше. Много пережили? Что же с вами случилось?

— Я бы хотел спросить... — Карцов с любопытством разглядывает пещеру. — Где я нахожусь?

— Вы у друзей. — Абст простодушно улыбается.

— Это я понимаю. Но кому я обязан спасением? Я уже совсем было потерял надежду, и вдруг... Что это за грот?

— Скоро узнаете. Всему свое время. А пока спрашиваю я. Итак, вы назвались врачом?

— Я невропатолог.

— И вы немец?

Задав последний вопрос, Абст видит: тень пробежала по лицу сидящего перед ним человека. Покоившиеся на коленях руки задвигались, пальцы так сжали друг дружку, что побелели суставы.

Он повторяет вопрос.

— Да, я немец, — тихо отвечает Карцов. — Но я мирный человек и никогда...

— Как вас зовут?

Готовясь к беседе, Карцов решил, что возьмет фамилию и имя своего школьного друга.

Он отвечает:

— Ханс Рейнхельт.

— Хорошо, — говорит Абст. — Итак, Ханс Рейнхельт, в какой части Германии вы жили? Назовите город, улицу, номер дома. Укажите близких, соседей. Меня интересует все.

— К сожалению, о Германии я знаю лишь по рассказам отца и учебникам истории и географии.

— Значит, вы немец, но жили за границей?

— Да.

— Эмигрант?

— Сын эмигранта.

— Хорошо, — повторяет Абст. — Назовите страну, ставшую вашей второй родиной.

Карцов выдерживает паузу.

— Говорите же!

— Я из России.

— Из России? — все так же невозмутимо продолжает Абст. — Даже родились там?

Карцов кивает.

— Немцами были и отец ваш и мать?

— Да.

— И они живы?

— Мать умерла. Отец был жив.

— Был жив.. Как это понять?

— Его мобилизовали в русскую армию. Где он, жив ли, мне неизвестно.

— А сами вы? — Абст кончиком языка проводит по нижней губе. — Тоже служили в их армии? Или служите?

— Простите! — Карцов встает. — Простите, но я не знаю, с кем веду разговор. Вы хорошо владеете языком. Лучше даже, чем я. Но вы не похожи на немца. Да и откуда взяться немцам здесь, за тысячи миль от границ Германии!.. Где я нахожусь? Что вы сделаете со мной?

— Что я сделаю с вами? — Абст осторожно поглаживает попугая, поправляет цепочку на его лапке. — Это зависит только от вас. От того, насколько вы будете откровенны в своих признаниях.

— Но в чем я должен признаться?! — восклицает Карцов.

— Расскажите, как вы здесь очутились.

— Но..,

— Расскажите, как вы здесь очутились.

— Не теряйте времени.

Карцов отказывается. Он уже сказал достаточно. С ним могут делать все, что угодно, но он не раскроет рта, пока не узнает, к кому он попал, что за люди его допрашивают.

Проговорив это, он замолкает. Он ждет, чтобы Абст принудил его отвечать. Тогда все, что он скажет в дальнейшем, прозвучит убедительнее.

— Хорошо, — соглашается Абст. — Я командир секретного германского учреждения, особой воинской группы. Вы находитесь в нашем убежище. Вот и все, что я могу сообщить.

Абст видит: собеседник удивлен, растерян, все еще сомневается. Усмехнувшись, он протягивает руку к одной из кнопок в углу стола.

— Пост номер один, — звучит в динамике голос Глюка. — Слушаю, шеф!

Абст касается пальцем еще одной кнопки.

— Пост номер два, — раздается в ответ, и Карцов узнает голос Вальтера.

— Проверка. — Абст убирает руку, обращается к Карцову. — Хватит или все еще сомневаетесь?.. Впрочем, — иронически добавляет он, — противники могли выучить немецкий язык с одной лишь целью — обмануть такую важную персону, какой несомненно являетесь вы!

Карцов начинает рассказ. Он называет город на Каспии, где родился и вырос, номер дома и квартиры своего школьного товарища, приводит подробности его биографии. Это точные сведения. Если Абст располагает возможностью перепроверить их, за результат можно не опасаться. Мысленно Карцов просит прощения у Ханса и его отца. Оба они — настоящие патриоты, антифашисты. Рейнхельт-старший добровольцем ушел на фронт в первые же недели войны. Что касается Ханса, то он болел и поэтому был мобилизован сравнительно недавно...

Абст слушает не перебивая. Он все так же сидит за столом, его глаза полужакрыты, руки опущены на колени. Можно подумать, что он дремлет.

Зато попугай в непрерывном движении. Им вдруг овладел приступ веселья. Чешуйчатые лапки с крепкими изогнутыми коготками так и бегают по насесту, массивный клюв долбит цепочку, которой птица прикована к

шесту. Цепочка звенит, попугаю это нравится — на время он замирает, наклонив голову, будто прислушиваясь, и вновь начинает метаться.

Вот попугай неловко повернулся, цепочка захлестнула вторую лапку и, сорвавшись с насеста, он повисает вниз головой. Абст встает, распутывает птицу и водворяет на место.

— Продолжайте, — говорит он. — Итак, четыре месяца назад вас мобилизовали. Что было дальше?

— Меня направили в Мурманск. Вы знаете этот порт?

— Вы офицер?

— Да, мне присвоено звание капитана медицинской службы. Я бы не дезертировал, но...

— О, ко всему, вы еще и дезертир! — Абст улыбается. — Ну-ну, что же заставило вас покинуть военную службу у русских? Рассказывайте, это очень интересно.

— Я прибыл в часть. А вскоре выяснилось, что она готовится к отправке на фронт.

— Так и следовало ожидать... Что же, не хотели воювать против своих? Патриотические чувства не позволили вам обнажить оружие против немцев?

— Да.

— Очень похвально. А что помешало бы вам по прибытии на фронт взять да и перейти к немцам? Вы не подумали о такой возможности?

— Перебежчику мало доверия. Особенно если это перебежчик от русских. Впрочем, вы это отлично знаете. Вы сами выловили меня в океане, доставили сюда, хотя я и не просил об этом, а сейчас — смеетесь надо мной, не верите ни единому моему слову. Что ж, за это не упрекнешь. Будь я на вашем месте, вероятно, поступил бы так же.

— Однако вы откровенны, господин дезертир!

Карцов разводит руками, как бы говоря, что ничего иного ему не остается.

— Рассказывайте, что случилось в дальнейшем.

— В дальнейшем? — Карцов делает паузу. — Честно говоря, продолжать не хочется, ибо дальше произошло то, чему вы и вовсе не поверите.

— А все же...

— Случай свел меня с моряком союзного конвоя, доставившего в Мурманск военный груз. Мой новый зна-

комый оказался американцем немецкого происхождения. Мы быстро сблизились, нашли общий язык. Быть может, потому, что обоих нас судьба лишила родины... Короче, я рискнул и заговорил с ним в открытую. И вот перед отплытием конвоя в обратный путь он приносит сверток с одеждой. Я переодеваюсь. В кармане у меня морская книжка и другие бумаги для пропуска в порт...

— Он взял вас к себе на судно?

— Представьте, да. Он был боцман, и он спрятал меня в помещение для якорной цепи. Там я провел четверо суток. А на пятые, когда мы были далеко в море, нас торпедировали. Транспорт разломился и затонул. Я спасся чудом.

Карцов понимает, что Абст ему не верит. Но он и не ждал иного. Однако главное впереди...

— Разумеется, вы запомнили название корабля, на котором плыли, можете указать место и день катастрофы?

Вопрос не застает Карцова врасплох. Он готов к ответу. В тот год гитлеровские подводные лодки, действуя группами, или, как это называли, «волчьими стаями», часто атаковали караваны транспортов, следовавших в советские порты. Один такой налет на крупный конвой, когда он уже шел в обратный рейс, был совершен месяц назад. Немцы потопили несколько судов, а корабли охранения, в свою очередь, отправили на дно вражескую субмарину. Сообщение о бое конвоя с фашистами обошло все газеты. Разрабатывая предстоящую беседу с Абстом, Карцов восстановил в памяти подробности. И сейчас он уверенно называет дату и приблизительное место происшествия. Он хотел было указать и номер одного из погибших транспортов, но в последний момент передумал. Вряд ли должен быть чрезмерно точен в своих свидетельствах человек, перенесший такое потрясение.

Он говорит:

— Теперь о корабле, на котором я плыл. Транспорт не имел названия. На борту были цифры. Белые цифры на сером корпусе. Какие, я не запомнил. Я долго плавал в холодной воде, а это не способствует укреплению памяти.

— Погодите! Что же, корабли конвоя не подбирали людей с торпедированных судов?

— Не знаю. Скорее всего, нет. Там такое творилось!.. Мне кажется, уцелевшие транспорты увеличили ход, чтобы быстрее уйти от опасного места.

— Как же вы спаслись?

— Конвой был атакован, когда смеркалось. Несколько часов я провел среди обломков, которыми кишела вода. На мне был надувной жилет, и я подобрал еще один.

— Где это произошло?

— Полагаю, в Баренцевом море.

— А вы представляете, где сейчас находитесь?

— В общем, да.

— Путь из Баренцева моря к нам вы проделали на своем надувном жилете?

Карцов улыбается шутке Абста.

— Этот путь я проделал на борту судна, которое спасло меня. Я и еще несколько человек были подобраны британским госпитальным судном. Как оказалось, оно шло в эти воды. Насколько я мог понять из разговора матросов, где-то здесь расположена военно-морская база союзников.

— Как вы снова очутились в воде? Что стало с судном?

— Его тоже торпедировали.

— Торпедировали госпитальное судно?

— Да, и сравнительно недалеко отсюда.

— Немецкие подводники потопили госпитальное судно, которое несло отличительные знаки?

— Судно имело огромные кресты на бортах и на палубе, и тем не менее получило в бок две торпеды. У вас, вероятно, есть возможность проверить мои слова. Ведь это произошло совсем недалеко. Впрочем, я не сказал, что торпеды были немецкие. Разумеется, я их не видел. Но через четверть часа после гибели судна, когда я барахтался в воде, появился самолет. В километре от меня он сбросил в море бомбы. Кого он бомбил? Вероятно, подводную лодку.

— Чей самолет?

— Не знаю. Мне было не до него. Я был занят тем, что поддерживал оглушенного взрывом человека. К счастью, он быстро оправился... Простите, рассказывать дальше? У вас столько иронии в глазах...

— Продолжайте.

— Как вам угодно. Итак, неподалеку мы увидели перевернутую шлюпку. Нам удалось поставить ее на киль. Оказалось, что это спасательный вельбот. Он был полон воды, но воздушные банки держали его на плаву... Вот и все. Остальное сделали течение и ветер.

— Вас пригнало сюда?

— Скалу мы заметили ночью, при свете луны. До нее было километров пять. В вельботе не имелось весел, его несло мимо. Наши силы были на исходе, но мы все же решили пуститься вплавь. В воде вскоре потеряли друг друга: зыбь, темнота... Дальнейшее вам известно.

— Выходит, вы были не один?

— Выходит, так.

— Кто же был ваш спутник?

— Врач, — отвечает Карцов, выкладывая свой главный козырь. — Один из врачей госпитального судна. Англичанин. — Он выдерживает паузу. — Индеец по происхождению.

Снова запутавшись в цепочке, попугай висит вниз головой, отчаянно хлопает крыльями и кричит. Но Абст не обращает на него внимания. Он направляется к шкафчику у стены, шарит по полкам.

Карцов тоже встает, освобождает лапки попугая, сажает птицу на жердочку. Уголком глаза он видит: Абст развинчивает круглую белую коробочку.

— Как звали индийца?

Карцов не торопится с ответом.

— Имя вашего спутника? — повторяет Абст, возвращаясь к столу.

Допрашиваемый морщит лоб, шурится. Нетерпение Абста столь велико, что неожиданно для самого себя он произносит:

— Рагху...

— Рагху Бханги! — кричит Карцов. Он хватается Абста за руки, всматривается в глаза. — Вы назвали его! Боже, какое счастье! Он здесь, он подтвердит все!..

Абст молча глядит на Карцова.

Восьмой день пребывания Карцова в подземелье Абста.

Как обычно, обед приносит Глюк. Но еды на этот раз слишком много. И — две кружки кофе.

Поставив поднос на столик, Глюк извлекает из кармана штанов широкую плоскую флягу, пододвигает ногой табурет и садится.

— Буду есть с вами.

— В хорошей компании обед кажется вдвое вкуснее, — улыбается Карцов.

— О, да вы мастер на комплименты!

Карцов отмечает: Глюк говорит ему «вы». Знаменательная перемена.

Между тем рыжебородый достает два алюминиевых стаканчика, наливает в них из фляги, поднимает стаканчик.

— Я так скажу, доктор: вы молодчина, что выкарабкались. Другой ноги бы протянул от всех этих передрыг. А вы выжили. Будьте здоровы, доктор!

И, запрокинув голову, он пьет.

Карцов следует его примеру.

Они с аппетитом съедают суп, густой, наваристый. В опустевшие миски Глюк накладывает консервированную свинину с картофелем, подливает соус. Ест он жадно и много. Вскоре распускает широкий пояс, на котором висит кобура с пистолетом, а потом и вовсе снимает его и вместе с оружием кладет на пол.

Лязгнула дверь. Входит радист.

— Вот ты где, Густав, — говорит он. — Ну-ка, быстрее к шефу!

— Черт! — ворчит Глюк, выбираясь из-за стола. — И здесь нет покоя!..

Они выходят.

«Слишком поспешно, — отмечает Карцов. — Вот и не заперли за собой, и пистолет забыли на полу».

Опустив глаза, он рассматривает черную матовую кобуру, из которой наполовину вывалился тяжелый армейский парабеллум.

Обойма, конечно, пуста или патроны разряжены. В общем, примитивно...

Вскоре Глюк возвращается. Бросив беглый взгляд на пистолет, он садится за стол, вновь разливает спирт.

— Вот славно, что попали к нам! — весело говорит он и поднимает стаканчик. — Ваше здоровье!

— Прозит, — отвечает Карцов традиционным застольным приветствием немцев.

Он не сомневается в том, что это была проверка. Видимо, Глюк доволен ее результатами. Фашистам не терпится, чтобы новый врач скорее приступил к делу.

— Послушайте, доктор, — вдруг говорит Глюк, — вы где жили в России?

Карцов объясняет.

— Понятно. А Украину знаете? Это правда, там такая земля: палку воткнешь и — растет? Бывали на Украине, доктор?

— Не приходилось.

— Жалы! — Рыжий задумчиво оглаживает бороду. — Ну, а Кавказ? Какова земля на Кавказе? Скажем, где-нибудь у Черного моря?

— Хорошая земля. Кругом сады: виноград, чай, апельсины.

— И апельсины? — удивляется Глюк.

По мере того как Карцов рассказывает о Черноморье, немец все больше волнуется. У него блестят глаза, челюсть хищно выпячена.

— А свиней там можно разводить? — вдруг спрашивает он. — Свиньи, доктор, верный доход, уж я знаю!

Рыжий развивает свои планы. Каждому, кто хорошо воюет, фюрер обещал землю и работников на востоке. Можно обосноваться, где только захочешь. Лично он решил было остановить выбор на Украине. Но коли так благодатен Кавказ, то и думать нечего: Кавказ у теплого моря. Только бы побольше работников!

— Уж я заставлю их повозиться с землей! — ухмыляется Глюк. — Уж они у меня поработают!..

Через день Карцова вновь конвоируют к Абсту. Здесь все как прежде. Только насест с попугаем накрыт полукруглой корзиной, обтянутой тканью. Попугай спит.

— Вас ждет добрая весть! — торжественно провозглашает Абст. — Властью, данной мне фюрером, объ-

являю вас воином германского рейха. Прочтите бумагу и подпишите.

Карцов читает вслух:

— «Я клянусь: я буду верен и послушен фюреру германской империи и народа Адольфу Гитлеру, буду соблюдать законы и добросовестно выполнять свои служебные обязанности, в чем да поможет мне господь».

Карцов позволяет себе секунду поколебаться, потом размашисто подписывается под присягой.

Абст отодвигает бумагу в сторону.

— Ну, вы довольны?

— Доволен, — сдержанно говорит Карцов

— Не очень-то, если судить по вашему тону.

Карцов молчит, выжидая, что будет дальше.

— Для прохождения службы отправитесь на родину. Там получите назначение. Снаряжение, оружие — тоже там. У нас всего этого не хватает.

— Когда же меня отправят?

— С первым транспортом. Вероятно, скоро. Сроков назвать не могу: война, а мы так далеко от своих...

— Я понимаю.

— Выглядите вы растерянным. Хотите о чем-то спросить?

— Да. — Карцов морщит лоб. — Отправки придется ждать недели? Быть может, месяцы?

— Возможно.

— И все это время я буду бездельничать?

Абст облизывает губу.

— Желаете работать?

— Конечно.

— Хорошо, — медленно говорит Абст, — хорошо. Рейнхельт, я дам вам работу. — Он встает, некоторое время ходит по комнате, потом пододвигает свой табурет к Карцову, садится. — Я дам вам интересную работу. От того, как она будет выполнена, зависит ваша карьера в Германии. Короче, свое будущее вы держите в собственных руках.

— Постараюсь быть полезным.

— Хочу надеяться... Сегодня я представлю вас нашему врачу. Это женщина. Недавно она получила письмо. В Берлине убита ее мать. В результате печальной вести — сильное нервное потрясение, у бедняжки

отнялись ноги. Мой недосмотр: я проверяю все письма, это должен был задержать, но проглядел. Обследуйте ее. Попытайтесь помочь. Я пробовал, однако. Словом, я очень занят. Есть и другие обстоятельства. Короче, лечить ее будете вы.

— Вы тоже врач? — восклицает Карцов. — Мы с вами коллеги?

Абст иронически глядит на собеседника.

— Да, — говорит он, — как вы изволили выразиться, мы коллеги... Но не будем отвлекаться. Итак, начинайте лечить ее. Кроме того, вам придется обслуживать группу больных — тех, кого пользовала она, пока была здорова. А потом придет транспорт и вы уедете вместе с ней. — Абст выдерживает паузу. — Я отправлю вас обоих одним рейсом.

Карцов не обманывается насчет уготованной ему участи. Зачисление «воином германского рейха», присяга, которую он только что подписал, предстоящая отправка в Германию — все это ложь, выдумка Абста, рассчитанная на то, чтобы он, Карцов, работал лучше, с охотой. Но... Ришер? «Я отправляю вас одним рейсом». Неужели и ей определена смерть?

— Теперь перейдем к главному, — доносится до него голос Абста.

— Да, я слушаю вас...

— Называйте меня просто: шеф. Итак, перейдем к главному. Вы уже знаете, я медик. Хирург и психиатр. До последнего времени у меня была обширная практика: сейчас, в войну, нет недостатка в людях с той или иной степенью умственной дегенерации. Я трудился как одержимый и смог вернуть обществу многих своих пациентов. Но удача — увы! — приходила не всегда. Я потерпел жестокое поражение в работе над группой моряков, побывавших под сильной бомбежкой. Их было пятеро, доставленных ко мне безгласными и бесчувственными. Я перепробовал все средства, но тщетно. Они были безнадежны. Вскоре один из них умер. Еще через месяц скончался второй. Мне стало ясно: те, что еще живут, тоже обречены.

И тогда я решился на рискованный шаг. Лет шесть назад я вывез из Южной Америки сильный растительный яд. В верховьях Амазонки индейские знахари приме-

няют его для лечения некоторых психических расстройств... Я ввожу препарат яда одному из трех оставшихся в живых и становлюсь свидетелем чуда: человек, который много недель лежал скрюченный и одеревенелый, вскоре после инъекции расслабляется, дышит ровно и глубоко. Вот он трет кулаками глаза, встает. Я усаживаю его за стол, и он с аппетитом ест. Он в сознании, но решительно ничего не помнит и едва может произнести несколько слов. Однако это успех, огромный успех! Воодушевленный, я работаю над вторым больным. И тут кто-то прыгает мне на спину, хватает за горло, валит на пол. Задышавшись, я вытаскиваю пистолет и... и лишаюсь третьего пациента. Теперь, начиная эксперимент, я действую осмотрительнее. И все повторяется — психотики выходят из состояния комы¹, первое время ведут себя вполне пристойно, а потом пытаются броситься на меня. Но меры предосторожности приняты, и я спокойно наблюдаю за этими непостижимыми вспышками бешенства. Секундомер отсчитывает время. Через двадцать минут они вновь на полу, безучастные ко всему, неподвижные и беспомощные. Такова реакция организма на ослабление действия препарата — сперва неистовство, затем резкий переход в прежнее состояние, когда у больного утрачен всякий контакт с внешним миром... Через день я возобновляю эксперимент — больные не реагируют. Я упорно продолжаю попытки... Короче, период просветления сознания удалось довести до шести часов, затем — до восьми, до десяти! Но всякий раз дозу препарата приходилось увеличивать. А ведь это сильнейший яд... Словом, вскоре погибли и последние двое.

Однако я был настойчив. Я не отчаялся и стал работать с новой группой. Мне удалось добиться того, что состояние относительного психического просветления больных длится непрерывно несколько месяцев, пока регулярно и во все возрастающих дозах им вводится препарат и противоядие. Но стоит запоздать с раздачей препарата или неправильно рассчитать дозировку и наступает катастрофа: перед вами звери, одержимые магией убийства... Эта группа больных находится здесь.

¹ Кома — бессознательное состояние при сильном угнетении нервной системы (в результате травмы, опухоли мозга и т. д.).

Она была на попечении нашего врача. Теперь врач был из строя. Так вот, его замените вы. Запомните: с момента, когда вы вступите в контакт с больными, жизнь ваша в большой опасности. Вы должны хорошо уяснить: малейшая небрежность в работе с ними, ошибка при определении данных, по которым назначается рацион специального препарата, опоздание или задержка с его применением — и вас разорвут в клочья. Вот почему я так подробно вам все объясняю. Повторяю: в каждом из этих людей дремлет зверь, готовый вцепиться вам в глотку... Вы поняли?..

— Полагаю, да.

— Доктор Марта Ришер подробно проинструктирует вас. Слушайте ее внимательно, переспрашивайте десятки раз, но не упустите ни единой мелочи.

— Понял, шеф.

— Вам категорически запрещается вести с ней сторонние разговоры. Никаких сведений о себе. Вы — врач, прибыли из Германии, вот и все. Повторяю: только разговоры о деле. Ни слова о чем-либо ином. Ни единого слова! У вас есть вопросы?

— Мне кажется, все, что нужно, вы сказали.

— И вы не испытываете чувства страха?

— Мне страшно, шеф. Однако я говорю себе: справлялась же с ними женщина!

— Резонно. — Абст с любопытством глядит на Карцова. — А теперь последнее. Вы должны знать, зачем эта группа находится здесь, так далеко от блестящих берлинских клиник. Иначе вы не оставите попыток разобраться в непонятном. Такова человеческая природа, с этим ничего не поделаешь... Так вот, что вам известно о камикадзе и кайтэнс?

— Впервые слышу эти слова.

— По-японски камикадзе — летчик набитого взрывчаткой самолета. При взлете он оставляет шасси на аэродроме. Таким образом, возвращение невозможно. Пилот не может и выбраться в воздухе — у него нет парашюта. Остается одно: он отыскивает цель, пикирует. Взрыв!..

Карцов понимает, что Абст ждет его реакции. Он молчит.

— Кайтэнс, — продолжает Абст, — это человек, кото-

рый делает то же самое, но под водой, сидя на управляемой торпеде. И здесь спасение исключено — водитель торпеды либо взрывается, либо гибнет в пучине... Как вам все это нравится?

— Ну что же, — осторожно говорит Карцов, — насколько я понимаю, эти люди добровольцы... Словом, красивая смерть, хотя от всего этого... м-м... пахнет средневековым варварством.

Абст согласно кивает.

— Самое настоящее варварство! — подтверждает он. — Да простят мне это слово наши уважаемые союзники. Подумать только: погибают здоровые люди, в расцвете сил, в полном сознании. Нет, мы не могли пойти по такому пути, хотя и у нас немало героев, готовых умереть во славу фюрера... Но ведь иное дело, если человек безнадежно болен, а ко всему еще и утратил разум! Несколько недель, быть может, месяц или два, — и он погибнет. Он все равно умрет, ибо обречен. Вы понимаете меня?..

Третья глава

Просторная площадка возле лагуны. Спиной к воде выстроились пловцы. Все они в серых вязанных брюках. Торсы и головы обнажены. Четверть часа назад Карцов поднял их с постелей, заставил проделать гимнастические упражнения и сейчас готовится выдать каждому специальную пищу. Порции установлены в строгом соответствии с результатами исследований, которым люди подверглись накануне вечером.

— Минуту, Рейнхельт!

Это Абст. Он только что вышел из туннеля и задумчиво глядит на нового врача. В течение нескольких дней Ханс Рейнхельт проходил подробный инструктаж у Ришера. Затем под наблюдением самого Абста он столько же времени практиковался в определении потребной нормы препарата для каждого из пловцов. И вот со вчерашнего дня врачу предоставлена самостоятельность. Пока все идет нормально. Но у Абста нет уверенности, что стоящий перед ним человек до конца осознал ответственность, которую он несет... Разумеется, приняты

все меры. Каждый шаг врача под наблюдением. Рейнхельт круглые сутки с пловцами. Он даже спит в одном помещении с порученными ему людьми, и, если случится неладное, первой жертвой будет он сам. И все же...

— Вот что, — говорит Абст, — я решил провести эксперимент. Сейчас вы оставите одного из них без препарата.

— Зачем, шеф?

— А вот увидите. Где наша книга? Дайте ее сюда.

Карцов протягивает ему книгу со списком пловцов.

— Вычеркните кого-нибудь.

— Не могу, шеф, — тихо произносит Карцов, догадавшись о намерении Абста.

— Вычеркивайте. Сами, по своему выбору. Ну!

Карцов вынужден подчиниться и наугад проводит карандашом по списку. У него трясется рука. Он понимает: один из тех, что стоят в строю, в эту секунду обречен на нечто страшное, быть может на гибель.

— Так, — говорит Абст, заглядывая в книгу. — Это был Гейнц. Ну-ка, давайте сумку.

И он отбирает те полтора брикета, которые предназначались пловцу.

Повинуясь приказу, Карцов приступает к раздаче препарата. Пловцы получают брикеты, тут же разрывают упаковку и принимают за еду.

Опорожнив сумку, он оглядывает людей. Некоторые еще жуют. Те, кто уже справился с едой, едва заметно покачиваются на ногах.

Пловец, по имени Гейнц, никак не реагирует на то, что его обделили. Как и другие, он тупо глядит в пространство неподвижным, пустым взглядом. Это высокий, гармонично сложенный юноша с удивительно четким рисунком мышц. Такую рельефную мускулатуру редко встретишь у пловца. Впрочем, из медицинской карточки Гейнца известно, что когда-то он был не только классным брассистом, но и отличным борцом. Карцов представляет себе его на состязаниях — гордая осанка, сверкающие в спортивном азарте глаза... Где-то остались его родители, любимая девушка. Если бы знали они, во что превратился Гейнц, что его ждет!..

— Готово? — спрашивает Абст.

Карцов молча отходит в сторону.

Абст отдает распоряжение: Глюк поведет людей завтракать, потом — на работу.

— А вы, — говорит он Карцову, — прикажите Гейнцу выйти из строя и следовать за нами.

На железной двери задвинуты два массивных засова. За ней, на полу каменной конуры, похожей на тюремную одиночку, неподвижно сидит человек. По эту сторону двери, у овального глазка, — Абст и Карцов.

Заперев подопытного, Абст увел к себе нового врача и в течение четырех часов снова экзаменовал его. Сейчас они вернулись к камере, где заперт Гейнц.

— Посидим, — говорит Абст, взглянув на часы. — Теперь уже недолго.

Они устраиваются на широком скальном выступе. Карцов с трудом сдерживает волнение. Он весь в ожидании того, что должно произойти в камере. Неужели несчастный погибнет?

И он решает сделать последнюю попытку.

— Шеф, — говорит он, — вы затеяли эксперимент из-за меня? Полагаете, что иначе я не оценю в полной мере ваши предупреждения?

— Да.

— Опасения напрасны. Я все воспринял очень серьезно. Боюсь, вы зря губите ценного бойца. Прошу вас, пока еще не поздно...

— Поздно. — Мельком взглянув на часы, Абст повторяет: — Поздно, Рейнхельт. Это скоро начнется.

— Как угодно, шеф. Я только хотел...

— Вы ничего не должны хотеть! — резко обрывает его Абст. — Вы должны получать приказы и выполнять их как можно лучше!

Карцов молчит. Возражать бессмысленно. Надо держать себя в руках. Чего бы это ни стоило.

Он вспоминает предыдущий разговор с Абстом. «У нас немало героев, готовых умереть за фюрера». Как бы не так! Они, эти «герои», были хороши, когда гигантская военная машина немцев сокрушала слабое сопротивление бельгийцев, поляков, справлялась с французами. В памяти встает эпизод, обошедший в те

дни все газеты: польские драгуны с саблями наголо атакуют немецкие танки... Будешь героем, расстреливая из танков беспомощных конников!

Ну, а советские люди знают цену фашистским войскам, когда их вынуждают драться на равных. Видели гитлеровских «сверхчеловеков» и под Москвой, и под Ростовом, и на Волге: полками, дивизиями брели они в плен, и каждый второй поносил и клял своего фюрера...

Стон из-за двери.

Вздвогнув, Карцов поднимает голову.

Стон повторяется.

По знаку Абста Карцов подходит к двери.

— Откиньте заслонку глазка! — командует Абст.

Карцов смотрит в глазок. Он видит: человек сидит на полу, прислонившись к скале, ноги вытянуты, голова безвольно опущена на грудь.

— Глядите, — требует Абст, — глядите внимательно! И представьте себя рядом. Вы в одной с ним пещере, понимаете? Вы плохо обслужили его, зазевались, проявили небрежность... Ночь. Вы спокойно спите, рядом лежат двадцать четыре таких, как этот. В вашей сумке препарат, который вы забыли дать им. И вот они пробуждаются...

Человек поднял голову, поднес ко лбу руки, закрыл ими лицо. Сидя на полу, он раскачивается. Все сильнее, сильнее. Из-под прижатых ко рту ладоней вырвался стон. Стон громче. Это уже не стон — раскачиваясь, человек исторгает протяжный вой.

Еще мгновение, и он на ногах.

Карцов видит его лицо. Минуту назад оно было неподвижно. Теперь на нем бешенство, ярость. Умалишенный озирается. Вот он увидел дверь, выставил руки, пригнулся. В горле у него клокочет. Поймав его взгляд, Карцов пятится.

В следующий миг тяжелая дверь содрогается от навалившегося на нее тела. В дверь колотят. Каменное подземелье оглашается воплями.

Абст довольно улыбается: эксперимент произвел впечатление. Можно не сомневаться — уж теперь-то новый врач будет аккуратен и бдителен.

Он берет Карцова за руку, ведет по коридору. Крики умалишенного звучат глуше. Вскоре лишь отдаленный,

неясный гул сопровождает их по извилинам скального лабиринта.

— Вам жаль его? — спрашивает Абст. Он вздыхает. — Ничего не поделаешь. Вы же знаете, несчастный был обречен. Месяцем раньше, месяцем позже, но итог был бы один. Жалко беднягу! Однако такова судьба...

Карцов не отвечает. Скорее бы остаться одному, отдышаться, привести в порядок мысли!..

У развилки туннеля он замедляет шаг.

— Я бы хотел заглянуть к Ришер, шеф.

— Кстати, о ней. Итак, ваш диагноз — истерический паралич? Вы уверены, что не ошиблись?

— Нет.

— И никаких сомнений?

— Не понимаю вас, шеф.

— Она более двух недель без движения. Вы докладываете: улучшения не наступило. Однако истерические параличи излечиваются сравнительно быстро...

— Ришер впечатлительная, нервная особа.

— И это тормозит выздоровление?

— Да. Она внушила себе, что никогда не поправится. Я обязательно вылечу ее, но требуется время.

Абст приводит Карцова в свое рабочее помещение. Разговор продолжается там.

— Время, время! — восклицает Абст, усаживаясь за стол и поглаживая попугая. — Его-то как раз и нет у нас с вами, дорогой Рейнхельт. Я бы сам лечил ее, да не могу — занят, очень занят, коллега. А впереди много серьезных дел.

Абст видит, что собеседнику явно не по себе, и по своему истолковывает его состояние: новый врач напуган, ошеломлен. Что ж, очень хорошо! Но во всем надо знать меру. И Абст решает несколько отвлечь его от мрачных мыслей.

Протянув к попугаю руку, он дважды щелкает пальцами. В ответ птица ловко перевортывается на насесте. Еще щелчки — и новый пируэт попугая.

— Нравится вам мой малыш?.. Это подарок, Рейнхельт. Подарок человека, который вырастил и воспитал меня.

Попугай получает порцию корма. Абст некоторое время наблюдает за тем, как он клюет, потом обращается к Карцову:

— Так вот, Рейнхельт, вы должны знать: скоро сюда доставят новую партию умалишенных. Их необходимо быстро подготовить к работе. Это будет поручено вам. Постарайтесь, чтобы к тому времени Ришер была на ногах.

— Хорошо, шеф, я приложу все усилия.

— Ну, а каковы ваши взаимоотношения? Вы ей понравились?

— Не знаю. Кажется, не очень. Она молчит. Временами плачет. Очень нервная особа.

— Вам задавались вопросы?

— Только относящиеся к лечению. И еще: время от времени у меня просят сигарету.

— Ришер получает норму.

— Вероятно, норму надо увеличить. В ее положении...

— Хорошо.

— Еще просьба, шеф. Мне запрещено разговаривать с ней. Я имею в виду беседы на отвлеченные темы. Это создает дополнительные трудности в лечении. Нельзя недооценивать психотерапию. Вы прекрасно знаете — для такого больного беседы столь же важны, как гимнастика, массажи или витамины. Быть может, снимете свой запрет?

— Ладно, Рейнхельт, разговаривайте с ней. Но подчеркиваю: только на отвлеченные темы, как вы сейчас выразились. Болтайте о музыке, о кино или книгах. Ни слова о политике, о положении в стране или о том, что

творится в мире. И тем более о вашей работе здесь. Ведите себя так, будто она посторонний человек.

От рабочего помещения Абста до комнатки Ришер полсотни шагов. Карцов медленно движется по уходящему вниз коридору. Он все еще не оправился от потрясения, вызванного бесчеловечным экспериментом Абста. Люди всегда люди, что бы с ними ни случилось. Больные, а тем более страдающие расстройством психики, должны быть предметом особого внимания и заботы. Это элементарно. Но фашисты — и гуманизм!.. Карцов знает о том, что творят гитлеровцы на оккупированной советской земле. Через линию фронта просачиваются сведения о злодеяниях захватчиков на Украине, в Прибалтике, Белоруссии. Беглые пленные рассказывали о горюде смерти на западе Польши, в котором расстреливают и травят газами сотни тысяч людей... А недавно прошел слух: в Бресте немецкие химики создали завод, где варят мыло из человеческого жира. Когда об этом узнали на корабле Карцова, кто-то из моряков усомнился: слишком уж невероятно.

Невероятно? У Карцова сжимаются кулаки. Теперь он убедился, на что способны фашисты!

А ведь немецкий народ давал миру настоящих героев. И в шеренге славных не последними были медики. Карцов вспоминает. Берлинский врач Отто Обермайер привил самому себе холеру и отказался от лечения. До последней минуты он диктовал ассистентам все то, что чувствовал, — люди должны были научиться распознавать холеру, чтобы лучше бороться с ней... Медики Вернер и Бенцлер из Мюнхена с этой же целью заразили себя тифом.

Во имя здоровья и счастья человечества врачи должны были экспериментировать, и они ставили опыты на себе: заражались чумой, лихорадкой, проказой, подвергались укусам тарантулов, змей...

Они, эти рыцари и герои, и — Абст! Подумать только, у него такой же диплом врача, он тоже давал клятву беззаветного служения больным и страждущим!

До комнаты Марты Ришер десяток шагов. Карцов заставляет себя мысленно перенестись к этой странной девушке. Кто она? Фашистка вроде Абста, его преданная помощница? Кажется, в этом трудно сомневаться:

Ришер делала то, что теперь поручили Карцову. Но ему известно и другое: Ришер вела киносъемку пловца на берегу лагуны, плакала и швыряла в воду брикеты. А потом спрятала в скале свою камеру. Несколько дней назад, находясь на площадке, он улучил момент и запустил руку в тайник — камера все еще там.

Он сопоставляет все это с другими известными ему обстоятельствами: мольбами Ришер отпустить ее в Германию, истерическим припадком и попыткой отравиться, когда Абст ответил отказом.

Тайная киносъемка пловца, плюс съемки торпед и другого секретного оружия, которые она могла производить раньше, и настойчивое стремление уехать отсюда, — нет ли связи между этими фактами? А вдруг она собиралась показывать отснятую пленку кому-нибудь в Германии? Но кому? Уж, во всяком случае, не хозяевам Абста, которые обо всем творящемся здесь, конечно, осведомлены. Кому же тогда? Быть может, представителям оппозиции гитлеровскому режиму? Чепуха! Нет там никакой оппозиции, нет и не может быть. Люди, которые не были согласны с фашизмом, уничтожены или загнаны в лагеря, а те немногие, что уцелели, затаились, забились в щели, не смея высунуть носа. Свирепый нацистский террор ликвидировал все передовое, светлое, чем когда-то гордилась эта страна.

Стоп!.. Карцов вздрогнул от пришедшей на ум догадки. Что, если Ришер — разведчица? Для такого предположения есть все основания. Но на кого она работает? На американцев или на англичан? Может быть, она русская?..

Подумать только, здесь у него может найтись союзника!

— Спокойно, — шепчет Карцов, зажигая сигарету. — Спокойно, не торопись. — Он жадно глотает горячий дым. — А вдруг цепь твоих рассуждений только лишь домысел? Тогда неизбежна ошибка, которую уже не поправить. Спокойно, не делать поспешных выводов!..

Перед ним дверь в стене коридора, небольшая, окрашенная в серое, с грубой скобой вместо ручки. Он гасит сигарету и стучит в дверь.

Марта Ришер лежит в постели. У нее такая же, как у всех, раскладная железная койка. Но укрыта больная

не коричневым суконным одеялом казенного образца, а красно-белой полосатой периной.

При виде врача она откладывает книгу, которую читала, опускает глаза.

— Добрый день, — говорит Карцов.

Ришер подтягивает перину к подбородку.

Карцов задает вопросы: самочувствие, сон, аппетит? И получает короткие, односложные ответы. При первых посещениях нового врача Ришер держалась иначе, но Карцов строго выполнял указания Абста, и она замкнулась. С тех пор в их взаимоотношениях ничего не изменилось.

Он приступает к работе, пытается вызвать коленные и ахилловы рефлексy. Тщетно. Ноги Ришер безжизненны.

— Теперь массаж, — говорит Карцов.

Он тщательно разминает мышцы ног. Ноги у Ришер стройные, мускулы хорошо развиты.

— Занимались спортом?

Молчание.

— Занимались, — уверенно говорит Карцов. — И я знаю: это был велосипед!

Глаза Ришер полузакрыты. У нее длинные, круто изогнутые ресницы. Карцов упомянул о велосипеде, и ресницы дрогнули.

Он внимательно разглядывает ее: тонкий, прямой нос, полные губы, совсем еще детские, сросшиеся на переносице густые светлые брови... Обыкновенное лицо. И глаза самые обыкновенные — чуточку задумчивые и печальные.

Встретишь такую где-нибудь под Воронежем или на Ставрополье — и не отличишь от тысячи других.

Закончив процедуру, Карцов опускается на табурет, достает сигареты.

— Устал, — признается он. — Разрешите курить?

Ришер кивает.

— Не желаете ли составить компанию?

Девушка берет сигарету. Карцов долго пытается добыть огня, но спички безнадежно плохи. Тогда Ришер протягивает руку к столику у изголовья, нащупывает зажигалку.

— Спасибо. — Карцов прикуривает.

Взгляд Ришер встречается со взглядом Карцова, в котором сегодня доброжелательность, теплота.

— Устал, — повторяет Карцов, улыбаясь. — Отдохну немножко, и начнем гимнастику... Кстати, я тоже увлекался велосипедом.

Он с юмором рассказывает, как однажды на шоссе-ных гонках сбил неосторожного прохожего.

— И, как вы думаете, кем оказался прохожий? — восклицает он. — Моим соседом по дому, с которым у нас были давнишние нелады. Разумеется, он не поверил, что это случайность...

— Вы всё сочинили, — спокойно говорит Ришер.

— Сочинил, — признается Карцов.

— Зачем?

— О, у меня коварный замысел!

— Хотите развеселить меня?

— Очень хочу. К тому времени, когда за вами придет транспорт, вы должны быть на ногах.

Он хотел приободрить больную, но при упоминании об отъезде девушка начинает плакать.

Карцов встает, чтобы подать воды, и... остается на месте.

В комнату входит Абст.

— Что здесь происходит? — спрашивает он, остановившись у порога.

— Ничего особенного, шеф. Просто я сделал массаж, и вот в ногах фройлейн появились боли. Хороший признак. Разумеется, фройлейн разволновалась...

— Это правда? — говорит Абст, обращаясь к Ришер. Та наклоняет голову.

— Хорошо. — Абст оборачивается к Карцову. — Закончив с больной, приходите ко мне. Возьмите с собой карточки группы.

— Вы вторично солгали, — говорит Ришер, когда шаги Абста затихли в отдалении.

— Вы тоже!

Они долго молчат.

— Историю с велосипедом я сочинил, — говорит Карцов. — Я никогда им не увлекался. У меня была иная страсть: кинокамера! Люди, умеющие работать с кинокамерой, особенно на фронте или, что еще опаснее, в тылу врага, — это мужественные люди, не так ли?

Ришер молча глядит на него.

Карцов заканчивает массаж.

— Вот вам две сигареты. Помните: вы должны выздороветь. Как можно скорее!

И он уходит.

Четвертая глава

Тихая лунная ночь над океаном. Только что мимо скалы прошел корвет, возвращающийся из дальнего патрулирования. Сигнальщики привычно осмотрели в бинокли торчащую из воды коническую громадину. На мостике, кроме них и вахтенного офицера, находился командир корабля. Он тоже не отнимал бинокля от глаз. Залитые бледным рассеянным светом крутые бока утеса, как всегда, были безжизненны. Командир отдал приказ на руль, и корабль стал огигать скалу, прощупывая толщу воды приборами: несколько часов назад далеко в море была обнаружена неизвестная подводная лодка. Ее атаковали, но, видимо, безрезультатно. Быть может, она где-то здесь...

Поиск не дал результата. Корвет ушел к базе.

Он удалился, и подземелье ожило. Пловцов спешно подняли с нар, вывели из туннеля. Площадку возле лагуны осветили, спустили на воду буксировщики. Отряд из десяти человек во главе с Глюком вырулил на середину лагуны и погрузился.

Еще десять пловцов остались на берегу.

Абст покидает площадку. По пути он привычно касается рукой скобы стенового сейфа — проверяет, закрыто ли хранилище.

Карцов искоса наблюдает за ним. Да, он не ошибся в предположениях: помогая одевать пловцов, он видел — респираторы вынимали из сейфа. А нижняя часть железного шкафа сплошь заставлена полуметровыми металлическими веретенами и короткими конусами; вероятно, это мины и взрыватели к торпедам.

Но сейф недоступен — ключи Абст носит с собой. Вот если бы установить контакт с Мартой Ришер! Однако она молчит. После памятного разговора о кино съемке Карцов много раз навещал свою пациентку. Он ждал

активности и с ее стороны и не дождался. Не поняла намека? Или не верит ему, боится? Как все сложно!

Радист сползает с сиденья крана, долго, с натугой сморкается. От напряжения шея у него побагровела, на скалах проступили пятна.

— Проклятая сырость! — говорит он, вытирая ладонью острый носик. — Сырость такая, что все мы здесь ноги протянем... Ну, выкладывайте, доктор, как идут дела? Пообвыкли, освоились? Вот уж, действительно, послал вам бог работенку. — Подбородком он указывает на пловцов, сидящих возле воды. — Ради всего святого, держите с ними ухо востро!

— Спасибо за предупреждение. Шеф и Ришер мне всё объяснили. Не стоит беспокоиться.

Радист наклоняется, чтобы поправить шнурок войлочного ботинка. Карцову видна его тонкая шея, прозрачные розовые уши, торчащие по бокам восковой лысины.

— Послушайте, доктор, — говорит он, не поднимая головы, — а что, если возьмете меня в помощники? Выберете время да и шепните шефу: трудно, мол, одному, пусть подсобит Вальтер.

— Пожалуй...

— Согласны?! — обрадованно восклицает Вальтер. Он выпрямляется и заговорщически подмигивает. — Только о нашей беседе молчок. Вы сами все это обдумали и решили. Идет?

— Хорошо. При случае обязательно скажу шефу. Вдвоем было бы легче: я занимаюсь исследованиями, вожусь с приборами. Вы водите людей на работы или, скажем, раздаете им препарат.

— Вот-вот, доктор, попали в самую точку! — Вальтер морщит в улыбке подвижное безбородое лицо. — А я готов. У меня уйма свободного времени. — Он достает баночку с конфетами, выбирает леденец, аккуратно кладет в рот. — И Глюку тоже ни звука!

— Как хотите.

Радист продолжает говорить. Карцов отвечает ему, улыбается, а думает о другом. Из головы не выходит тайник, устроенный Ришер для своей камеры. С того места, где сидит Карцов, хорошо виден обломок скалы, которым завалена расщелина...

Тайник надо использовать, чтобы установить контакт с девушкой. Но как, каким образом?

В лагуне движение. Всплывают Глюк и его спутники. Пятеро из них буксируют по кассете — точно такой, в какой был заключен индеец. Значит, пришла лодка, доставившая новую партию умалишенных, о которой упоминал Абст.

Вальтер ловко орудует краном, вытаскивая из воды груз.

Появляется Абст. По его команде пловцы становятся к кассетам, поднимают их и уносят. Первую вместе с тремя пловцами несет Глюк.

Вскоре унесены все кассеты и поднятые вслед за ними из воды пять больших резиновых мешков. Полчаса на отдых. Затем Глюк и его группа вновь уходят под воду. Вероятно, в очередной рейс.

Куда унесены контейнеры? Транспортировка их заняла в общей сложности минут семь-восемь. Значит, недалеко. Быть может, в комнату Абста.

Карцов отмечает: с момента, когда контейнеры всплыли, Абст ни разу не взглянул на него, не произнес ни единого слова. Не потому ли он и явился на площадку, чтобы врач не подошел к контейнерам? Но к чему такая секретность? Ведь очередная группа больных должна быть поручена ему, Карцову!

А что, если в контейнерах не больные, а люди с нормальной психикой, которых хозяин подземелья, садист и убийца, собирается лишить разума и превратить в покорные, безвольные существа?

Отряд Глюка возвращается. На этот раз пловцы прибуksировали только мешки.

Абста не видно. Правильно — зачем ему присутствовать при подъеме обычного груза!

— Отправитесь еще разок? — спрашивает Вальтер, вытягивая из воды последний мешок.

— Закончили. — Глюк, уже снявший шлем, ополаскивает лицо в воде, поворачивается к спутникам. — Наверх! — командует он.

Пловцы подводят буксировщики к скале, и Вальтер поднимает их на площадку.

Вскоре пловцы раздеты. Карцов и Вальтер грубыми

рубчатыми полотенцами растирают их тела, помогают натянуть брюки и свитеры.

— Эй, вы, — командует Вальтер, — а ну, поднимите мешки! Четверо на мешок, ну-ка!

Груз весит немало. Сгибаясь под тяжестью мешков, люди волокут их в туннель. Вальтер идет впереди. Последний пловец, оступившись, падает.

Вскочив с камня, Карцов спешит к нему. Но Вальтер уже там.

— Встань! — кричит он, склонившись над человеком. — Вставай, каналья!

Пловец с трудом выползает из-под придавившего его мешка, берется за груз, но никак не может изловчиться и поднять мешок.

— У, падаль! — Пнув его кулаком в бок, Вальтер подставляет плечо под груз. — Ну, становись ко мне... Вот так.

Пловец повинует. Он даже не посмотрел на обидчика. Молча встал рядом, принял груз...

— Пошли! — кричит Вальтер тем, кто находится впереди, и устремляется в туннель.

Карцов медленно возвращается на площадку. Завернувшийся в одеяло Глюк жадно курит.

— Доктор, — говорит он, — нога у меня разболелась. Всякий раз, когда продрогну, болит нога, где был перелом. С чего бы это?

Карцов объясняет.

— Ну, а перепонки? — продолжает Глюк. — Пошел на глубину, и тотчас сдавило уши. Пытаюсь продуть — не могу. Хорошо, обошлось. А то уж думал всплывать. Вот и здесь побаливает. — Рыжебородый пальцами касается лба.

— Насморк?

— Есть немного. — Глюк ухмыляется. — Глядите-ка, вы и это знаете.

— Будет вам! — Карцов раздосадован. — Все проверяете меня. Сомневаетесь: врач я или нет?

— Что вы, доктор! — Глюк хохочет. — Это я так. С вами и пошутить нельзя. Экий вы обидчивый, право.

Люди накормлены. Сейчас, после трудной работы, они спят.

Карцов запирает дверь и выходит. Да, ему доверен ключ. Но это лишь видимость свободы. Каждый его шаг под негласным контролем. Где бы он ни находился, всегда поблизости оказывается кто-либо из помощников Абста, а то и сам хозяин грота. А часть подземелья, где работает Абст, радиорубка, камбуз и какие-то другие службы, — эта часть грота вообще запретная для него зона.

Сегодня он вызовет Ришер на разговор. У него в кармане маленький черный валик — кассета с пленкой, извлеченная из тайника на площадке. Кассета должна заставить Ришер заговорить.

Карцов приближается к развилке туннеля. Направо путь в «запретную зону», налево — к Ришер. Ее комната неподалеку от выходного отверстия туннеля.

До поворота остается несколько метров, когда в туннеле раздаются шаги.

Карцов останавливается. Шаги всё слышнее. Теперь можно определить, что идут несколько человек. Они приближаются к развилке.

Прижавшись к камню, Карцов ждет.

Первым появляется Глюк. Сейчас, кроме пистолета, он вооружен и автоматом. Затем мимо Карцова цепочкой проходят незнакомцы. Первый, как он успевает заметить, совсем молод. На нем военная форма офицерского покроя. А кисти рук скованы.

В наручниках и те, что движутся следом. Это тоже военные, но, очевидно, солдаты. Немцы? Нет, у тех другая военная форма. Да и люди иного обличья: смуглые, похожие на южан. У того, что идет последним, коренного крепыша с серьгой в ухе, курчавые черные волосы.

Шестые замыкает Вальтер с автоматом на изготовку.

Незнакомцев пятеро. Карцов вспоминает: столько же было кассет-цилиндров. Кто же эти люди? Американцы или англичане?

Группа движется по направлению к лагуне. Шаги стихают.

Постояв, Карцов выходит из укрытия.

Обычные процедуры у Ришер Карцов делает машинально. Дважды он ловит себя на том, что, приостановив

работу, тупо глядит в лицо пациентке. Нервничает и она: учащенный пульс, тревога в глазах.

— Что там случилось? — спрашивает Ришер. — Я слышала, мимо прошли люди, несколько человек...

Карцов не успевает ответить. Дверь отворяется.

Это Абст. Он здоровается, спрашивается о самочувствии больной.

— Давно вы здесь? — спрашивает он Карцова.

— Минут двадцать, шеф. Я пришел в обычное время. Вам кажется, я опоздал?

Абст не отвечает. Помедлив, обращается к больной:

— Где ваш ключ?

Ришер кивком показывает на дверь.

— Я запру вас, — говорит Абст. — Запру на час или полтора. Доктор Рейнхельт, постарайтесь развлечь свою подопечную. Сегодня вам даются все возможности испытать благотворное влияние психотерапии.

Усмехнувшись, он выходит и затворяет дверь. Слышно, как дважды поворачивается ключ в замке.

В комнате тишина. Ришер тяжело дышит.

— Выпейте. — Карцов подает ей чашку воды.

— Что там случилось? — вновь спрашивает она. — Доставили новую партию?.. Вы видели цилиндры, которые всплывали из-под воды?

— Видел.

— В цилиндрах были люди... Это их провели мимо двери?

— Да.

— Сколько?

— Пятеро.

— Боже мой, — шепчет Ришер, — боже, еще пятеро!

— Кто они? Что с ними сделают?

— О, вы всё отлично знаете! — Ришер с ненавистью глядит на Карцова.

— Нет, — говорит он, — я о многом догадываюсь, но ничего не знаю наверняка.

— Ложь!

— Меня заперли с вами. Подумайте: почему? — Карцов достает из кармана кассету с пленкой. — Ваша, — говорит он, держа кассету на раскрытой ладони. — Там, в расщелине возле лагуны, еще четыре таких валика. И кинокамера.

В глазах у Ришер ужас.

— Вы неосторожны, — продолжает Карцов. — Разве можно так рисковать? — Он протягивает кассету. — Возьмите и выбросьте. Берите же!

Ришер чуть заметно качает головой.

— Нельзя?.. А, понимаю: ее надо сохранить. И другие тоже?.. Хорошо. — Карцов опускает кассету в карман. — Хорошо, я запрячу их понадежнее. И кинокамеру. Они будут в целости, не беспокойтесь. Я назову вам место... — Он берет руку Ришер. — Скажите, что сделает Абст с теми людьми?

Девушка лежит неподвижно. По лицу ее разливается бледность.

Карцов ждет.

В пещере тишина. Долго длится пауза.

— Марта, — мягко говорит он, — Марта, мы теряем время. Отвечайте же! Он убьет их?

— Нет, — шепчет она.

— Что же тогда? Операция?

— Не сразу. Сперва временно подавит их волю. Есть препарат... Потом операция.

— Какая?

— Лоботомия.

— Я не совсем понял...

— Трансorbitальная лоботомия.

— Как она делается?

Ришер подносит руку к лицу, касается пальцем верхнего края глазной впадины.

— Отсюда? — шепчет Карцов. — Какова цель операции?

— Человек лишается воли, памяти. Он покорен, почти не мыслит.

— Это навсегда?

— Не знаю.

— А брикеты, которые получают пловцы, зачем они?

— Если их не давать, оперированный вскоре превращается в параноика. Это зверь, одержимый манией убийства. Потом он погибает.

— И его нельзя спасти? Скажем, повторная операция?

— Не знаю.

— А что, если препарат вводить здоровым людям?

— Он действует, но очень быстро вымывается из организма.

— Понимаю... Абст сам дошел до всего этого?

— Он работал со специалистами. Практиковался в лагерях.

— Вы были там вместе с ним?

— Да.

— Неужели помогали ему?

— А вы? — Ришер глядит на Карцова злыми глазами. — Сами вы чем занимаетесь?

Пятая глава

Люди в наручниках приведены на площадку перед лагуной. Глюк жестом показывает на каменный выступ неподалеку от трапа.

— Садитесь!

Пленные продолжают стоять. Видимо, не понимают по-немецки.

Конвоир хмурится и повторяет приказ, подкрепляя его движением ствола автомата.

Люди опускаются на камень.

Они удивлены, озадачены. Разглядывая грот, негромко переговариваются, пожимают плечами.

Немцы отошли в сторонку и ждут.

Из туннеля выходит Абст.

— Внимание, встать! — кричит Глюк.

Пленные будто не слышали. Молодой офицер, что сидит на краю справа, отворачивается и закидывает ногу за ногу.

— Встать! — повторяет конвоир.

Абст движением руки останавливает Глюка, который угрожающе вскинул автомат.

— Встаньте, лейтенант, — говорит он, и голос его звучит почти ласково. — Вы обязаны встать!

Тот, к кому обращены эти слова, неподвижен, хотя и очень волнуется: грудь так и ходит под кителем, руки в оковах напряглись.

Абст улыбается. Минут десять назад он точно так улыбался в комнате Ришер.

— Хорошо, — говорит он, берет у Глюка автомат и веером дает очередь над головой пленников.

Грохот, гул. Едкая дымка заволакивает площадку. Когда она рассеивается, четверо пленных стоят навзничь.

А лейтенант сидит.

Ему лет двадцать пять. У него полные губы, короткий с горбинкой нос, румяные смуглые щеки. Он всем телом привалился к камню. Голова запрокинута, глаза устремлены вверх — большие, темные, с влажными голубыми белками.

Абст пододвигает к нему разномы, садится.

Он плохо знает язык, на котором пытается сейчас говорить, с трудом подбирает слова, делает продолжительные остановки между ними. Это певучий язык — с характерным «ч» и раскатистым «р».

Лейтенант равнодушен. Но вот губы его сложились в усмешку. Он чуть приподнимает ладонь.

— Вы коверкаете мой язык, — говорит он по-немецки. — Продолжайте на своем.

— Прекрасно. — Абст облизывает губу. — Прекрасно, лейтенант. Счастлив, что вы владеете немецким. Итак, назовите свое имя.

— Оно вам известно.

— А все же?

— Лейтенант Джорджо Пелла.

— Ну вот, совсем иное дело. — Абст доволен. — Теперь я услышал это собственными ушами. Кто мог подумать, что судьба пошлет мне такого гостя!

— Вы рады?.. — Лейтенант обращается к остальным пленным: — Смотрите, друзья, как они торжественно принимают гостей. Нас даже одарили браслетами. Это ли не знак подлинного немецкого гостеприимства!

— Скоро, возможно, и пожрать принесут, — отзывается пленный с серьгой в ухе. — Уж я немцев знаю — такие славные парни!

— Верно, сержант Гаррита!.. — Пелла поворачивается к Абсту. — Значит, здесь рады нам?

— Еще бы, лейтенант. Заполучить такого специалиста! Ведь мы с вами люди одной профессии. Но в сравнении с Джорджо Пелла я — ничтожество, можете мне поверить!

— Зачем я вам понадобился? — спрашивает итальянец. Тон немца заставил его насторожиться.

— О! — Абст значительно поджимает губы. — Вы здесь хорошо поработаете.

— Я не буду работать на немцев.

— Будете, лейтенант. Но я хочу, чтобы это было добровольно. Вас выгоднее иметь союзником. Дайте-ка, я освобожу вас от браслетов.

— Сперва снимите наручники с моих товарищей.

— Но...

— Я буду последний!

— Как угодно. — Абст морщится. — А я-то думал: в наш век дон-кихоты вывелись даже в Италии.

— И накормите их, — продолжает Пелла. — В последнее время нам не давали есть. Очевидно, чтобы мы стали сговорчивее.

— Как, вас не кормили?

— Представьте, нет!

Абст возмущен, гневно качает головой. Вальтер и Глюк глядят на него с любопытством.

— Кроме того, я должен спросить... — Лейтенант обводит глазами купол грота. — Что это за катакомбы? Нас три недели везли на подводной лодке. Потом лодка легла на грунт. Мы заснули. И вот мы здесь... Где мы находимся? Почему нас доставили сюда? Что вам угодно?

— Скоро узнаете. Но сперва несколько вопросов. Вы были на русском фронте?

— Да.

— Где именно?

— Украина. Район восточнее города Львова. Там все и случилось.

— Что именно?

— Вам неизвестно о трагических событиях, которые произошли там в конце июля?

— Этого года?

— Ладно, — нервно говорит Пелла, — ладно, я выложу все! Начну с того, что месяц назад Советы как следует дали по зубам вашему фюреру и нашему дуче. Я имею в виду мясорубку, устроенную русскими близ города Курска. Вам известно, сколько они намолотили немецкого мяса, да и не только немецкого?.. Ах, неизвест-

но! Тогда сообщу. Радио Москвы передало: только за первые четыре дня боев противник потерял убитыми более сорока тысяч человек.

— Вы верите в эту ложь?

Лейтенант Пелла выпрямляется, поднимает скованные руки, медленно качает головой.

— Синьор, — строго говорит он, — синьор, легче на поворотах! Я находился там, и я не слепой. — Офицер показывает на товарищей. — Мы все были там и готовы поклясться, что русские отнюдь не преувеличивают. Потери германских и итальянских войск ужасны...

— Допустим, — говорит Абст. — Допустим, но что же дальше?

— А дальше то, что британцы и американцы высадились в Сицилии. Или вы и об этом не знаете?

— Знаю.

— И вот итальянцы бегут, немцы — за ними: их главные силы не там, они далеко на востоке! Всюду паника, неразбериха. Наступает финал. В Риме спешно собирается Большой совет... Короче, стоило запахнуть дымом в собственном доме итальянцев, как «мудрому вождю нации» Бенитто Муссолини дали коленкой под зад, а затем упрятали в тюрьму. Народ сказал свое слово. Это и наше слово, синьор... Но я отвлекся. Ведь вас интересует, что произошло в районе Львова?

— Сперва я хочу знать, как вы там оказались. Почему попали в пехоту? Ведь прежде вы несли службу на флоте?

— Есть вещи, которые касаются только нас.

— Минуту, синьор лейтенант! — Сержант с серьгой в ухе встает с камня. — Я не вижу, почему бы и не сказать об этом. Мы, хвала святой деве Марии, ничего не украли!

— Вы правы, Бруно Гаррита!.. — Офицер оборачивается к Абсту. — Мы, все пятеро, не пожелали топить корабли противников дуче. Тогда нас списали на берег. Сперва засадили в тюрьму, но потом перерешили и послали на русский фронт, к «любимым и верным германским союзникам», испускать вино. Вот и всё.

— Понятно, — говорит Абст. — А откуда у вас такая ненависть к немцам?

— О, вы и это заметили? — У Пеллы кривятся губы

в горькой усмешке. — Сейчас я возвращусь к событиям близ Львова, и вы поймете... Представьте себе улицы старинного города. По ним сплошной вереницей движутся германские военные грузовики. Они везут итальянцев: обезоруженные солдаты и офицеры сидят на дне кузовов, заложив руки за голову. Их конвоируют немецкие автоматчики. Еще неделю назад те и другие сражались бок о бок. Теперь это враги. Грузовики идут за город. Они обгоняют колонны, направляющиеся туда же в пешем строю. И здесь итальянцы, тоже без оружия и под конвоем. Впереди генералы и офицеры, в заключение солдаты... Тех, что везли, и тех, которые шли пешком, доставили в лес и расстреляли в огромных рвах. Немцы убивали итальянцев. Расстреливали из автоматов, забрасывали гранатами, добивали выстрелами из пистолетов. Вы можете это понять?

— Случившееся очень прискорбно, — замечает Абст. — Однако виноваты не немцы.

— Кто же повинен в этой бойне? Кто, по-вашему?

— Некоторые итальянские части решили самовольно прекратить военные действия. А законы войны суровы. Тот, кто бросает союзника... Словом, хватит! Вы слишком разговорились. Я не одобряю того, что случилось во Львове. Однако не потому, что мне жаль расстрелянных. Дело в другом. Придумавший эту затею поступил неразумно. Будь моя воля, я бы заставил ваших соотечественников повоювать, как заставлю вас.

— Ого! — Лейтенант вскакивает на ноги. — Хочу поглядеть, как вы это сделаете. Убить нас — да, это в вашей власти! Но заставить драться? Освободите мне руки, и я покажу вам настоящую драку!

Пелла в бешенстве. Вот-вот он кинется на Абста. А тот невозмутим.

— Сядьте! — приказывает он. — Сядьте, вам говорят!.. Вот так. Знайте же: то, что вы и ваши люди уцелели в львовской кровавой бойне, это моя работа! Благодарности не жду — я втройне получу с вас. Вы нужны мне, Пелла. Нас заинтересовали ваши спуски на большие глубины с использованием обычных дыхательных приборов. Как вы это делаете? Я спас вам жизнь. И я хочу, чтобы мы стали друзьями.

— Для нас война окончена.

— Жаль, что вы так решили. Кстати, вы зря говорите за всех. Ведь и ваши товарищи — опытные водолазы?

Пленный молчит.

— Опытные! — продолжает Абст. — Каждый имеет по пятьсот и более спусков, а двое действовали в районе Гибралтара, где ими руководил Витторио Моккагата...¹ Но сейчас меня интересует не это. У нас тоже есть управляемые торпеды, и они, смею думать, не хуже итальянских. Меня занимает другое. В чем ваш секрет спусков на большие глубины?

Пленный молчит.

Абст касается рукой его колена.

— Послушайте, — мягко говорит он, — я давно испытываю чувство симпатии к великолепному спортсмену Джорджо Пелла. Движимый этим чувством, я спас ему жизнь. Знайте же, доверившись мне, все вы окажетесь в большом выигрыше...

— У вас выиграешь! — перебивает Бруно Гаррита. — Выиграла мышь, попавшись в кошачьи когти!

— Верьте, я могу заставить вас, — продолжает Абст. — Но куда лучше, если мы будем действовать рука об руку. — Он встает, оглядывает итальянцев. — Каждому из вас я предлагаю...

— Сперва накормите моих людей, — говорит Пелла. — Дайте им есть, вы, гуманист, не желающий нам зла!

— Прежде я хочу получить ответ.

Все происходит мгновенно: бросок лейтенанта Пеллы с вытянутыми вперед скованными руками, неуловимое движение Абста, в результате которого кулаки пленного таранят воздух.

И вот итальянец на земле, а чуть в стороне все так же невозмутимо стоит Абст.

— Встаньте! — говорит он.

Пелла медленно поднимается. Он сильно ушибся, у него кровоточат руки, разбита скула.

— Однако вы упорны... — Абст задумчиво глядит на итальянца. — Ну, будь по-вашему. Вы просите накормить людей? Пусть так. Я думал столкнуться с вами...

¹ Капитан второго ранга Витторио Моккагата был одним из руководителей подразделения итальянского военно-морского флота, в котором использовались человеко-торпеды.

Встает Гаррита.

— Послушайте, вы! Ваши прохвосты сами жрали, как свиньи, а нас кормили впроголодь. Так было вначале, и мы еще получали кое-какую еду. В последние два дня о нас вообще позабыли. У меня от голода урчит в брюхе, у ребят тоже. Они в таком состоянии, что не побрезговали бы, кажется, падалью вроде вашей персоны.

Гаррита в бешенстве. Вот-вот он повторит ошибку своего командира — со скованными руками ринется на Абста. А тот спокоен. Кажется, даже доволен, что так разъярил пленного.

— Что ж, вашему аппетиту можно позавидовать... — Абст оборачивается к Вальтеру. — Как дела на камбузе?

— Обед будет через два часа, шеф.

— Два часа, это долго. Наши гости не могут ждать. Как же быть?.. — Абст будто раздумывает. — Вот что, отправляйтесь и принесите консервов — четыре банки свинины с бобами и четыре больших сухаря. Для лейтенанта захватите что-нибудь поделикатнее. Скажем, кружку кофе из моего термоса и бисквиты — тоже из моего запаса. Вы поняли?

— Да, шеф.

— Консервы берите самые свежие — с зеленой этикеткой. Вам ясно?

— Ясно, шеф. — Радист переглядывается с Абстом. — Я все понял.

— Ну и отлично. А там поспеет обед. Идите!

Конвойр исчезает в туннеле.

Абст оборачивается к итальянцам.

— Надеюсь, вы довольны?

— Просто счастливы! — сквозь зубы цедит Пелла.

На площадке воцаряется молчание.

Проходит несколько минут.

И вот Вальтер возвращается. В руках у него поднос, на котором кружка кофе, стопка бисквитов и консервы — банки уже вскрыты, рядом с каждой лежат сухарь и ложка.

— Можно раздать, шеф?

— Конечно. — Абст широким жестом показывает на пленных.

Вальтер передает кофе с бисквитами лейтенанту, затем обходит его спутников.

Итальянцы разбирают консервы. Лейтенант Пелла ждет, поставив кружку на камень. И только убедившись, что все получили порцию, делает первый глоток кофе.

А немцы наблюдают.

В круглых глазах Вальтера острое любопытство. Он подался вперед, вытянул шею, тербит воротник свитера. Глюк спокойнее: стоит, положив руки на автомат, и ждет.

Сидя на раскладном табурете, Абст постукивает пальцем по колену, будто отсчитывает секунды.

Сейчас это должно случиться. Но время бежит, и не происходит ничего необыкновенного. Люди жадно едят. Лейтенант, покончив с бисквитами, пьет кофе.

Вот Гаррита встал, направляется к нему, протягивает банку.

— Командир, — говорит он, — здесь совсем немного, возьмите, пожалуйста. Чертовски вкусно!

Вальтер делает произвольное движение — будто хочет вмешаться. Абст отвечает ему едва заметным жестом, и радист остается на месте.

Пелла отказывается взять часть порции сержанта.

Постояв, Гаррита возвращается туда, где сидел, и дожевывает последний кусок.

— Глюк, перепишите людей! — приказывает Абст.

— Да, шеф. — Рыжий достает блокнот, берет карандаш, поочередно опрашивает итальянцев и заносит в блокнот их имена и воинские звания.

Так проходит еще четверть часа.

И вот с четырьмя пленными что-то случилось. Еще недавно они то и дело наклонялись друг к другу, переговаривались, даже пересмеивались — экспансивность не оставляет южан ни при каких обстоятельствах. Теперь итальянцы будто дремлют с открытыми глазами.

Перемена, происшедшая с солдатами, не укрылась от их командира. Сначала он только в недоумении. Но проходит время, и лейтенант уже в тревоге.

— Подойдите ко мне, сержант Гаррита! — зовет он.

Тот медленно оборачивается. По лицу его прошла тень — усилие мысли. Но через секунду лицо вновь неподвижно. Сержант вздыхает и принимает прежнюю позу.

— Гаррита! — повторяет командир.

Не получив ответа, подсаживается к сержанту.

— Что с вами? — волнуясь, спрашивает Пелла. — Заболели?

Гаррита молчит. Он как камень. Только серьга чуть подрагивает в ухе.

Пелла хватает его за плечи, трясет, заглядывает в глаза.

— Гаррита, — кричит он в страхе, — сержант Гаррита!..

Абст, наблюдавший за происходящим, ловит на себе растерянный взгляд лейтенанта, равнодушно отворачивается. Вот он зевнул, мельком взглянул на часы.

— Что же вы стоите, Глюк? — недовольно говорит он. — Ну-ка, снимите браслеты с этих несчастных. Предлагаю, как они намучились... Боже, да бросьте к чертям свой автомат!

Рыжебородый широко ухмыляется, откладывает автомат, подходит к одному из пленников, бесцеремонно берет его за руку. Поворот ключа в замке наручников — и кисти итальянца свободны. Но он будто и не обрадовался — поднес руки к глазам, оглядел их и вновь опустил.

Щелчок — и браслеты раскрываются на руках другого пленного.

Вскоре раскованы все четверо.

Подобрав наручники, Глюк защелкивает их в одну общую цепь.

— Готово, шеф.

— Уведите людей.

— Да, шеф. — Глюк оборачивается к пленным: — Эй, вы, шагайте за мной!

И он направляется в туннель.

Итальянцы идут следом. Группу замыкает сержант Гаррита. Он несет связку наручников, которую швырнул ему конвоир.

— Отправляйтесь и вы, — обращается Абст к Вальтеру.

— Слушаю, шеф.

— Зашифруйте и передайте в эфир: «У меня все в порядке».

— Ясно.

Радист поднимает с земли автомат, оставленный Глюком, и тоже скрывается в туннеле.

Теперь Абст наедине с офицером. Не глядя на пленника, он прохаживается по площадке, задумчиво созерцает лагуну. Затем, решив, что время для разговора настало, подходит к итальянцу и принимает свою любимую позу: руки в карманах штанов, широко расставленные ноги.

— Ну, что вы скажете, дорогой Джорджо Пелла? Как вам нравится у меня, каковы впечатления?

— Освободите мне руки, — тихо говорит итальянец.

— Охотно!

Абст ловко отщелкивает браслеты, швыряет их в сторону, затем осторожно растирает ладонями глубокие синие борозды на запястьях итальянца.

— Вот так... А теперь я приглашаю вас обедать. Мы вместе пообедаем и поговорим. Идемте!

Шестая глава

За дверью шаги. Тяжелая, шаркающая походка.

Карцов прислушивается.

— Глюк? — Он вопросительно смотрит на Ришер.

— Другой. Вальтер.

— Знаю: радист?

— Он и радист, и управляет краном, и обслуживает электростанцию.

— Кстати, о станции. Энергии расходуется много: освещение, камбуз, зарядка аккумуляторов-торпед, подводных буксировщиков... Что это за станция? Мотор крутит динамо? Но его не слышно. И откуда берется горячее?

— Мотора нет. Прилив и отлив вращают турбины с генератором, а тот заряжает аккумуляторы. Так мне объяснил Абст.

— Где расположена станция?

— Аккумуляторы в дальней пещере. Она заперта. Ключ у Вальтера. Остальное под водой. Где, не знаю — тайна.

Задавая вопросы, Карцов думает и о другом. Последние полчаса он со скрупулезной точностью восстанавливал в сознании все то, что знает о своей пациентке, заново оценивал поведение Ришер, каждое ее слово, анализировал отношение к ней Абста. И все это для того, чтобы убедить себя заговорить с ней в открытую. Надо выяснить, с кем имеешь дело, выяснить немедленно, сейчас. У него нет времени ждать — события разворачиваются стремительно.

Но это риск — он отдаст себя в ее руки. Пусть даже она честный человек, достаточно одного ее неосторожного слова, душевной слабости, если Абст, заподозрив неладное, учинит ей допрос...

В который раз напрягает он всю свою волю, чтобы начать разговор, и... не может.

Снова шаги за дверью, на этот раз — нескольких человек, вероятно тех самых пленных. Их ведут назад. Значит, свершилось!...

Фарфоровая чашка, которую держал в руках Карцов, падает на пол и разбивается.

Он опускается на табурет, долго глядит на осколки.

Шаги в коридоре стихают.

— Послушайте, Ришер, — говорит он, не поднимая головы, — как вы сюда попали? Я не могу поверить, что вы заодно с ними. Вы здесь по принуждению?

— Нет.

— Нет? — Он с усилием выпрямляется, оглядывает больную. — Стало быть, добровольно?

Ришер молчит. Она лежит в кровати, положив руки поверх перины. Голова запрокинута, глаза закрыты, волосы рассыпались по подушке.

— Тогда мне остается предположить одно, — медленно говорит Карцов. — Мне остается предположить, что вы посланы к Абсту с каким-то особым поручением, о котором он и не догадывается. Я не ошибся?

Ришер молчит.

— Кто вы такая? — повторяет Карцов.

— А вы? — вдруг спрашивает она.

— Я ненавижу нацистов, — говорит он. — Я здесь, чтобы бороться с ними. Я не тот, за кого меня принял Абст. Знаю, он все равно мне не доверяет, только использует, пока не прибудет новый врач... Вот все, что я могу сообщить о себе.

Ришер молчит.

Что знает она об этом человеке? Очень немного. Перед тем как привести его в первый раз, Абст сказал: «Судьба благосклонна к нам, Марта. Новый врач прибыл раньше, чем мы могли предположить. Кажется, ему можно доверить группу. Он явится на инструктаж. Объясните ему только то, что необходимо для обслуживания людей. Никаких экскурсов в прошлое, никаких имен. Короче, он посторонний. Он здесь временно. Надеюсь, вы понимаете меня?»

Она была озадачена, встревожена. Каким образом Абст ухитрился так быстро заполучить врача? Единственное объяснение состояло в том, что новичка доставила та самая подводная лодка, которой предстояло увезти на материк ее, Марту. Но если прибыла смена, почему Абст не позволил ей уехать? Появился врач, а он тем не менее задержал ее. С какой целью? В чем-то она допустила промах? У Абста появились сомнения, и он не хочет выпустить ее? Да, скорее всего, что так.

Кто же он такой, Ханс Рейнхельт? Вероятно, работник одной из многочисленных служб военной разведки.

Она была убеждена, что подчеркнутое недоверие к новичку со стороны Абста и его помощников не больше чем маневр, рассчитанный на то, чтобы усыпить ее бдительность. Подозрения укрепились, когда Вальтер, при-

несший ей обед, обронил несколько слов о Рейнхельте: он-де попал в грот случайно, приплыв с какого-то торпедированного транспорта.

Итак, Рейнхельт — провокатор. Она поверит ему, раскроется, и тогда...

Но вот человек этот вынул руку из кармана, разжал кулак, и на ладони у него оказалась кассета с пленкой. Значит, Рейнхельт видел, как она снимала пловца. Видел и промолчал. Шарил в ее тайнике, извлек оттуда другие кассеты и, конечно, записи, хранившиеся на дне расщелины. Извлек и... не показал Абсту?

А может, Абст уже знает о них?

Ришер смотрит в глаза Карцову, смотрит долго, пристально. Он выдерживает ее взгляд. Он сидит, положив на колени сильные руки. У него открытое лицо, высокий лоб. Лицо молодое, а вьющиеся волосы будто присыпаны пудрой. Неужели это единомышленник Абста, провокатор?

Но какую цель преследуют фашисты, если они обнаружили ее тайник, проявили пленку, ознакомились с записями? Зачем ее лечат? Почему оставили на свободе, не уничтожили? Ведь им уже все ясно.

Ришер вспоминает слова Вальтера о новом враче. А вдруг Вальтер не солгал и Рейнхельт действительно посторонний человек, которого Абст использует до той поры, пока она не поправится?

Карцов понимает ее состояние, терпеливо ждет. Вот он чуть шевельнулся на своем табурете, вздохнул.

— Конечно, — говорит он, — по всем правилам и законам конспирации нам надо присматриваться друг к другу в течение многих недель, быть может — месяцев. Только потом можно рискнуть... Я это сознаю. Но у нас нет времени. Я сделал первый шаг. Теперь ваша очередь. Будьте же откровенны! Кто вы такая? Разведчица?

Ришер чуть качнула головой.

— Нет? — Карцов растерянно трет ладонью лоб. — А как же камера? Ведь вы производили съемку, и я убежден — тайную! Вы делали это на собственный страх и риск? Зачем? Кому может понадобиться ваша пленка?

— Немцам.

— Немцам, сказали вы? Но каким немцам? Погодите, погодите, уж не хотите ли вы уверить меня...

Ришер приподнимает руку.

— Запомните, — медленно говорит она, — запомните, Рейнхельт: я ни в чем не хочу вас уверить.

Карцов смолкает.

— Дайте мне сигарету, — просит Ришер. — Спасибо. — Она берет сигарету, зажигает ее. — Скажите, Рейнхельт, вы давно из Германии?

Они встречаются взглядами, и Карцов чувствует, что не сможет солгать.

— Марта, — говорит он, — вы должны знать: я никогда не был в Германии. Я вовсе не немец...

Он рассказывает о себе.

Закончив, глядит на лежащую в кровати больную, беспомощную женщину.

А у нее капельки пота на лбу.

— Знаете, я будто сбросил тяжелый груз. Сейчас у меня столько сил! Мы будем бороться, Марта! Но для этого надо, чтобы вы выздоровели. Верьте, вы поправитесь, и очень скоро. Только соберите все свое мужество. Все мужество, всю свою волю, всю без остатка. Вы же сильная, Марта!

— Нет, — шепчет Ришер, — нет, не могу...

— Неправда! В тот раз я солгал Абсту о появившихся рефlekсах у вас в ногах. А сегодня я их нашупал! Они еще очень слабы, и я не хотел говорить. Но, клянусь вам, еще немного, и я буду учить вас ходить!

Ришер рывком садится в кровати.

— Да поймите же, — кричит она, — поймите же наконец: я встану на ноги, и он убьет вас!

Пауза. Она медленно опускается на подушки.

Ключ поворачивается в замке. Входит Абст.

Он видит: больная неподвижно лежит в кровати, в стороне, у столика с медикаментами возится врач.

— Закончили, Рейнхельт?

— Давно, шеф.

— Отправляйтесь к себе.

Узкая длинная пещера. Слева, вдоль стены, сплошные нары, на которых спят пловцы. Над головой каждого табличка. Двадцать два человека на нарах, двадцать две таблички над ними. Фамилий нет, только имена. Каж-

дый, кто живет здесь, должен лежать на своем месте. Таков порядок. Его установил Абст.

Где-то в середине шеренги спящих свободное место. Снята и табличка. На ней было написано «Гейнц».

В дальнем конце пещеры, наискосок от нар, вделана в пол металлическая койка, на которой сейчас лежит Карцов.

Между койкой и выходом из помещения — безумцы, порученные его надзору. Случись неладное, и ему отсюда не выбраться. Цементировать койку именно здесь распорядился Абст: новый врач, зная, чем грозит ему оплошность в обслуживании пловцов, будет лучше выполнять свои обязанности.

По пещере беспокойно прохаживается радист. Он только что вошел, перекинулся с Карцовым ничего не значащими словами и ходит из угла в угол.

Карцов наблюдает за ним. Вот Вальтер остановился у нар, оглядел спящих, привычным движением лезет за сигаретами.

— Нельзя курить. Приказ шефа.

Радист выдергивает руку из кармана, секунду колеблется, потом решительно присаживается на койку:

— Шел из радиорубки. Дай, думаю, загляну: как там чувствует себя доктор? Вон сколько их, героев. — Он подбородком указывает на спящих. — Да разве мыслимо, чтобы один человек справился с такой оравой!..

— Спасибо, Вальтер. Пока все в порядке... У вас был сеанс связи?

— Как обычно.

— И, конечно, ничего нового?

Больше двух месяцев прошло со дня побега Карцова с борта линкора, а он ни на минуту не забывает слов Джабба о начале крупного наступления немцев в центре России и о контрнаступлении советских войск. Что происходит на родине? Успешно ли действуют наши войска? Или Советская Армия, обливаясь кровью, пятится под натиском врага?..

— Ладно уж, курите, — говорит Карцов, видя, что немец все еще мнет в руках сигарету. — Курите, Вальтер. Одну сигарету, я думаю, можно. Вы гость. Гостю надо сделать приятное, не так ли?

— Спасибо, доктор. — Щелкнув зажигалкой, радист

прикуривает. — Гость, сказали вы? Что ж, гость так гость.

— Пока гость, — многозначительно подчеркивает Карцов. — Думаю, мы с вами еще похозяйничаем здесь, а?

Радист широко ухмыляется.

— Так что нового в мире? — снова спрашивает Карцов.

— Как вам сказать, доктор... — Вальтер мнется. — Нам другие станции слушать нельзя. Разве что перехватить десяток фраз, пока настраиваешься. А в общем, хо-рошего мало.

— Опять, наверное, Роммель затоптался в Африке?..

— Да не в Африке дело! — с досадой перебивает Вальтер. — Россия, вот что главное, доктор! А там мы, видать, промахнулись. Э, да что говорить!..

Он вздыхает и, швырнув окуроч, встает.

Поднимается и Карцов. Едва сдерживая бушующую в груди радость, он провожает немца до двери, затворяет за ним.

«Промахнулись!» — повторяет он про себя.

Это слово может иметь только один смысл: наступление фашистов не удалось, их гонят с советской земли, бьют!..

Нары тонут в полумраке. Оттуда доносится тяжелое дыхание спящих. Кто-то ворочается, бормочет. Вот показалось, один из пловцов сел, спустил ноги на пол.

Карцов включает свет. Нет, люди лежат. Все в порядке.

В порядке! Сейчас он так ясно видит хозяина этого «порядка», его продолговатое лицо с змеиными глазами и влажной отвисшей губой.

— Ничего, — бормочет Карцов, укладываясь в постель, — ничего, он получит свое! Теперь уже скоро...

Что необходимо в первую очередь? Ришер должна попытаться достать ключ от сейфа, где хранятся респираторы, оружие, подрывные заряды. Только бы раздобыть ключ, а там уж он будет действовать.

Но проходит минута, и в сердце закрадывается тоска. Допустим, удалось обезвредить фашистов. Как он поступит в дальнейшем? Выплывет из грота и направится к союзникам? А Марта? Останется наедине с безумцами?

Можно надеяться, какое-то время она продержится — пока есть запас препарата. Ну, а потом? Что, если к скале вдруг придет очередная подводная лодка, а Марта будет одна?

В дальнем конце пещеры движение, стон. Пловец сел на нарах, трет кулаком глаза.

— Ложись, — командует Карцов, — сейчас же ложись, Оскар! Спать, Оскар, спать!

Человек покорно ложится.

Карцов опускает голову на подушку, расслабляет плечи. Он долго лежит с закрытыми глазами. Тщетно. Сон не приходит.

Шаги в коридоре. Медленно открывается тяжелая дверь.

Он вскакивает с койки, включает свет.

У дверей Абст. А за ним в сумраке туннеля стоит кто-то еще.

— Все в порядке, Рейнхельт?

— Да, шеф. — Карцов идет навстречу. — Только Оскар ведет себя беспокойно.

— Что именно? Симптомы?

Абст подходит к нарам, наклоняется и долго глядит на пловца.

— Утром доставите его ко мне. Очень хорошо, что не упускаете ни единой мелочи, Рейнхельт. Я доволен вами.

Карцов механически кивает. Он думает о том, кто стоит за дверью. Человек едва виден. Но это не Глюк и не Вальтер.

Между тем Абст опускается на койку.

Садится и Карцов. Впервые он видит Абста небритым. И волосы, которые у него всегда тщательно расчесаны, сейчас в беспорядке. Странно выглядит Абст.

— Устал, — говорит он, перехватив взгляд Карцова. — Очень устал, Рейнхельт. И это не только физическая усталость. Сказать по чести, здесь и перекинуться словом не с кем, кроме вас. Боже, как ненавижу я триумвират, из-за которого миллионы немцев оторваны от семей, терпят лишения, заглядывая в глаза смерти!..

— Триумвират? Вы подразумеваете...

— Русских, британцев и янки! Я так мечтаю о часе, когда наконец они будут раздавлены. Вот закрываю глаза и вижу: фюрер поднимается из-за стола; скомкав воен-

ные карты, швыряет в мусорную корзину. Торжественно провозглашает: «*Quod erat faciendum!*» Это латынь, Рейнхельт: «Что и требовалось сделать!»

Карцов наклоняет голову.

— Ну, а если случится невероятное и битва будет проиграна? — продолжает Абст. — Что тогда?

Карцов пожимает плечами.

— Вероятно: «*Honesta mors turpi vita potior!*»¹ Не так ли?

— Да вы клад, Рейнхельт! — смеясь, восклицает Абст. — Подумать только, выросли среди варваров, а латынь знаете, как родной язык!.. Так вот, цитату вы привели великолепную, но она не подходит. Конечно, мы победим. В Германии фюрер кует новое оружие победы. Те, кто на фронте, тоже действуют не покладая рук. Сказанное относится и к нам с вами. Мы делаем большое дело. И смею уверить, скоро как следует потреплем нервы нашим врагам. Что бы вы сказали о некоем оружии, которое поражает в воздухе, на воде, под водой, поражает беззвучно, незримо, без промаха?..

— Это очень интересно, шеф! Вы, я вижу, не только врач, но и талантливый техник.

— Машину придумали другие. А я только пробую ее... Так вот, — продолжает Абст, — я пришел, чтобы сказать: предстоит напряженная работа. В ближайшее время я жду гостей. Среди них мои друзья и кое-кто из тех, кому я подчинен. Они прибудут сюда, чтобы взглянуть на наше убежище. А потом все мы примем участие в важной операции. И я хочу просить вас удвоить старания по лечению фройлейн Ришер. К их приезду она должна быть на ногах... Кстати, вы получите возможность тотчас же уехать.

«Тотчас уедете!» После разговора с Мартой Карцову до конца ясен смысл этих слов Абста.

— Какой срок, шеф? — спрашивает он, стараясь, чтобы голос звучал буднично, ровно.

— Не более недели. Семь-восемь дней.

— Я постараюсь.

— Очень хорошо. Спешите, Рейнхельт. Вас давно ждут в Германии.

¹ Почетная смерть лучше позорной жизни! (лат.)

— Спасибо. Один вопрос: я отправлюсь вместе с фройлей Ришер?

— Она останется. Вы встретитесь с ней позже. Некоторое время она еще побудет здесь. Вы встретитесь через полгода, и у вас будет о чем поговорить, не так ли?

И Абст дружески хлопает Карцова по колену.

— Спасибо, шеф. — Карцов выглядит смущенным. — Вы очень добры ко мне. Хотел бы я отплатить вам той же монетой.

— Вы и так делаете достаточно, Рейнхельт... Теперь о том, что касается лично вас. В хрупкой скорлупе вы преодолели десятки миль бурного моря. Выдержав это испытание, вы показали себя сильным и волевым человеком.

— Я только пытался спастись.

— Ну, ну, не скромничайте!.. Потом вы рискнули — оставили шлюпку и пустились вплавь, чтобы добраться до скалы. Вы были истощены, в море ревел шторм, но вы выдержали. Вы доплыли, а тот, другой, не смог. И я делаю вывод: вы не только волевой человек, но и отличный пловец. Вот я и подумал: а что, если наш молодой, энергичный врач обучится работе под водой? Чем он хуже Глюка или, скажем, меня самого? Надо только предоставить ему время попрактиковаться в пользовании респиратором, подводным движком и другими устройствами... Я правильно рассуждаю?

— Конечно, шеф.

— И у вас есть такое желание?

— Я согласен, — отвечает Карцов. — Более того, ваше предложение я расцениваю как большое доверие ко мне. Мои акции идут в гору!

— Вот и отлично! — Абст встает. — К тренировкам приступите завтра. Я дам указания Глюку. Он будет вашим инструктором.

— Глюк — славный парень.

— Отлично! — повторяет Абст. — А теперь примите еще одного в вашу группу... Входи! — говорит Абст тому, кто все это время стоял в коридоре.

Человек переступает порог. Он в фланелевой рубашке и вязанных брюках.

Карцов всматривается в его бурое от загара лицо,

обрамленное курчавыми черными волосами, и, хотя человек переодет, он узнает одного из тех, кого недавно встретил в туннеле.

— Его зовут Бруно, — говорит Абст. — Ложись, Бруно! — Он рукой показывает на нары: — Ложись и спи!

Человек направляется к нарам и укладывается — лицом вверх, разбросав руки, спокойно закрывает глаза.

— Бедняга! — вздыхает Абст. — Сколько ни бились с ним — никаких сдвигов. К сожалению, безнадежен. Завтра вы исследуете его, Рейнхельт, и доложите результаты.

И он уходит.

Оставшись один, Карцов садится на койку, стискивает ладонями голову.

Так проходит несколько минут.

Новичок спит, ровно и глубоко дыша.

Карцов наклоняется к его лицу, исследует взглядом лоб, глазные яблоки, плотно прикрытые красноватыми веками, скулы, виски.

Никаких следов операции.

Он вновь, еще тщательнее изучает лицо человека. Правое веко чисто. А на левом, вверху, почти под самой бровью небольшая темная корочка. Будто присох комок бурой грязи.

Кровь!

Вот откуда проник в мозг тонкий режущий инструмент. Итак, Абст расправился с очередной жертвой. А в подземелье ждут своей очереди еще четверо. Завтра, нет, может, уже сегодня их постигнет та же участь.

У новичка обнажена часть груди. На смуглой коже фиолетовые полосы. Татуировка? Карцов расстегивает воротник его рубахи. Да, татуировка. В центре груди искусно изображены скрещенные весла и водолазный шлем с круглым иллюминатором. А под рисунком текст: «Мать божья, оберегай славного парня Бруно Гарри-ту. Специя, 1938 год».

Надпись на итальянском языке.

Карцов медленно идет в конец пещеры. Останавливается у спящего под табличкой «Марко». У Марко круглое лицо с мягким профилем, полные губы, русая борода. А глаза, как помнит Карцов, голубые, большие. Когда-то в них жила, наверное, такая хитроватая смешинка...

Кто он — серб, болгарин? Быть может, украинец?

Рядом лежит Зигмунд — этот, вероятно, поляк. А сюда могут доставить и русских, и американцев, и англичан!

Карцову кажется — он видит германские лагеря военнопленных с толпами обреченных на уничтожение людей, видит агентов Абста, которые ворошат картотеки, опрашивают узников, щупают им мускулы... «Человеческий материал» отобран. Это специалисты, которых не нужно учить работе под водой. Их увозят и на подводных лодках доставляют сюда. Пленные не хотят служить врагу? Да Абсту и не требуется их согласие. Короткая безоши-

бочная операция — и готов отряд смертников-торпедистов, которые послушны, не проявят недовольства, сомнения, страха!..

Карцов видит города в развалинах, пылающие деревни, взорванные заводы, дворцы, библиотеки. И всюду — трупы, тысячи трупов. Оставшиеся в живых будут низведены до состояния рабской покорности и отупения. Ибо победителям нужен рабочий скот. Так, по замыслу Гитлера, произойдет в Советском Союзе, затем в Европе и, наконец, во всем мире.

Надо ли удивляться тому, что творит в своем тайном логове Артур Абст? То, что он делает с несколькими десятками людей, Гитлер намерен свершить с миллионами.

Карцов поворачивается и бредет в свой угол. Присев на краешек койки, лезет в карман за сигаретой.

Внезапно он вскакивает на ноги, стискивает кулаки. Он вдруг понял замысел Абста, предложившего ему изучить ремесло водолаза. Он, Карцов, будет уничтожен не сразу, нет. Сперва он подвергнется операции и займет место на этих же нарах!

Седьмая глава

Карцов зашнуровывает на ноге длинный широкий ласт.

— Не слишком туго, — предупреждает рыжебородый.

— Знаю. — Карцов стремится выглядеть таким самоуверенным дилетантом. — Знаю, дорогой Глюк. Главное, чтобы эта штука не свалилась с ноги. Поэтому и привязываю ее покрепче.

И он делает вид, что изо всех сил стягивает шнурок.

— Ну-ка, оставьте! — Глюк решительно распускает шнуровку. — Плотнее не надо. Если перетянете, судорога скрючит стопу, а то и всю ногу. Будете болтаться, как падаль в проруби. Хорошо, если рядом окажется товарищ и вытащит из воды. Ну, а вдруг вы один-одинешенек, отплыли на милю от берега, а в респираторе иссяк кислород? Что тогда? Камнем отправитесь на дно. Запомните, доктор: под водой не шутят!

Смакуя подробности, он рассказывает о случаях, когда водолазы погибали от кислородного опьянения или

отравления углекислотой, от баротравмы легких, кессонной болезни, от акульих зубов или попросту в результате переохлаждения организма.

Глюк видит: его ученик, еще минуту назад такой самоуверенный, теперь явно трусит.

— Проняло! — злорадно восклицает он.

— Еще бы! — Карцов с опаской глядит на растянувшуюся у ног лагуну. — Ведь, говоря по совести, я и плавать как следует не умею. Так, держусь на воде, гребу помаленьку... Вот что! — Он решительно встает, сбрасывает с ноги ласт, отыскивает и надевает войлочные туфли. — Сейчас я отправляюсь к шефу. Я сам, добровольно пожелал обучиться вашему ремеслу. Значит, могу и отказаться. Сошлюсь на вас: «Глюк рассказал об опасностях, о которых я и не подозревал». Ведь вы подтвердите мои слова?

— Что вы, что вы! — бормочет рыжий. — Садитесь-ка, доктор, на место. Экий вы, право! Всё приняли за чистую монету. И я хорош — наболтал, а вы и поверили. Ну-ка, давайте ногу, я зашнурую ласт. Да не бойтесь: иной раз в воде, среди рыб, безопаснее, чем здесь, в компании нам подобных. Так-то, доктор... Теперь другую ногу... Готово. А ну, потряхните ступней да посильнее. Еще сильнее, доктор! Будто хотите сбросить клеща.

Карцов приподнимает ногу, делает короткий, резкий взмах. Литой каучуковый ласт упруго пружинит.

— Вот и отлично! Спускайтесь в воду. Поплавайте с четверть часа. Только не вздумайте брассом — ничего не получится. Для ластов годится лишь медленный кроль. Смотрите, доктор. Вот так...

Наставник ложится на скалу и показывает, как надо двигать ногами при плавании кролем.

— Поняли?

— Ясно. Можно в воду?

— Давайте. И не мешкайте, сегодня вам предстоит узнать кучу других вещей.

Карцов стаскивает свитер.

— Ого, — восклицает Глюк, разглядывая его сильное, мускулистое тело, — да вы, доктор, превратились в красавчика! К любой девушке сунетесь — помрет от счастья.

Вместо ответа Карцов неуклюже валится в воду.

Теплая, ласковая вода! Вот бы на полной скорости пересечь из конца в конец лагуну! Но Карцов беспомощно вертится возле трапа, старательно имитируя страх, боязнь глубины.

— Не так! — кричит Глюк, перегнувшись через поручни трапа. — Не молотите руками, ноги ослабьте, действуйте ими мягче, будто ленитесь или очень устали.

Карцов продолжает возню, поднимая пену и брызги. Сильный всплеск.

Шлепнувшись в воду, Глюк бесцеремонно оттаскивает Карцова от скалы.

— Мучение с вами, доктор! — кричит он. — Ну-ка, лежите спокойно. Теперь медленно двигайте ногами. Запомните: нога работает вся, до кончиков пальцев. И не бойтесь согнуть колени. Действуйте ногами свободнее, мягче.

Минут через десять Карцов позволяет себе чуточку «освоить» кроль. И вот уже, двигая ластами, он скользит прочь от трапа. Ласты — удивительная штука. Они вдвое увеличивают скорость пловца, экономят много сил.

— Вот, вот, — довольно бормочет Глюк, — подходяще, доктор! О, что это вы? — тревожно кричит он, видя, что Карцов вдруг зачастил руками, закашлялся, повернул и торопится к трапу.

— Устал, — тяжело дышит Карцов, — устал и... сердце.

— Что вы почувствовали? — допытывается наставник. — Сбили дыхание, глотнули воды?

— Не знаю. — Карцов берет его за руку. — Внезапно помутилось в глазах. Только ни слова шефу. А то испугается за меня, запретит. У меня это с детства — вдруг падаю в обморок. Но ничего, я обязательно выучусь работе под водой. Ни слова шефу, Глюк. Обещаете?

Карцов старательно разыгрывает роль новичка. Немцев следует убедить, что ученик проявляет рвение, у него много апломба, но нет способностей, и пройдет немало дней, прежде чем он будет готов к самостоятельным спускам под воду.

Нужно выиграть время, чтобы Марта выздоровела, стала ходить.

Между тем Глюк, поддерживая ученика, помогает ему подплыть к трапу, ухватиться за поручень.

— Подняться сможете? — спрашивает он.

Карцов медленно взбирается по трапу, временами всей тяжестью повисая на спутнике.

— Легче, — бормочет рыжебородый, — легче, доктор, а то свалимся вместе. Крепче держитесь, тверже ставьте ногу.

Наконец они на площадке. Глюк полотенцем насухо вытирает ученика.

— Мне понравились ласты, — заявляет Карцов.

— «Понравились»! Струсили!

— Чепуха! — Карцов улыбается. — Думаете, скис? Вот отдохну и снова в воду. Это здорово, что придумали ласты, черт бы их побрал! Занятная штука.

— В воду я вас сегодня не пушу, — заявляет немец. — Хватит, наплавались. Будете учиться на берегу. Возьметесь за респиратор, привыкнете к шлему и баллонам, а там уже будет видно.

Он пододвигает к себе сумку прорезиненного брезента, вынимает из нее дыхательный аппарат.

— Знакомы с таким?

— Не приходилось...

— Это респиратор системы Дрегера.

Глюк подробно объясняет устройство прибора, назначение отдельных частей.

Карцов слушает рассеянно. Все кислородные дыхательные аппараты действуют по единому принципу. Респиратор, которым он пользовался при учебных спусках под воду, тоже имел стальной баллон со сжатым кислородом, редуктор, резиновый дыхательный мешок, систему клапанов, шлем и, наконец, устройство для поглощения выдыхаемой углекислоты. Короче, он во всем уже разобрался и с респиратором Глюка может нырнуть хоть сейчас.

— Ну, — повторяет наставник, — ознакомились, поняли, в чем суть? Глядите!

Коротким точным движением он натягивает шлем на голову, кладет палец на кнопку клапана. Резиновый мешок вспускает — туда из баллона ворвался кислород.

— Внимание! — глухо доносится до Карцова.

Глюк делает несколько глубоких вдохов, высасывая

кислород из мешка, вновь наполняет его, показывает, как перекрыть вентиль баллона.

Затем он стаскивает шлем.

— Вот и всё.

— Можно попробовать?

— Валяйте.

Карцов хватается за аппарат, силится надеть шлем.

— Да не так поспешно, доктор! Право, вы как ребенок. Успеете и поплавать и надышаться. Сперва разберитесь, что к чему... Ну, давайте!

Аппарат пристегнут на груди Карцова, шлем надет. Немец с любопытством наблюдает, как ученик делает первые вдохи. Чудак, он частит, торопится, расходуя втрое больше кислорода, чем необходимо. Впрочем, это неизбежно. Со временем придет опыт, и все будет в порядке.

Внезапно шея у Карцова багровеет. Он рывком сдергивает шлем:

— Едва не задохнулся!

Глюк хохочет, тычет пальцем в то место, где гофрированный шланг соединяется с маской. Здесь металлический патрубок с клапанами и краном, который немец незаметно перекрыл.

Карцов шутливо грозит ему, открывает кран, пробует, хорошо ли поступает кислород.

— В порядке, — удовлетворенно говорит он. — А теперь подышим в воде.

— Не сегодня. — Глюк движением руки останавливает ученика. — Вы, доктор, устали, следует отдохнуть. Да и у меня дела: надо встречать шефа.

— Как это — встречать? Где же он? Я недавно разговаривал с ним. Он просил...

— Был да сплыл! — Довольный собственной остроумной, рыжебородый хрипло хохочет. — Вот именно — сплыл, доктор. Но скоро должен вернуться.

— Ну, хоть полчаса у нас есть? — капризно тянет Карцов. — Пустите меня в воду на полчаса, Глюк!

— Ладно, доктор, — решает наставник. — Ладно, давайте шлем. Вон какой вы настырный! Любого уговорите. Но условие: глубоко не ходите — метров на пять, не больше. Да я и не пушу вас глубже — работать будете на сигнальном конце.

Он надевает Карцову пояс со свинцовыми грузами, обвязывает талию пловца тонким плетеным тросом, еще раз проверяет подгонку и исправность респиратора. Попутно дает советы: как «промыть» дыхательный аппарат, удаляя из него негодный воздух, как регулировать свою плавучесть и мгновенно освободиться от поясных грузов, если в этом возникнет нужда.

Карцов очень волнуется, ибо задумал нечто рискованное: если все пойдет хорошо, сегодня он завладеет респиратором.

— В воду! — командует рыжий.

Ныряльщик медленно сходит по трапу.

Вот ноги его коснулись воды, ушли в нее по колени, по бедра. Еще немного, и он погружается до подбородка. Теперь перед шлемом колышется вода лагуны, будто Карцов приник к стенке аквариума... Чутьочку ниже, и вода наполовину закрыла стекла шлема.

— Вперед! — ободряюще кричит Глюк. — Не трусьте!

И он потравливает сигнальный конец.

Карцов приподнимает руку, машет ею в воздухе. Затем голова его скрывается под водой.

Некоторое время он неподвижно висит в толще воды. В ярких лучах прожектора она кажется голубой светящейся дымкой. Постепенно свечение слабеет — под влиянием поясных грузов Карцов медленно опускается. Видимость все хуже, скоро его ноги едва различимы — они будто вплавлены в стеклянный сумрак.

Тишина, покой.

Повиснув на сигнальном конце, Карцов отдыхает: не легко разыгрывать увлекающегося простачка, смеяться, шутить, когда знаешь, что находишься под угрозой худшего даже, чем смерть.

Тишина, покой. При каждом вдохе и выдохе отчетливо пощелкивают клапаны респиратора — будто метроном отсчитывает подводное время.

Итак, сделано все, чтобы Глюк (а значит, и Абст) поверил, что врач увлечен новым делом, охотно идет под воду, все принимает за чистую монету и ни о чем не догадывается.

Но это — самое легкое.

Теперь предстоит главное — затянуть процесс обу-

чения, пока не оправится от недуга Марта. Кроме того, окончательно решено: в ближайшие минуты он похитит респиратор.

Некоторое время Карцов продвигается вдоль стены площадки, испещренной углублениями и расщелинами. Ага, вот, кажется, подходящая щель.

Неожиданно трос, на котором висит Карцов, приходит в движение. Частые рывки — сигнал водолазу немедленно выходить на поверхность.

Что еще случилось на площадке? Неужели придется отложить задуманное? Нет, нельзя — неизвестно, представится ли другой удобный случай.

Вяло работая ластами, Карцов медленно поднимается. Одновременно он развязывает узел троса. Так, хорошо. Трос едва держится. Теперь рывок посильнее, и все будет в порядке...

Он на поверхности.

— Возитесь! — кричит рыжебородый, широкими кольцами выбирая трос. — Лезьте скорее!

Наполовину поднявшись из воды, Карцов задерживается на трапе.

Глюк видит: ученик тяжело дышит, движением руки просит помощи. Крепче упершись ногами, Глюк тянет за трос. Карцов карабкается и вдруг, резко откинувшись, валится в воду.

Рывок — и Глюк с тросом в руках летит к центру площадки.

На площадке шум, суматоха. Вальтер, только что подогнавший кран к лагуне, спрыгивает с сиденья, мчит к Глюку, помогает ему подняться на ноги.

Немцы в страхе: врач, за которого они головой отвечают перед Абстом, ушел под воду — один, без страховки!

Глюк сбрасывает свитер и ныряет.

Вскоре он на поверхности.

— Плохо видно! — кричит он. — Беги за респиратором!

И вновь погружается.

А в это время Карцов, устроившись в расщелине, что расположена под водой, в стороне от трапа, наблюдает за поверхностью лагуны. Он видел, как дважды нырял Глюк, как потом он исчез, взобравшись по трапу. Через

минуту-другую немец спустится уже с дыхательным аппаратом. Тогда от него не скроешься.

Пора всплывать.

Не снимая шлема, он отстегивает лямки респиратора. Раскрыт аварийный замок пояса, и брезентовый ремень со свинцовыми пластинами зафиксирован в расщелину. Теперь следует выпустить кислород из резинового мешка, иначе респиратор всплывет.... Так, хорошо. Аппарат с опавшим воздушным мешком уложен под грузами. Но Карцов еще в шлеме. Последний вдох. Из мешка высосаны остатки кислорода. До отказа перекрыты вентиль и кран респиратора. Теперь аппарат может лежать в воде сколько угодно.

Карцов оглядывает расщелину, фотографируя в памяти свой тайник, и рывком сдергивает шлем.

Сильный толчок ногами выносит его далеко в сторону. Дальше, еще дальше от расщелины, где запрятан драгоценный дыхательный аппарат с почти нетронутым запасом кислорода...

Немцы с тревогой вглядываются в безжизненное лицо врача. Он всплыл, когда его уже не ждали: на мгновение показался на поверхности, что-то крикнул, вновь погрузился. Глюк кинулся за ним, настиг на глубине, захлебнувшегося, схватил за волосы.

Пострадавший лежит без движения. Глюк подставляет ему под живот свое колено — разумеется, врач наглотался воды, надо очистить желудок, легкие. Но тот вздрагивает и открывает глаза.

— Пронесло, — облегченно бормочет рыжебородый. — А ну, уложи его поудобнее.

Вальтер опускает Карцова на скалу, под затылок запихивает сверток одежды.

— Выкладывайте, что с вами стряслось? — требует Глюк.

— Не знаю... Упал с трапа, погрузился. Видимо, глубоко: сильно сдавило уши. Тут-то и началось. От страха потерял мундштук. Ищу его ртом, задыхаюсь и не могу нащупать. Наконец стиснул зубами. Вот он, кислород! Глотнул разок-другой и — стоп.

— Прекратилась подача? — допытывается Глюк.

— Тяну всей грудью — и ничего.

— Минуту! Воздух при выдохе носом травил?

— Не помню. Кажется, да. В шлем попала вода, я и хотел...

— Хотели, хотели! — Глюк гневно потрясает кулаками. — Черт бы вас побрал, дурака! Выбрали из мешка весь кислород и ничего не добавили из баллона. Высосали воздух и удивляетесь, что нечем дышать! А клапан на что? Зачем на редукторе клапан, я спрашиваю? Пальцем его надави — и снова полный мешок. Учишь вас, учишь..

— Спаниковали, доктор. Решили, что погибаете, — вставляет Вальтер. — Сорвали шлем, сбросили аппарат, пояс с грузами и вверх, как заяц. Так?

— Да... Мне очень жаль.

— «Жаль»! — Вальтер качает головой. — Утопили респиратор, а нам отвечать. Что мы скажем шефу?

— Лагуна мелководна, и, если позволите, я сам...

— Опять «сам»! — в бешенстве кричит Глюк.

— С вашей помощью...

— Послушайте, доктор, не мелите чепухи! — Глюк со злостью швыряет окурок. — Какая, по-вашему, здесь глубина?

— Ну, метров пятнадцать.

— «Пятнадцать»! — передразнивает Вальтер. — А четырех футов не хотите?

— Да, ровно сто двадцать метров, будьте вы прокляты! — Глюк полон презрения. — Ну, еще не раздумали идти на грунт?

Карцов смущенно молчит.

— Ладно. — Рыжий еле сдерживается. — Отправляйтесь к себе, доктор. И не сболтните шефу о респираторе — будет и вам и мне. Поняли?

Карцов встает.

— Держите! — Глюк швыряет ему брюки и свитер.

Войдя в туннель, Карцов одевается. Затаившись за камнем, он ждет: вот-вот в лагуне появится Абст.

Минут через двадцать в центре подземного озера всплывает буксировщик. За его кормой две головы в шлемах.

Буксировщик причалил. Прибывшие взбираются по трапу.

Первый из них — Абст.

Вальтер хлопочет возле второго, помогая ему отстегнуть грузы и снять респиратор.

Шлем снят.

Карцов отступает в глубь туннеля. Ему кажется, он галлюцинирует. Спутник Абста — это офицер с линкора, тот самый представительный лейтенант, у которого странная манера облизывать сигарету перед тем, как закурить!

Проходят секунды. Нет, пожалуй, это только внешнее сходство, успокаивает себя Карцов: лейтенант был повыше ростом, грузнее, иначе держал голову.

Сердце бьется ровнее. Теперь он почти убежден, что страхи были напрасны.

Но вот Глюк протягивает гостю портсигар. Тот берет сигарету, подносит к губам и дважды проводит по ней языком.

Восьмая глава

Марта лежит в постели, обессилив от пережитого.

Сегодня она определенно почувствовала, что может двигать ногами. Сперва пошевелила ступнями, стала сгибать колени. Спустя полчаса попыталась подняться.

И она встала!

Правда, ее качало из стороны в сторону. Однако, вцепившись в спинку кровати, она сделала шаг, и другой, и третий...

Кто-то идет по коридору.

Ришер поднимается на локтях, прислушивается. У нее теплеют глаза.

Еще недавно о новом враче она думала с ненавистью. Теперь в долгие часы одиночества Марта старается припомнить каждое его слово, «увидеть» его жесты, походку. Она ловит себя на том, что мысленно беседует с ним, порою спорит, выговаривает ему за какие-то пустяки...

Входит Карцов. Он озабочен, рассеян. Едва кивнув пациентке, быстро идет к тумбочке, где у него медикаменты.

Марта поворачивает к нему голову:

— Неприятности?

Он молчит, обдумывая, как лучше начать важный разговор. Вдруг он замечает: башмаки Ришер стоят не на своем обычном месте под тумбочкой, а брошены чуть ли не посреди комнаты.

— Пробовали встать? — восклицает он.

— Пробовала ходить.

— Правда? — Карцов садится на табурет. — Неужели ходили, Марта?

— Сделала четыре шага.

— Умница, — шепчет Карцов, — какая вы умница!

Он порывисто поднимается:

— Встанем?

Марта молча глядит на него.

— Встанем! — повторяет Карцов. — Надо заставить себя. Сейчас это главное. Ну же, решительней!

Она послушно садится в кровати, спускает ноги на пол. Вот она напряглась, встала, держась за руки Карцова.

— Смелее! — требует он. — Смелее, будто и не было никакой болезни!

Поддерживаемая Карцовым, Марта медленно идет к двери. Постояв там, возвращается, все увереннее ставя ноги в мягких войлочных башмаках.

Утомленная, но счастливая, она опускается на кровать.

— А теперь рассказывайте!

— Хорошего мало. — Карцов морщится.

Он сообщает об итальянцах, о Бруно Гаррите, о приказе Абста изучить ремесло водолаза, о первом занятии под руководством Глюка и о похищенном респираторе. И в заключение — о лейтенанте, который приплыл вместе с Абстом.

Девушка лежит бледная, у нее дрожит подбородок.

— Я знаю этого человека, вернее, слышала о нем. Агент разведки, уже несколько лет, как заброшен на базу. Абст считает, что обязан ему жизнью.

— Что ж, он не так уж и далек от истины, — замечает Карцов, вспоминая сцену в салоне линкора, когда лейтенант «не смог» схватить Абста. — Да, агент выручил его.

— При встрече он узнает вас! — тревожно шепчет Марта. — А встреча неизбежна.

— Неизбежна. — Карцов задумывается. — Не сегодня, так завтра. Представляю: Абст входит ко мне, и с ним этот человек!

— Что же предпринять?

— Он должен быть уничтожен, но как это сделать? Прежде всего надо установить, где его поместили, сколько времени он пробудет здесь, каковы его намерения. Однако тут я бессилен.

— Тогда, может быть, я?

— Придется действовать вам, Марта. Отдохните, соберитесь с силами и отправляйтесь к Абсту. Доложите, что здоровы, приступаете к работе. И постарайтесь выяснить все, что нужно. Мы должны знать как можно больше.

— Но, увидев, что я вылечилась, Абст убьет вас!

— Не сразу. Он ждет, чтобы я освоил работу под водой. Словом, у нас есть еще время. Однако, если меня обнаружит агент, все произойдет мгновенно.

Карцов продолжает развивать свою мысль. Марта должна разведать, что это за гости, которых ждет Абст, когда они прибудут, каковы дальнейшие планы Абста.

— И еще вопрос: умеете ли вы плавать?

— Да, — отвечает Марта.

— А пользоваться респиратором?

— Умею.

— Очень хорошо!

Девушка задумывается.

— Теперь я должна сообщить нечто важное, — говорит она. — Неизвестно, кому из нас удастся выбраться отсюда. Во всяком случае, если я погибну...

— Марта!

— Не перебивайте. Невыносима сама мысль, что никто никогда не узнает об Абсте. Поэтому я и должна рассказать все.

Рассказ Марты Ришер

Росток... В этом городе я родилась и провела детство. Но теперь моего дома нет. Вместо него, вместо всей улицы — только развалины. В них погребена моя мать.

Отец погиб еще раньше. Он служил в Мюнхене, перекочевав туда, когда отчаялся найти работу в своем городе. Ему посчастливилось — он устроился в баре кельнером. Мы уже собирались продать дом и ехать к нему, но внезапно отец умер.

В те годы мало кто по-настоящему понимал, что такое нацизм. Это тем более относилось к отцу — он всегда был далек от политики.

И вот его убили.

Позже нам рассказали подробности. Как-то вечером в бар, где он работал, ввалилась толпа горланящих штурмовиков. Вскоре все они изрядно выпили, и один из них стал говорить речь. В дальнем углу за столиком сидел человек с двумя железными крестами на лацкане пиджака. Вероятно, ветеран. Внезапно он вскочил, кинулся к оратору, вцепился ему в грудь, крича, что служил с ним в одном полку, что это не патриот, а грязный провокатор и доносчик на своих товарищей.

Поднялась драка. Все смешалось. Пущенная кем-то бутылка попала отцу в голову. Он умер от кровоизлияния в мозг.

Это случилось весной 1923 года.

Спустя десятилетие фашисты пришли к власти. К тому времени я завершила образование и стала хирургом. Меня еще со школьной скамьи тянуло к медицине. Мать и старшая сестра заложили дом, работали день и ночь,

чтобы я могла учиться в университете, — считалось, что у меня способности.

Я получила место в больнице западного пригорода Берлина. И там у меня произошла встреча с одним человеком. На заводе, где он работал, взорвался котел, и ему сильно разбило голову.

Мне удалось сделать сложную операцию. Он долго лежал у меня в палате. Мы познакомились, часто беседовали. Мы были примерно одного возраста. У нас всегда находились темы для разговоров.

Он выздоровел, и мы расстались. А полгода спустя он вдруг позвонил мне и пригласил погулять.

В тот день решила моя судьба. Оказалось, они уже несколько месяцев исподволь изучают меня. Они — это группа коммунистов города, уцелевших после разгрома их партии нацистами.

Они нуждались в таких, как я, — в молодых специалистах, чье прошлое безупречно с точки зрения Гиммлера. Я стала членом подпольной группы. Мне дали задание вступить в НСДАП, совершенствоваться как хирург, работать старательнее.

Справиться с первой частью задания помог случай. Однажды я вылечила какого-то блоклейтера¹, удалив ему опухоль мозжечка. Этот человек и рекомендовал меня в «Национал-социалистский союз немецких женщин». Что касается моей профессии, то тут уж подталкивать меня не приходилось: хирургию я считала делом своей жизни, работала много и напряженно, все больше квалифицируясь на операциях мозга. Об одной моей операции, закончившейся исцелением больного, которого считали безнадежным, написали в газетах... Замечу, что к тому времени я уже получила карточку члена СС.

И вот меня вызвали в крейслейтунг².

Я шла туда с тревожно бьющимся сердцем. Все произошло так неожиданно, что я даже не смогла предупредить товарищей из группы.

За столом сидел крейслейтер. Поодаль расположился

¹ Блоклейтер — кварталный руководитель нацистской партии.

² Крейслейтунг — управление крейслейтера, окружного руководителя гитлеровской партии.

человек в мундире генерала СС. Я узнала его — это был сам Ганс Брандт¹.

Крейслейтер проверил мои документы, задал несколько вопросов и вышел из кабинета. Тогда заговорил Брандт. В течение нескольких минут он расспрашивал меня. Но я видела — это формальность. Он уже многое знает обо мне и о моей работе.

Мне было сделано предложение стать сотрудницей Аненэрбе². Я и мои товарищи по подполью мало что знали об этой организации — о ней ходили слухи, один фантастичнее другого. Достоверно известно было лишь то, что деятельность ее глубоко засекречена и что опекается она самим Гиммлером.

Брандт сказал, что его предложение — большая честь. В Аненэрбе у меня будут самые широкие возможности для научной работы и экспериментирования. Он дал двое суток на обдумывание.

В тот же вечер я нашла возможность встретиться с руководителем своей группы. Выслушав меня, он не мог скрыть волнения. Да я и сама понимала, как важно, чтобы коммунисты Германии имели своего человека в Аненэрбе...

Следующие полтора года прошли как в тумане. Вместе с группой врачей я кочевала по концентрационным лагерям. Через наши руки проходили тысячи заключенных — мы отбирали нужный «человеческий материал». Это были самые различные люди — здоровые и такие, у которых обнаруживались различные опухоли, заболевания сердечно-сосудистой системы, печени, легких... Всех их транспортировали в специальные лаборатории и клиники, и там ими распоряжался шеф Аненэрбе доктор Вольфрам Зиверс.

Через год и семь месяцев я получила назначение в одну из таких клиник. Я своими глазами увидела, что

¹ Ганс Брандт — доктор медицины, бригадефюрер (генерал-майор) СС — гитлеровский генеральный комиссар по отравляющим веществам, проповедник фашистской программы «легкой смерти», в результате применения которой только в 1939—1940 годах в Германии было умерщвлено свыше 275 000 человек.

² Аненэрбе — институт по изучению наследственности. Так была зашифрована тайная фашистская организация, занимавшаяся преступными опытами над живыми людьми.

там творилось. Все то, что обычные экспериментаторы-физиологи совершают только с насекомыми, лягушками, кроликами, собаками, все это Зиверс и его коллеги продавливали над сотнями и сотнями живых людей: им ампутировали конечности и пытались вновь приживлять ноги и руки, вырезали кости, удаляли внутренние органы, на подопытных пробовали неведомые мне препараты, яды... Заметьте, это началось до войны. Фашисты всласть напрактиковались на соотечественниках, прежде чем получили в свое распоряжение военнопленных!

Здесь я и встретила с Абстом. Один из «кроликов», как в клинике называли подопытных людей, был умалишенный, живший в мире чудовищных галлюцинаций. Очень буйный, утративший всякий контакт с окружающей действительностью, он являл собой пример безнадежного параноика. И Абст вылечил его. Я ассистировала при операции и была потрясена искусством хирурга. Я с благоговением следила за тем, как, обессилев после сложнейшей двухчасовой работы, бледный, с трясущими руками, покидал Абст операционную.

Как сейчас, помню минуты, когда Абст, стоя рядом со мной, мыл руки.

«А вы понравились мне, — задумчиво проговорил он. — Я читал о вас. Вот и Зиверс доволен вами. Позвольте спросить, каковы ваши планы на будущее?»

У меня от волнения кровь прилила к щекам. Ведь я и думать не могла, что вечером этого же дня Абст проделает новый эксперимент над спасенным им человеком и уничтожит его! Об этом и о многом другом я узнала позже. Но в тот день Абст казался мне добрым волшебником. Он был так не похож на извергов, которые меня окружали. И я на минуту забыла, кто я, зачем послана в Аненэрбе, забыла, что выполняю важную работу и она дает результаты. Ведь, используя переданные мною данные, подпольная группа уже провела первую акцию — организовала побег группы обреченных людей из клиники Зиверса близ Веймара.

Да, в те минуты я обо всем этом забыла. Я была почти влюблена в Абста. И, когда он предложил мне работать с ним, я согласилась.

Так я оказалась в лаборатории «I-W-I».

С этого времени мои связи с подпольем оборвались.

Я была изолирована от внешнего мира. Лишь изредка, когда лаборатория еще находилась близ Берлина, меня отпускали за покупками. Всякий раз в сопровождении Глюка. Я знала, что он из группы немцев, которые живут на противоположном конце острова и обучаются действиям под водой. Все это были молодые, здоровые люди, отличные пловцы, увлеченные новой профессией, казавшейся им такой романтической.

Итак, мы с Глюком несколько раз ездили в город. У меня было приготовлено письмо к товарищам, но отправить его не удавалось. Глюк не спускал с меня глаз, разрешая заходить только в магазины. Я делала покупки, а он стоял у дверей и ждал. Потом мы садились в поджидавший нас автомобиль и возвращались к озеру.

А в лаборатории дела шли своим чередом. Абст экспериментировал с людьми. И это были не умалишенные, нет! На операционный стол одного за другим укладывали здоровых мужчин. Происходило то же, что и в клиниках Аненэрбе. Разница заключалась в том, что объектом экспериментатора была центральная нервная система человека, его мозг. Абст что-то настойчиво искал, вторгаясь своими инструментами в черепные коробки подопытных. Что именно, я узнала после случая с пловцами...

Последний раз меня отпустили с острова, когда уже шла война. Германия напала на Польшу. Незадолго до этого фашисты расправились с Чехословакией. Замыслы Гитлера осуществлялись, и толпы обывателей, заполнившие в тот день улицы Берлина, ликовали — они готовились как следует нажиться на горе других народов.

У Глюка, который шагал рядом со мной, физиономия светилась счастьем. Я же кусала губы, чтобы не расплакаться.

Мы вошли в большой универсальный магазин. Глюк остался внизу — он хотел выпить кружку пива, а я поднялась в торговый зал.

Меня лишили связи с товарищами. Я одна в окружении врагов, они добиваются успехов, остановить их никто не может. Как бороться с ними, да и вообще — возможна ли борьба, есть ли в этом хоть капля смысла? Не лучше ли прекратить сопротивление и отдаться течению?

Таковы были мысли, с которыми я бесцельно бродила

по магазину, переходя от витрины к витрине. И вот на одном из стендов я увидела портативную кинокамеру. Я замерла, не сводя с нее глаз.

Я купила ее вместе с запасом пленки, приобрела ворох других вещей, в большинстве совершенно ненужных: в массе покупок легче было пронести кинокамеру на остров.

Я обзавелась кинокамерой, так как все же надеялась восстановить связь с товарищами. Каким убийственным обвинением против фашизма были бы кинодокументы о деятельности «лаборатории» Абста!..

Но я возвращаюсь к случаю с пловцами. Зимой 1941 года трое из них совершили побег с острова. На поиски подняли всю охрану. Беглецов настигли. Один был убит в перестрелке, двоих схватили и доставили к Абсту.

Почему они бежали, мне неизвестно и по сей день. Быть может, на них повлияло жестокое поражение, которое понесли германские войска в битве на подступах к русской столице? Кто знает!

Я была убеждена, что Абст уничтожит их. Но обоих беглецов изолировали от остальных пловцов, и все. Абст даже не допросил их. В эти дни он, к несчастью, достиг цели, к которой давно стремился, и безвыходно находился в лаборатории, заканчивая серию последних экспериментов.

Через неделю пловцы были подвергнуты операции — сперва два дезертира, затем вся группа, исключая Глюка и Вальтера. Семеро погибли под ножом Абста. Остальные превратились в безвольные, покорные существа. Теперь Абст мог не опасаться, что они сбегут или проболтаются.

Повторяю, вся эта группа состояла из немцев. Но немцы были лишь первыми жертвами. С началом войны основная масса подопытных стала поступать из лагерей военнопленных. Отбирались водолазы и спортивные пловцы.

Время от времени обученных пловцов группами в два — четыре человека увозили с острова. Куда, я не знаю. Но назад никто не вернулся. Взамен прибывало «пополнение». Здоровые, полные сил молодые люди проходили краткий курс подготовки под руководством

Глюка и Вальтера и — ложились на стол в операционной Абста.

А минувшей весной всех нас привезли сюда...

Ришер умолкает, тяжело переводит дыхание.

Карцов пытается улыбнуться ей. Улыбки не получалось.

— Спасибо, Марта! Я задам несколько вопросов. Абст полностью доверяет Глюку и Вальтеру. Почему?

— Глюк — лучший пловец, отличный водолаз.

— И это все?

— Он убийца. Пятнадцать лет каторги...

— Что же он сделал?

— Топил людей. Это было нашумевшее дело. Фотографии преступника обошли все газеты. И я, как только увидела Глюка на острове, сразу его узнала, хотя он отрастил бороду. Он топил купальщиков, когда работал водолазом спасательной станции.

— Зачем?

— Потом он «разыскивал» трупы погибших и получал вознаграждение.

— И Абст вытащил его из тюрьмы? Глюк знает, что может туда вернуться?

— Да.

— А Вальтер?

— Такой же негодяй. Правда, в тюрьме он не сидел. Но Абст знает о нем что-то такое... Словом, он держит в руках и Вальтера.

— Вы говорили, что потеряли связь с подпольной группой. Однако в письмах домой можно было назвать нужное имя, сделать осторожный намек... Вы не использовали такую возможность?

— Я была связана только с руководителем группы. Дома о нем не знали. Да и вообще я не могла упомянуть его имя в письме: Абст тщательно проверяет всю корреспонденцию. Я пыталась уехать отсюда хоть ненадолго. Не удалось...

— Теперь о пловцах... — Карцов как бы продолжает прерванную мысль. — А вдруг этим несчастным можно вернуть память, волю? Сначала я искал возможность уничтожить грот вместе с его обитателями. Сейчас пони-

маю: обязательно следует допросить Абста. Как ваше мнение?

— Вряд ли Абст что-нибудь скажет. Но речь идет о двадцати трех жизнях, и попытка должна быть сделана.

— Именно так. И надо спешить! Мне устраивают все новые провокации и ловушки — Глюк и Вальтер где попало бросают свои пистолеты: бери, действуй! Однажды я изловчился и проверил патроны парабеллума Глюка, «забытого» на площадке. Они были холостые! Абст и его помощники то и дело заходят в пещеру пловцов, чтобы посмотреть, чем я там занимаюсь. Один из них обязательно торчит в дверях, когда я кормлю группу или укладываю ее спать. Даже ночью я слышу, как кто-то подкрадывается к двери и долго стоит там, прислушиваясь...

Карцов сидит с опущенной головой, положив руки на колени, сосредоточенный, мрачный. Теперь он должен сказать Марте нечто, касающееся только их одних, сказать немедленно, так как неизвестно, будет ли для этого другая возможность.

Марта! Он видел в ней врага, которого следует уничтожить вместе с другими фашистами из подземелья. А сейчас его пробирает дрожь при одной только мысли, что с девушкой может случиться неладное.

Чувство пришло как-то неожиданно, сразу, захватило его целиком. Он никогда не расстанется с Мартой. Только бы удалось обезвредить Абста и спасти искалеченных им людей! Кончится война, он увезет Марту к себе, окружит ее лаской, теплом. Они вместе будут работать, вместе плавать в океане, опускаться в его глубины.

Пауза затягивается.

Карцов поднимается с табурета. С минуту стоит перед Мартой, улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Что с вами? — спрашивает она.

— Так... — Он берет ее руки, чуть пожимает их, бережно опускает на одеяло.

Потом он уходит.

Девятая глава

События развиваются столь стремительно, что их трудно осмыслить. Два часа назад Абст вызвал Карцова и приказал тщательно исследовать пловцов, а затем предоставить им отдых. Все дела отменяются, ибо скоро предстоит важная работа.

Карцов вернулся к себе, а вскоре поступило новое распоряжение: с утра заняться сортировкой вещей на складе и стеллажах. Для каждого пловца отобрать два комплекта водолазного белья, фески, чулки, перчатки, резиновые костюмы, ласты. Все это запаковать в резиновые мешки. Работу закончить к середине дня.

Выходит, имущество будут отправлять? А как же люди? Они тоже уедут? Куда? А вдруг вообще решено ликвидировать это логово? Быть может, фашисты уже на грани военной катастрофы и спешат уничтожить следы своих преступлений? Не потому ли так озабочен и мрачен Абст? Однако если он решил убрать пловцов, то, конечно, сперва расправится со свидетелями.

Обо всем этом Карцов размышляет, лежа в койке. Вот он поднимает голову, прислушивается. Вскочив на ноги, спешит к двери.

Это — Марта.

— Сюда идут три подводные лодки, — шепчет она.

— Зачем?

— Чтобы забрать всех и увезти. Операция «Доллар».

Они хотят...

— Марта, спокойнее!

— А вас он убьет! Он уже решил...

— Это не новость. Но успокойтесь. Возьмите себя в руки. Говорите по порядку.

Марта рассказывает.

Как и было условлено, она явилась к Абсту и доложила о своем выздоровлении. Абст был обрадован. Во всяком случае, ей так показалось. Беседа проходила в рабочем помещении Абста. Там был и «гость». Он отрекомендовался: доктор Кристиан Галлер. Сделав вид, будто кокетничает, Ришер лестно отозвалась о его внешности, спросила о возрасте. Усмехнувшись, Галлер ответил, что родился дважды: тридцать лет назад и — поза-

вчера. Вмешался Абст и пояснил: позавчера доктор избежал смертельной опасности, поэтому он вправе считать, что родился снова... Далее Кристиан Галлер заметил, что здесь ему нравится и он останется у Абста до тех пор, пока его не выгонят.

— Был разоблачен и бежал, — делает вывод Карцов. — Бежал с помощью Абста. К союзникам не вернется.

Ришер продолжает. Внезапно Глюк доложил по переговорному устройству, что в перископ увидел каких-то зверей. Он так и сказал: «Два зверя на осте, дистанция десять кабельтовых, ведут себя спокойно».

Вероятно, Абст ждал этого сообщения. Он переглянулся с Галлером, встал. Ришер было приказано отправиться в радиорубку и сменить Вальтера.

— Зачем он понадобился Абсту?

— Вальтер должен был идти к лагуне. Судя по тому, что я услышала, в лагуне произойдет нечто важное.

— Что именно?

— Не поняла. Но Абст собирался выплыть из грота. — Ришер раскрывает ладонь. В ней сложенный в несколько раз листок. — Прочтите. Придя в радиорубку, я вскоре приняла сообщение. Сняла копию...

Карцов читает расшифрованную телеграмму. Она немногословна:

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛЛАР». НА РАССВЕТЕ ТРИДЦАТОГО ТРИ ЛОДКИ ЛЯГУТ НА ГРУНТ В ПОЛУМИЛЕ К ЗЮЙДУ. ВОЗЬМУ НА БОРТ ВСЕХ ПЛОВЦОВ. ТОРПЕДЫ ИМЕЮ. ТТ КАН.

— Операция «Доллар»?

— Я не знаю, что это такое. Но завтра тридцатое сентября...

— Абсту телеграмма известна?

— Ее отнес Вальтер. Он вошел в рубку, когда я заканчивала дешифровку.

— ТТ — инициалы Кана?

— Кана зовут Фридрих. ТТ — условный знак. Я замечала: если в сообщении стоит этот знак, следующую связь Абст проводит сам.

— Когда она?

— В двадцать один час.

— Можно сделать так, чтобы в рубке были вы?

— Нет. Разве что Абст задержится...

Карцов встает:

— Марта, вам не вернули пистолет?

Она качает головой.

— Понятно... Уходите, Марта. Нельзя, чтобы нас видели вместе.

Он провожает ее до двери.

— Постарайтесь отдохнуть, набраться сил. Возможно, все произойдет уже этой ночью. Что бы ни случилось, в одиннадцать будьте в своей комнате. Я постучу... Мужайтесь, Марта!

Она уходит.

Карцов глядит ей вслед.

У нее волосы цвета платины, а глаза темно-синие, почти черные. Больная, беспомощная, но сколько в ней мужества, внутренней силы!..

Ему чудится. Солнечный день в родном городе. Широкая улица спускается к порту. Впереди — море, оно стоит зеленой стеной, и белые корабли кажутся повисшими над крышами зданий.

Он бережно ведет ее, одетую в легкое светлое платье. У нее охапка цветов в руках. У нее всегда будет много цветов.

И нет никакой войны.

И каждый, кто встречается им на пути, знает о подвиге Марты, улыбается ей, спешит снять шляпу.

Площадка возле лагуны. Темнота. Тишина.

Карцов осторожно пробирается к стеллажам в дальнем углу площадки, где высится штабель ящиков, и принимается за работу. Несколько ящиков сдвинуто, на них наброшен брезент. Карцов устраивает себе убежище.

Он берет со стеллажа водолазные часы, заползает под брезент и ложится поудобнее, готовясь к длительному ожиданию. Между ящиками широкие щели, в которые будут видны и площадка и лагуна, когда зажгут прожекторы.

Сколько времени он пролежит здесь? Вероятно, полчаса или час: во что бы то ни стало надо выяснить, зачем и куда уплыл Абст. Быть может, лодки уже пришли?

Иначе, как понять слова Глюка о появлении «зверей»? Или «звери» — это корабли союзников, против которых Абст намеревается совершить диверсию?..

Карцов лежит на животе, положив голову на руки. Время от времени он приподнимается на локтях, глядит в щель. В гроте темно.

Минуты текут, и все тревожнее на сердце. Нарастает ощущение надвигающейся опасности. Он должен был что-то сделать и забыть... Но что именно?

Томительно ожидание.

На светящемся циферблате часов половина восьмого. По распорядку у пловцов скоро ужин...

Карцов вздрагивает. Он забыл о пловцах!

Еще полчаса назад следовало разбудить их, подвергнуть проверке, выдать каждому препарат. И он забыл это сделать.

Надо спешить, пока есть время. Страшно подумать, что произойдет, если он опоздает.

Встав на колени, он пятится между ящиками.

Поздно!

В гроте зажегся свет.

Из туннеля выходят Кристиан Галлер, Вальтер, Глюк. И с ними кто-то еще. Приглядевшись, Карцов узнает итальянского офицера.

Все четверо — у края площадки, возле трапа. Глядят в воду. Позы их — ожидание. Чего они ждут? Или кого? Конечно, Абста.

Зеркало лагуны темновато, будто подернуто пленкой. Но вот Вальтер возвращается ко входу в туннель, переводит рубильник. Вспыхивают еще два прожектора.

— Пора бы ему и появиться, — говорит Глюк.

— Этакую коровку не просто загнать в хлев! — ухмыляется Вальтер, успевший присоединиться к коллегам. — Она еще и зубки покажет.

— Бр-р! — Глюк зябко передергивает плечами.

В разговор вступает Галлер. В огромной, наглухо закупоренной полости голоса звучат гулко, эхо подхватывает их, усиливает, и подземелье гудит подобно гигантскому колоколу.

Внимание людей сосредоточено на воде.

— Смотрите! — кричит Вальтер.

Все отбегают от трапа.

И тут же зеркало лагуны раскалывается, будто высаженное тараном. Из воды торчком встает тупое черное тело. Это живое существо. Карцов видит сверкающий глаз, ноздрю, из которой бьет струйка пара. Вот раскрылась пасть зверя — грот наполнился бульканьем, храпом. Еще секунда, и чудовище на поверхности. Карцов видит его почти целиком — от квадратного рыла до горизонтальных лопастей сильного хвоста.

Сомнений нет — в гроте всплыл кашалот.

Трах!

Кашалот плашмя бьет хвостом по воде, ныряет. Точнее, он пытается уйти под воду. Но неведомая сила выталкивает его наверх. Исполин колотит хвостом, вздымая вокруг горы пены, мечется из стороны в сторону в тщетных попытках погрузиться.

Так продолжается около минуты. Лагуна напоминает корыто с мыльной водой. В воздухе карусель белесых хлопьев и брызг, искрящихся в лучах прожекторов, — будто зажжен фантастический фейерверк. И в этом хаосе из света и звуков дергается, бьется черный зверь покрупней паровоза.

Как ни ошеломлен Карцов, но подсознательно, уголом глаза он наблюдает и за людьми на площадке. Они сбились в кучу, с волнением следят за происходящим. Кристиан Галлер держит за руку итальянца и что-то кричит ему.

Между тем кашалот круто сворачивает и мчится к гряде утесов в дальнем конце лагуны.

Скалы все ближе, а зверь прибавляет скорости. Вот он возле камней. Он должен свернуть, если не... Бум! Кашалот со всего разгона бьет рылом в утес, плоско выступающий из воды. Он оглушен, ранен; пятна и полосы на воде — это кровь. Из разинутой пасти вырывается храп. А кашалот все жмет к камням, будто стремится уйти от преследования.

Кто же гонит его на скалы?

Сейчас, когда зверь мечется где-то у скал, волнение в центре лагуны стихает, и Карцов видит человека.

Пловец только что вынырнул и, влекомый буксировщиком, медленно продвигается к кашалоту.

Абст?

Да, Абст! Сегодня у него особенный буксиров-

щик — длиннее и толще тех, которыми пользовались пловцы. В кормовой части устройство, напоминающее воронку, раструб которой обращен назад. Своеобразный колпак из прозрачного материала, им прикрыты голова и плечи пловца. Вода обтекает колпак, и человек защищен. Значит, буксировщик рассчитан для движения на повышенных скоростях.

К телу буксировщика прикреплен короткий серебристый цилиндр. На торце цилиндра, тоже скрытом под колпаком, маховички, индикаторы. В центре торца светящийся квадрат, напоминающий экран локатора.

Заметив людей, Абст поднимает руку. Со скалы ему кричат, аплодируют.

Абст поворачивает маховичок. Свет на панели гаснет. Кашалот перестает вздрагивать, будто был связан с буксировщиком, а теперь, когда прибор выключен, связь эта оборвалась. Отодвинувшись от скалы, он неуклюже ворочается на мелководье.

Между тем Абст подводит буксировщик к трапу.

— Видели все сначала? — доносится до Карцова его голос.

Галлер и Глюк смотрят на итальянца, к которому, очевидно, обращен вопрос. Тот молчит.

— Я знаю, вы умный человек, лейтенант Пелла. И я хочу, чтобы этот спектакль был оценен по достоинству. Тогда, объединив наши усилия, мы смогли бы...

Абсту не удастся закончить.

— Шеф! — тревожно кричит рыжебородый. — Берегитесь, шеф!

Предупреждение сделано вовремя. Кашалот выбрался на глубокое место и плывет назад. Заметив людей, он устремляется в атаку.

Карцов ждет, что Абст поспешит выбраться из воды. Однако происходит иное.

Кашалот так и летит по волнам. Кажется, нет силы, способной противостоять его ярости. А навстречу движется буксировщик. Они быстро сближаются.

Но вот на торце цилиндра вспыхнул голубоватый свет. В тот же миг животное уходит под воду. Оно будто споткнулось.

Почти одновременно ныряет и Абст.

Неизвестно, что происходит в глубине. Однако через

полминуты, когда морской исполин вновь на поверхности, он мчится назад. Абст преследует его — свет на приборной доске буксировщика ярок, пульсирует.

Кашалот возле камней. Колотя хвостом, он несется на торчащую глыбу. Левее скал меньше и расположены они вразброс, там много воды, можно маневрировать. Ударив хвостом, животное устремляется влево. Тотчас Абст направляет туда свою «пушку». Кашалот послушно поворачивает в противоположную сторону.

И вот — удар! Зверь бьет мордой в каменное острие.

Удар такой силы, что кажется, дрогнуло подземелье.

Дергая хвостом, кашалот валится на бок, выставляет из-под воды толстый белесый живот.

Буксировщик притормаживает метрах в сорока от него. Хобот цилиндра все так же направлен на кашалота. Абст водит им из стороны в сторону, как бы облучая тушу зверя.

На приборной доске свет такой яркости, что кажется, вспыхивают молнии. Свет мигает, и в такт ему волны дрожи проходят по телу кашалота.

Похоже, что Абст добивает его. Но что за прибор установлен на буксировщике? Излучатель? Вероятно, да. Излучатель неведомой энергии.

Абст сворачивает, заплывает сбоку. Будто хочет отогнать кашалота от скал. И действительно, вздрагивая всем телом, животное плывет к противоположному концу лагуны. Его хвост едва шевелится, из глубоких ран в голове хлещет кровь.

Собрав последние силы, кашалот ныряет.

За ним погружается Абст.

Десятая глава

Уже несколько минут, как опустела лагуна. Волны стали меньше. Они вяло накатывают на камни, отступают, движутся к середине озера и затихают там.

А люди неподвижно стоят на площадке.

— Дело сделано, — говорит Глюк итальянскому офицеру. — Сейчас шеф выгонит зверя на чистую воду и вернется. Весело, а? Не будьте дурнем, переходите к нам — тоже вдоволь натешитесь!

Итальянец молчит.

Вальтер идет к крану, подкатывает его к лагуне. Вот он вытянул шею, наклонился, напряженно всматривается в воду.

— Глюк, иди-ка сюда! — кричит он.

Рыжебородый подходит.

— Вон, возле трапа, видишь?.. Да вот же, вот! — Вальтер прыгивает с сиденья крана, присаживается на корточки у края скалы, показывает рукой. — Ну, видишь?

— Мать божья! — бормочет Глюк. И вдруг кричит: — Он! Лопни мои глаза, если это не он!

Глюк поспешно спускается по трапу.

— Дьявол! — слышит Карцов его голос. — Никак не дотянусь. Поддай мне шест!

— Ногой, — советует Вальтер, — ногой подцепи.

Карцов прижимает лицо к щели между ящиками. Что там они нашли в воде? Впрочем, какая разница? Сейчас главное — выскользнуть отсюда, пробраться к пловцам, накормить их... Но как это сделать? Стоит покинуть убежище, и его тотчас заметят.

Между тем Глюк показался на трапе. Вот он ступил на площадку, торжествующе поднял руку. В руке у него... респиратор!

— Всплыл, — кричит он, — вернулся к хозяину!

Он любовно поглаживает дыхательный аппарат, стряхивает с него воду.

— Гляди-ка! — удивляется Вальтер. — Тот самый?

— Он, Вальтер! — Глюк тычет пальцем в кислородный баллон. — Видишь пятно? Я сам подкрашивал неделю назад.

— В чем дело? — спрашивает Галлер.

Рыжебородый, хмыкнув, подмигивает Вальтеру.

— Пустяки, — улыбается он. — Потеряли аппарат. А теперь, видите, отыскали.

Да, это респиратор, похищенный Карцовым. Подводный тайник был надежен, пока в лагуне не поднялась дикая толчея. Волны выбросили дыхательный аппарат из расщелины. Свинцовый пояс, отцепившись, ушел на дно. Респиратор же всплыл — для этого было достаточно, чтобы в шланге или резиновом мешке осталось немножко воздуха. Следовало тщательнее прикрепить груз.

Карцов морщится. Как осложнилось положение!

— Внимание! — кричит Галлер. — Внимание, Глюк!

Абст появился из-под воды. Он подплывает, тормозит возле площадки, влезает по трапу.

Ему помогают раздеться, поздравляют. Все кричат, перебивая друг друга.

Поодаль молча стоит итальянец.

— Ну вот, спектакль окончен, — с удовлетворением говорит Абст, присаживаясь на камень. — Требуется заключение специалиста. Вам понравилось, лейтенант Пелла?

— Мне было жаль животное. — Итальянец медлит. — Я хочу уйти отсюда.

— Как угодно! — Абст раздосадован. — Я полагал, что у нас состоится разговор. Сегодня еще есть время. Завтра будет поздно. Поздно для вас, лейтенант!

— Нам не о чем говорить.

— Напротив, разговор предстоит важный... Минуту! — Абст обращается к помощнику: — Глюк, откуда этот респиратор?

Пловец виновато объясняет.

— Уверены, что тот самый?

— Да, вот она, отметина. — Глюк поднимает прибор. — Взгляните на горловину баллона, шеф. Краска пооблупилась, я и подмазал. Видите: баллон серый, а подкрашено голубым. Я сам красил, шеф.

— Дайте сюда!

Глюк подает респиратор. Абст осматривает его, пытается отвернуть вентиль баллона.

— Сколько раз говорил, не завинчивайте намертво! Ну-ка, отверните!

— Это не я, шеф...

Абст оборачивается к другому помощнику.

Вальтер качает головой:

— И я ни при чем. Глюк только успел выловить его из воды, как появились вы. Ну, все мы кинулись к трапу... Вентиль был завернут, шеф.

Абст взбешен.

— А клапанная коробка? — кричит он. — Глядите, краник перекрыт! Кто это сделал?

На площадке молчание.

— Кто это сделал? — Теперь Абст говорит тихо, цедя

слова. — Выходит, сам водолаз? Спустился под воду и там намертво перекрыл вентиль баллона и кран в клапанной коробке? Зачем? Чтобы тут же, задыхаясь, сбросить с себя аппарат, грузы и пулей лететь к поверхности?.. Хотите уверить меня, что так оно и было?

Карцов слышит каждое слово, видит злобную физиономию Абста — тот уже обо всем догадался, видит страх и растерянность на лицах его помощников.

— Я могу рассказать, как все произошло, — продолжает Абст. — Знайте же, респиратор был спрятан на глубине, спрятан, а не панически брошен в минуту опасности. Сперва его аккуратно изолировали от воды, а уж потом затолкали в какую-нибудь щель в скале.

— Для чего, шеф? — шепчет радист.

— Для чего, для чего! — Абст злобно шурится. — Этот тип прикидывался несмышлеником. А под водой он работает не хуже нас с вами! Вот он и запрятал респиратор, чтобы нырнуть за ним, когда придет время... Где он, этот Рейнхельт, или как его там по-настоящему?

— Погодите, Абст, — задумчиво говорит Галлер. — Вот уже несколько раз слышу я это имя... Кто он, где вы его раздобыли?

Абст коротко объясняет.

— Рейнхельт, — бормочет агент, — Ханс Рейнхельт, врач... Выловлен месяца два назад, говорите вы? — И вдруг кричит: — Татуировка на руке — «Ханс»?!

— Да, — отвечает Абст. — Да, и татуировка.

Галлер медленно опускается на камень.

— Сходится все, — ошеломленно бормочет он, — и татуировка и дата, когда он был «убит» часовым, а затем появился здесь. Это русский, русский!..

Пауза.

Первым приходит в себя Абст. Сунув руку в карман, он выхватывает связку ключей. Цела! Несколько торопливых шагов, и он у сейфа в скале. Ключ вставлен в замочную скважину. Поворот ключа. Еще поворот. Сейф раскрывается. Одного взгляда достаточно, чтобы убедиться: здесь все в порядке.

Заперев сейф, Абст медленно возвращается.

— Глюк, унесите излучатель!

Пловцы направляются к крану, чтобы поднять буксировщик.

В эти секунды Карцов замечает у выходного отверстия туннеля Марту.

Видит ее и Абст.

— Ришер! — восклицает он. — Что вы здесь делаете?

Кран рокошет, поднимая из воды буксировщик.

Марта выходит на площадку:

— Я не расслышала, шеф...

— Вы давно вошли?

— Только сейчас... Что-то случилось с передатчиком. Я выключила его и поспешила сюда.

— Глюк, Вальтер, быстрее! — командует Абст. — Закончив, идите в радиорубку. Немедленно исправить станцию!

Немцы, уже снявшие с буксировщика излучатель, уносят его в туннель.

— Мне идти с ними? — спрашивает Марта.

— Отправляйтесь к себе. Кстати, где наш врач?

— Не знаю, шеф. — Марта с готовностью предлагает: — Я разыщу его и пошлю к вам.

— Слышала, — шепчет Карцов, — слышала все. Хочет предупредить меня!..

— Идите к себе, — повторяет Абст. — Запритесь и отдохайте. Я сам найду его, когда освобожусь.

— Да, шеф.

Марта уходит.

— Советую уйти и вам, — обращается Абст к Галлеру. — Не надо, чтобы он видел вас.

Галлер тоже покидает площадку.

Проводив его взглядом, Абст оборачивается к итальянцу:

— Ну вот, мы с вами одни. Сегодня вы видели немало интересного, не так ли?

— Я хотел бы уйти отсюда, — говорит Пелла.

— Прежде мы побеседуем.

— Что ж, побеседуем. — Итальянец садится. — Этого человека убьют?

— Он был обречен уже в ту минуту, когда оказался у нас. Но какое-то время я испытывал нужду в его знаниях. Сейчас нужда миновала.

— Напрашивается аналогия, синьор.

— Нет никакой аналогии! По крови, по складу ума и образу жизни мы — братья, лейтенант Пелла. А тот —

русский! Он коммунист. Значит, мой личный враг и ваш враг, враг всех немцев и всех итальянцев. Вы понимаете меня?

— Допустим. Что же дальше?

— А дальше то, что мы с вами союзники, как бы ни изменились отношения между нашими странами... Италия проиграла войну. К сожалению, положение осложняется и для Германии. Сейчас, когда русские выходят к границам рейха, многие считают, что Германию может постигнуть участь вашей страны. Однако нация делает все, чтобы предотвратить катастрофу. И я верю: ничто еще не потеряно. На заводах рейха куется новое страшное оружие. Горе тому, на кого оно обрушится.

— Что вы имеете в виду?

— Многие... Завтра, например, сюда придут подводные лодки. Они готовятся к ответственной операции: лодки отправятся бомбить Америку!

— Какая чепуха!

— В священном писании сказано: «Не судите опрометчиво».

— Вы верите, что этот замысел возможен?

— Как говорят юристы: прецедент был.

— Мне неизвестны такие прецеденты. Правда, Бенито Муссолини мечтал совершить нечто подобное. Но, к счастью, это осталось на бумаге...

— Я имею в виду другое. Нужны факты? Извольте. Февраль 1942 года. Тихий зимний день на побережье США, близ Лос-Анжелоса. За пять минут до захода солнца из-под воды появляется силуэт боевой рубки подлодки. Это японская И-17. Отдраивается рубочный люк. К орудию бегут матросы. Один за другим гремят десять выстрелов. На берегу взрывы, пожары, паника... И это не единственный факт. Самолеты, взлетающие с японских лодок, уничтожали военные объекты в Ванкувере, а в штате Орегон подожгли леса: грандиозный пожар бушевал несколько дней. Далее, лодка И-25 обстреляла крупную базу американского флота... Конечно, это были булавочные уколы, но и они доказали врагу, что океан — защита не столь уж надежная.

— Вы тоже намереваетесь поджечь где-то лес и разрушить несколько зданий?

— Сейчас все задумано серьезней. Германские лодки

выпустят по городам Америки самолеты-снаряды большой разрушительной силы. Корабли в портах будут атакованы людьми на торпедах. Первый объект — Нью-Йорк с его небоскребами и гигантским портом. Бомбы и небоскребы!.. Правда, занятно?

— Конечно, я понимаю, чего вы хотите этим добиться. День ото дня дела немцев идут все хуже. Вас бьют и русские и американцы с англичанами. И удары усиливаются. Как быть дальше? Единственная возможность — расколоть лагерь противников, запугать одного из них, принудить заключить мир, и тогда все силы бросить против другого. На востоке этот ваш замысел обречен на провал. Поэтому свои взоры немцы обратили на запад. Чепуха! Я глубоко убежден: обстрел Америки, пусть с воздуха и из-под воды, пусть самый варварский, уже ничего не изменит в ходе войны. Слишком поздно, синьор.

— Как вам сказать... У президента Рузвельта всегда была сильная оппозиция. Немцы имеют за океаном много хороших друзей. Это могущественные люди. Им нужен повод... Они давно ждут повода, чтобы посадить в Белый дом другого человека, более покладистого. Надо помочь им. Тем более, что выборы президента не за горами. Словом, есть все основания для оптимизма. Кто знает, что произойдет, когда под ударами с воздуха станут рушиться нью-йоркские небоскребы, а в портах взрываться корабли с нефтью!..

— Немцы прольют кровь тысяч людей, в большинстве женщин и детей, но ничего не добьются. Вы отлично понимаете, что войной командуют не из Америки. Главное — русские, а тут, я уверен, вы бессильны... Но перейдем к делу. Я устал и хочу спать. Что вам еще угодно от меня?

— Впервые я увидел, как вы работаете под водой лет пять назад. Ваше искусство взволновало меня. Но тогда это была зависть дилетанта. Сейчас я испытываю интерес профессионала. Мне известно, что вы скрывали свой секрет даже от соотечественников. Не в этом ли причина того, что с вами обошлись столь круто?.. В день вашего прибытия и сегодня я показал, что тоже кое-чего добился. Мне кажется, я имею право сказать: давайте объединимся!.. Вы молчите? Что ж, я понимаю — деловой человек не расстанется с тем, что дорого стоит, не

получив солидных гарантий. Такие гарантии будут. Я уполномочен предложить вам чин капитан-лейтенанта военно-морского флота Германии, должность моего заместителя и сто тысяч марок в любой валюте и в любом банке мира.

— А что потребуется от меня?

— Нам нужен отряд пловцов, способных погружаться на глубины сто — сто двадцать метров... Ну, согласны? Могу добавить: приказ о вашем назначении подпишет сам фюрер.

— Что вы сделали с моими товарищами?

— Для вас это нежелательные свидетели. Я отправил их в лагерь военнопленных.

— Ложь, — кричит Пелла. — Они убиты!

И, вскочив с камня, бросается на Абста.

Абст, как всегда, наготове. Точным ударом он валит итальянца на землю, приподнимает, снова бьет, пинает ногами.

— Я заставлю тебя подчиниться, — твердит он в ярости, — заставлю, заставлю!..

Какую-то секунду Карцов в нерешительности. В следующий миг, расшвыряв ящики, он устремляется вперед, сбивает с ног Абста и, навалившись на него, выкручивает руку, которой тот тянется к пистолету.

Подоспевший Пелла стискивает противнику горло. Еще минута — и Абст связан. Его относят в глубь площадки, за стеллажи. Карцов роется в карманах пленника. Вот он выпрямился. В руках у него связка ключей.

— Русский! — Карцов тычет себя пальцем в грудь.

Итальянец стоит рядом, часто кивает. Он уже все понял.

У него разбит нос, повреждена бровь. Он тяжело дышит. Кровь и слезы, смешавшись, текут по его лицу, каплют с подбородка.

Одиннадцатая глава

Марта Ришер стоит, привалившись к стене, у одного из поворотов туннеля. Силы ее тают, но она не может заставить себя вернуться в комнату.

Включив радиостанцию, она и думать не могла, что

услышит такое!.. Правда, уже давно стала привычной мысль, что для подпольщицы, действующей в гнезде фашистов, финал только один — катастрофа, гибель. Но где-то в глубине сознания продолжала теплиться надежда: может, все обойдется.

Не обошлось!

В двадцать часов сорок пять минут она вошла в радиорубку. Ей повезло: Абст был занят возле лагуны, и она могла сама принять важные сообщения. Она включила станцию и, так как в запасе имелось время, настроилась на волну центрального вещания рейха. Это было строго запрещено, однако она не раз ухитрялась послушать, что делается в мире: когда дверь в радиорубку открыта и виден большой кусок коридора, всегда можно успеть выключить станцию или сбить настройку, если кто-нибудь появится в туннеле.

Передавалась обычная информация — что-то об экономике электричества и газа. И вдруг диктор, прервав передачу, объявил, что поступило сообщение чрезвычайной важности. В Берлине состоялся суд над руководителями коммунистической организации, которую долго выслеживала и наконец изловила служба безопасности рейха. Крупная подрывная группа была тщательно законспирирована, ее филиалы имелись во многих городах Германии. Однако СД и полиция безопасности оказались на высоте. Трудная операция по ликвидации банды опасных преступников прошла успешно: арестована вся верхушка организации во главе с руководителем — механиком одного из заводов АЭГ Паулем Прозе. Выловлен весь актив.

Голос диктора гремел, когда он рассказывал о работе подпольщиков: те вели пораженческую пропаганду, саботировали важнейшие решения фюрера, прятали дезертиров и беглецов из концлагерей.

Диктор сделал паузу и объявил: недавно предатели пытались переправить противнику информацию о важной военной новинке и о местонахождении некоторых заводов и лабораторий, где это оружие создавалось. Хвала господе, им это не удалось.

Заговорщики осуждены на смерть. Сегодня приговор приведен в исполнение. Что же касается отдельных членов преступной банды, еще не выловленных, то охота за

ними продолжается: СД и полиция безопасности знают, где их искать!..

Передача экстренного сообщения закончилась, радио смолкло. А Марта продолжала сидеть с наушниками на голове — неподвижная, бледная, ничего не видя, не слыша. Все рухнуло, все: организация разгромлена, товарищи уничтожены. Казнен Пауль Прозе — человек, научивший ее настоящей жизни, борьбе. Коммунист, чье слово было законом для десятков самоотверженных бойцов. Умный и строгий руководитель, а в редкие часы досуга — взрослый мальчишка, неистощимый на шутки и озорство.

«Фройлейн, — сказал Пауль, когда ей удалось утвердиться в Аненэрбе, — фройлейн, в тот день, когда окончится весь этот кошмар и обожаемого фюрера вздернут на виселицу, в этот день я появлюсь у вас с огромным букетом. И если окажется, что вы не выбрали еще парня по сердцу, берегитесь, фройлейн, ибо я начну невиданные атаки!»

Прозе шутил. Хотел подбодрить ее. А у самого столько тревоги было в глазах: ведь когда-то Марта спасла ему жизнь, теперь же он посылал ее в опасный поиск, может быть, на смерть.

И вот его нет...

Марта сидела у пульта, подавленная, опустошенная. Хронометр на передатчике методически отсчитывал время.

В девять часов она протянула руку к панели станции и настроилась на передатчик хозяев Абста. Тот ответил. Марта приняла и расшифровала радиogramму: завтра с рассветом, когда три подводные лодки лягут на грунт близ скалы, Абсту следует прибыть на флагманскую лодку, которую он отличит по знаку на ее правой скуле — два белых треугольника вершинами друг к другу. Между ними входное отверстие шлюзового устройства; через него Абст будет впущен в лодку. Сегодня с двадцати двух часов непрерывно слушать эфир, с полуночи вступить с подлодками в связь.

Закончив дешифровку, Марта встала. Надо было немедленно действовать и в первую очередь рассказать обо всем Рейнхельту.

Она направилась к двери, но здесь задержалась. Ко-

нечно, она не покажет Абсту радиogramму. Но Абст или его помощники могут ночью включить станцию...

Как быть?

Она достала отвертку и решительно вскрыла панель рации...

Потом она направилась на поиски Карцова. Его не оказалось в спальне пловцов. Вероятно, врач возле лагуны.

Она появилась на площадке, когда говорил Галлер.

У нее еще хватило выдержки разыграть испуг из-за поврежденной радиостанции: пока фашисты будут возиться с ремонтом, она успеет предупредить друга.

Получив приказ Абста идти к себе, Марта и не подумала подчиниться. Она снова и снова обошла подземелье. Поиски результата не дали.

И вот, прислонившись к стене, она стоит где-то в центре скального лабиринта, одинокая, беспомощная...

Надо двигаться, что-то делать!

Преодолевая все усиливающуюся боль в ногах, апатию, вялость, Марта бредет по туннелю. Временами она садится и ладонями растирает колени, ступни. После каждой такой остановки все труднее заставить себя подняться.

Незаметно она оказывается у входа в радиорубку. В воздухе дым, запах канифоли: Глюк возится возле вскрытой панели передатчика, орудуя паяльником. Вальтер вносит ящик с запасными деталями к рации.

— А, фройлейн! — Он осторожно опускает ящик. — Не видели Рейнхельта?

Глюк, прервав работу, оборачивается. Фашисты вопросительно глядят на Марту.

Вальтер хочет задать новый вопрос, но из коридора доносятся шаги — быстрые, удаляющиеся.

— Он! — кричит Вальтер.

Выхватив пистолеты, помощники Абста выбегают.

Вальтер и Глюк мчатся по туннелю. Далеко впереди смутно виден силуэт человека, которого они преследуют.

Два крутых поворота, один за другим. Здесь от туннеля отходит короткий аппендикс. Беглец сворачивает туда.

Глюк и Вальтер облегченно переводят дыхание: жертва загнана в тупик.

Войдя в ответвление туннеля, Рыжий включает фонарь.

— Матерь божья, — растерянно бормочет он, — а мы то думали!..

Впереди, прижавшись к камню, стоит один из пловцов. Вот он отделяется от скалы, идет навстречу.

— Эй, ты, стой! — командует Глюк.

Человек продолжает идти. Он будто и не слышал окрика.

— Глаза у него, Густав! — в страхе шепчет радист.

Пловец втягивает голову в плечи, пригибается. Вот-вот он ринется на тех, кто загоразживает выход.

Глюк поднимает пистолет. Грохот. Пронзительный крик.

Марта слышала и выстрел и крик.

Рванув дверь, она выбегает в туннель, но уже через два десятка шагов вынуждена опуститься на камень.

Она долго сидит на обломке скалы, закрыв глаза и сгиснув руками горло.

Снова в туннеле шорох и торопливые шаги.

Из полумрака появляется бегущий.

— Отто! — повелительно кричит Ришер, загородив дорогу. — Стоять, Отто!

Пловец останавливается. Его согнутые в локтях руки падают вдоль бедер. Запрокинув подбородок, он глядит поверх головы девушки.

Куда он бежал? Обрывки каких воспоминаний и образов, мелькнувшие в обезображенном мозгу человека, подняли его с нар?..

Пловец неподвижен. Только грудь его вздымается — судорожно, коротко, будто ему трудно дышать.

Марта кладет руки на голову безумца. Прохладные пальцы массируют лоб, виски, затылок.

— Спокойнее, — шепчет она, — спокойнее, Отто, возвращайся к себе и ложись спать.

Пловец поворачивается и бежит назад — той же неторопливой волчьей трусцой.

Марта долго глядит ему вслед, мучительно нащупывая ускользающую мысль.

Она потеряла родных. Они погибли от бомб; ее сподвижников и друзей казнили фашисты; а несколько минут назад уничтожен тот, кто стал для Марты дорогим, единственным... Он отыскал ее в этом аду, поднял на ноги, когда она уже думала, что погибнет, вдохнул в нее энергию, волю к жизни, к борьбе!

Так неужели же за все эти жизни не заплатят враги?

А пловцы — и они погибнут неотомщенные?

Если бы у нее был пистолет! Но она безоружна.

Да, решение может быть только одно.

То, что она замыслила, страшно. Однако у нее нет выбора.

Пещера пловцов.

Люди лежат на нарах. Иные сидят на земле, молчаливые, неподвижные.

Только что вошла Марта. За время болезни она отвыкла от них, и сейчас ей не по себе.

Увидев девушку, один из пловцов поднимается с нар. Другой поворачивает к ней голову.

— Хочу есть, — медленно говорит он и делает шаг ей навстречу. — Пора ужинать. — Он протяжно зевает. — Пора ужинать, пора ужинать...

Люди на нарах приходят в движение. Пещера начинает гудеть.

Марта встревожена.

— Ложитесь спать! — торопливо говорит она, отступая к двери. — Спать, всем спать, ложитесь на нары!..

Она знает каждого, его историю, особенности организма. Только один незнаком ей — широкоплечий южанин с курчавыми черными волосами, сидящий в дальнем конце нар.

— Спать, ложитесь спать, — повторяет Ришер, и голос ее дрожит, срывается.

Пловцы нехотя повинуются. Но она понимает: это ненадолго.

Стоя у двери, она в последний раз глядит на них. Она все бы отдала ради их спасения, все на свете!..

Марта долго стоит у выхода. У нее трясутся губы, и сердце стучит так, что боль отдается в висках.

А Карцов ищет Марту.

На пути к спальне пловцов он уже побывал в ее комнате, на камбузе, обследовал многие ответвления туннеля.

Где же она?

Его все больше охватывает тревога, предчувствие надвигающейся беды — Марта была на площадке и все знает; в отчаянии она может решиться на такое, чего уже не исправишь...

Ни на мгновение не забывает он и об итальянце, который остался один на один с Абстом. Правда, Абст связан, у него кляп во рту. Но все равно, как он опасен!

Они сохранили жизнь Абсту, вырвав у него обещание спасти пловцов. Он дал слово. Но — «слово» Абста!..

Главное сейчас — выдать пловцам препарат, разыскать Марту, с ее помощью обезвредить остальных обитателей подземелья.

Затем они вернутся на площадку, где ждет Пелла. Сейф отперт, наблюдая за Абстом, итальянец готовит подрывные заряды и респираторы. Кроме того, он должен вернуть взрыватель в одну из торпед — на всякий случай. Мало ли что может произойти...

Марта останется в гроте, а Карцов и Пелла, взяв заряды, отправятся на поиски фашистских подлодок. В этих делах Пелла большой специалист. Недаром за нимохотился Абст.

Таковы планы.

Только бы отыскать Марту и успеть к пловцам, только бы не опоздать!..

Поворот туннеля. Мостки, перекинутые через расщелину. Что это темнеет на ее противоположном краю? Какой-то предмет. Но Карцову не до него.

Скорее, скорее к пловцам!

Еще поворот. Вот она, дверь.

Едва дыша от волнения, он отодвигает заслонку глазка.

Нары пусты. Люди сгрудились в центре пещеры, покачиваются на согнутых ногах. Помещение наполнено гулом.

Отпрянув, Карцов мчится к хранилищу препарата. Это в боковом ответвлении туннеля, совсем рядом. Быть может, он еще успеет предотвратить беду.

Вот и хранилище. Но что это? Дверь распахнута! Стеллажи, которые еще вчера были заставлены серыми картонными ящиками с брикетами, сейчас пусты.

Он идет назад, тычась локтями о стены. Будто слепой. Мостки через расщелину. На самом ее краю лежат два брикета. Очевидно, их обронили, когда несли.

Карцов наклоняется над расщелиной. Из темноты пахнуло холодом. Сбросив туда брикет, он ждет. Несколькo секунд паузы, потом доносится едва слышный всплеск.

В боковине мостков торчит гвоздь, наполовину вылезший из доски. На нем длинная темная нитка. Он бы и не заметил ее, но воздух в туннеле движется и колеблет шерстинку.

Он долго не может поймать ее одеревенелыми пальцами. Наконец подносит к глазам.

Синяя шерстинка.

Память подсказывает: Марта, когда она появилась у лагуны, была в синей куртке.

Марта!.. Карцов так ясно видит ее. Маленькая, еще не окрепшая после болезни, бредет она по туннелю, сгибаясь под тяжестью серого ящика. Сбросив его в расщелину, она возвращается, чтобы поднять новый.

Ее шатает от слабости. Ей совсем плохо.

Она каждый шаг берет с боя.

Стеллажи пустеют. Ящик за ящиком исчезает в бездне. Наконец остался последний. Дотащив, Марта роняет его на скалу, падает на колени, сантиметр за сантиметром толкает тяжелый ящик к расщелине.

Края провала пологи. Здесь легко потерять равновесие. Но Марта не думает об опасности. Навалившись на ящик, она двигает его, двигает.

Скорее, каждую секунду ее могут настичь!

Последний рывок — и ящик летит в провал.

А за ним, обессилев, сползает туда и сама Марта, цепляясь за камни и не находя в них опоры...

Карцов заставляет себя встать, медленно идет через мостки.

А гул в спальне пловцов слышнее. Он похож на шум штормового моря.

Гул нарастает. Теперь слышны и удары. И вдруг оглушительный рев сотрясает туннель: будто звук, протаранив преграду, вырвался на свободу.

Наконец-то очнулся Карцов!

Но уже слышен топот десятков ног — те, что бегут, вот-вот вырвутся из-за поворота.

Метнувшись в сторону, он прячется за скалу.

Он стоит, прижавшись к камню, и его обдают волны воздуха, взбудораженного бегущими. Толпа проносится мимо, скрывается в закруглении туннеля. А затем оттуда доносятся выстрелы, вопли.

Дорога к лагуне еще свободна. Скользя вдоль стены, Карцов спешит к выходу.

С новой силой гремит подземелье: толпа возвращается.

Все решают секунды. И Карцов, уже не прячась, бежит по туннелю. Теперь недалеко. Он успеет. Только бы Пелла оказался на месте.

Вбежав на площадку, Карцов глазами ищет товарища.

— Я здесь! — Пелла у стеллажей. Орудуя ключом, он ввинчивает взрыватель в торпеду.

— В воду! — кричит Карцов.

Подхватив снаряжение, сложенное у грапа, они одновременно прыгают в лагуну.

Быстро надеты респираторы, пристегнуты грузы. Подрывные заряды, компасы, ножи — всё в порядке. И они погружаются.

А пловцы уже вырвались из туннеля. Толпа растекается по площадке, безумцы падают со скалы в воду. Но без дыхательных аппаратов пловцы беспомощны. Нырнув, они задирают головы и, окруженные роем светящихся пугырьков, устремляются к поверхности.

Вода удивительно красива. Она вобрала в себя все оттенки синего — от кобальта до ультрамарина; полна света, жизни, искрит; стаи рыбьей молодежи вертятся в ней и играют, и в каждой рыбке отражается солнечный луч.

Но все это — у поверхности штилевого моря. Ближе ко дну, до которого здесь метров двадцать пять, преобла-

дают покойные холодные тона. В серо-синем сумраке проплывают крупные рыбы. Они держат путь к торчащей из ила невысокой гряде, после которой дно круто уходит вниз. Рыбы переваливают через камни и растворяются в густой, клубящейся мгле. А из угрюмой бездны тянутся встречные странницы. Миновав гряду, они взмывают по вертикали, будто истосковавшись по свету и солнцу. И каждая, достигнув поверхности, рождает беззвучный взрыв — стрелками серебра во все стороны мчатся мальки, словно трещины брызжут по зеркалу...

У гряды появились люди. Крупный группер уставился на прищельцев выпуклым глазом, задвигал плавниками, опасливо отодвинулся в сторону. Из щели в скале выволокла свое змеиное тело мурена, проводила их взглядом, оскалила ядовитые зубы и вновь скользнула в нору.

А те продолжают путь. Их двое. Ноги в лапах извиваются, будто щупальца, руки вытянуты над головой. Еще недавно Пелла держал перед глазами компас, чтобы точно идти по курсу. Теперь нужды в нем нет — цель обнаружена. Подводная лодка, одна из трех, упоминавшихся в радиограмме, лежит на дне, полускрытая жгутами бурых водорослей, будто специально зарылась в них.

Карцов и Пелла прекращают движение — заряды, которые они буксировали, опускаются и повисают на линиях.

Движением руки Пелла подзывает товарища. Сблизившись головами, они парят в прозрачной воде. Пелла показывает на большие цилиндры — ими заставлена палуба лодки. Четыре цилиндра перед рубкой, по два в ряд. Столько же в кормовой части подводного корабля. Пелла жестами объясняет: в цилиндрах торпеды; подойдя к вражескому порту, лодка ложится на грунт и выпускает пловцов; те открывают крышки цилиндров, извлекают торпеды...

Карцов кивает — он все понял.

Снова скороговорка жестов. Итальянец просит, чтобы Карцов остался на месте и наблюдал — мало ли что может случиться. Он, Пелла, подвесит заряд, включит часовую механизм взрывателя. Это займет немного времени, и они начнут поиск новой цели.

Карцов согласен. Медленно опускаясь в водоросли, он следит за товарищем, продолжающим путь.

Тишина, покой.

Лодка будто мертва. Выключены даже машинки для очистки воздуха. Это понятно — субмарина на небольшой глубине, ее можно засечь приборами с проходящего корабля, а обнаружив — забросать бомбами.

Тишина, покой. Только пощелкивают клапаны в респираторе Карцова — клапан вдоха резче, клапан выдоха слабее.

Где же Пелла?

Карцов раздвигает водоросли и рывком устремляется вперед.

Он увидел: с поверхности моря на лодку пикирует человек. Незнакомый в респираторе. Вот он поднес руку к поясу, выхватил нож.

Карцов изо всех сил работает ластами. Его гонит страх за товарища, гонит ярость, бешенство, ибо в атакующем он узнал Артура Абста.

Они быстро сближаются.

Их пути пересекутся в метре от итальянца. Тот, ни о чем не подозревая, прикрепляет к лодке взрывчатку.

Враги вот-вот столкнутся. Абст уже возле Пеллы, занес руку с ножом. Карцов атакует его и отгоняет. Успел ли Абст ударить итальянца? Кажется, нет...

Пловцы кружат в толще воды, не рискуя сблизиться. Они знают: для победы нужен только один удар. Допустивший ошибку погибнет.

Постепенно Карцов оттесняет Абста от лодки. Надо выиграть время. Пелла закрепит мину, включит часовой механизм взрывателя и придет на помощь. Вдвоем они легко одолеют врага.

Карцов и Абст уплывают все дальше, постепенно поднимаясь к поверхности.

Пелла глядит им вслед. Смотреть все труднее — вокруг мутнеет, будто ил поднялся со дна. Но Пелла знает: это не ил, это кровь. Он лежит на носовом горизонтальном руле лодки. Если он шевелится, кровь из раны в бок течет сильнее. С кровью уходят силы. Их у Пеллы так мало, что вряд ли удастся закончить крепление подвешенного заряда.

Что же делать? Всплывать?

Это легко — стоит сбросить грузы на пояс, и его уже ничто не удержит под водой. Он понесется туда, где воздух и солнце, где друг, помощь которого так нужна! Но Пелла решил: он закрепит мину и приведет в действие механизм взрывателя.

Преодолевая боль, он переваливается на живот, пытается подтянуть лить с зарядом. Усилие утомило. Кружится голова, вот-вот он лишится сознания. И лить ускользает из пальцев.

Еще попытка, и вновь неудача.

Отдышавшись, Пелла оглядывается. Пустынна вся толща воды. Обитатели ее исчезли. Только мурена выплыла из-за скалы и, уткнувшись носом в песок, извивается толстым слизистым телом.

Сил все меньше. О лине Пелла уже не думает. Выход один: он запустит часовой механизм мины и всплывет, оставив ее у лодки. Он надеется, что в ближайшее время лодка не тронется с места.

Мины внизу, в песке. Пелла сползает с плоскости руля и планирует к ним. Вот он лег на грунт, берется за механизм взрывателя.

И вдруг сильный удар. Будь Пелла на поверхности моря, он бы увидел: разметав верхушку конической скалы, в небо вырвался столб огня, скала, качнувшись, рухнула в воду.

Пелла понял все. Ведь он сам ввинтил в торпеду взрыватель мгновенного действия. Взрыва одной торпеды было достаточно, чтобы детонировали другие, лежавшие рядом, на стеллажах.

Силой взрыва итальянца швыряет о борт лодки. Стекла шлема треснули. К лицу просачивается вода.

В лодке забегали, заговорили. Она дрогнула, и грунт под ней заскрипел.

Пелле плохо. Он задыхается. Шлем полон воды.

Он срывает шлем.

Смутно виден проплывающий мимо серый, в заклепках, борт субмарины.

Где же мина?

Руки шарят в песке. Нашупали, обхватили снаряд.

Мина прижата к груди. Пелла, как слепой, обежал ее пальцами.

Вот он, взрыватель!

— Ноль... — шепчет Пелла.

И рывком поворачивает лимб.

Лодку подбрасывает, кренит. С пробоиной в борту она опускается в кипящую муть.

Мчатся вверх клочья водорослей, пузыри воздуха и соляра, всплывает, кружась, раздавленная мурена.

А в стороне продолжается схватка Карцова с Абстом. Первый взрыв не причинил им вреда — удар был ослаблен расстоянием. Но вот взорвал свою мину Пелла. Карцова больно толкнуло в грудь, ударило по ушам. Воздушный мешок респиратора лопнул, в легкие ворвалась вода. Полузадохшийся, он сорвал шлем, сбросил пояс с грузами и вынырнул на поверхность.

Теперь каждый вдох рождал в груди сильную боль. Во рту ощущался вкус крови.

Где же Абст?

Карцов погружает голову в воду, напряженно всматривается в синий сумрак.

Там все затянуто дымкой. Но далеко в глубине, близ дна, с трудом различим силуэт человека.

Он погиб?..

Нет, шевелится. Значит, жив, и респиратор его исправлен.

А Карцов без дыхательного аппарата, потеряв нож, беззащитен.

Вот Абст задвигал ластами, чуть подвсплыл. Сейчас он точно под Карцовым. Запрокинул голову и смотрит на него.

Он может напасть в любую секунду, но медлит. Почему?

Он ждет, чтобы противник поднял голову — для вдоха. В это мгновение Абст и потянет его под воду.

Карцов должен атаковать. Атаковать наперекор логике, которая требует выманить врага из глубины, чтобы драться на равных. Абст не ждет нападения. Внезапность — единственное преимущество Карцова.

И он ныряет.

Да, Абст даже не увернулся — только успел выставить навстречу руку с ножом. Удар пришелся Карцову в бедро. В следующую секунду он рванул в сторону руку Абста. Нож из нее выпал. И тут же Абст получил сильный удар в горло.

Еще удары, еще!.. Спасаясь от них, Абст ногами оббивает противника, тянет на глубину.

Бешеная, беззвучная борьба в толще воды. Абст слабеет. Его ноги разжимаются, он сползает по телу Карцова.

Собрав все силы, Карцов наносит последний удар — сверху, двумя кулаками.

Надо добить врага, но Карцов задыхается. Оттолкнувшись от безжизненного тела противника, он мчится к поверхности.

Солнце. Спокойное море.

Карцов лежит на воде, жадно глотая воздух. При каждом вдохе боль вонзается в ребра, при выдохе на губах пузырится кровь. Видимо, сильно повреждены легкие.

Отдышавшись, он оглядывает горизонт. Вокруг только вода.

Рухнув, скала погребла пловцов.

Там же, на дне, под глыбами камня, покоится Марта.

Вот и итальянский моряк Джорджо Пелла, человек с мужественным сердцем, уже не поднимется из глубины...

Слезы душат Карцова.

В последний раз смотрит он туда, где глубоко под водой погребена Марта Ришер.

На севере, за горизонтом, база союзников.

Он поворачивает на юг.

Он снова один в океане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поздно вечером Карцова подобрал шведский электроход, шедший из Африки с грузом какао-бобов.

Операция «Доллар» не состоялась. Через год нацисты сделали новую попытку бомбить города Америки. Она тоже не удалась, как не удались их планы разрушить и поработить Англию, захватить Гибралтар, покорить Африку, Индию...

А весной 1945 года под ударами Советской Армии и войск союзников наконец-то рухнул гитлеровский третий рейх — невиданное в истории человечества кровавое государство безумных политических авантюристов.

Несколько слов о судьбе «ветерана войны и благородного сына нации». Казалось бы, с ним все ясно: Абст, неведь каким образом уцелевший после схватки с Карцовым, пережил многих своих коллег и умер сравнительно недавно. Свидетельство этому — некролог в «Курир».

Но раскройте седьмой номер журнала «Вокруг света» за 1958 год. Здесь, на странице девятой, рассказывается о...

Впрочем, вот она, эта заметка.

КИТЫ НА ПЛЯЖЕ

Недавно на один из участков побережья Флориды (США) была срочно вызвана спасательная команда, но на этот раз не для того, чтобы снимать с мели яхту или бросать пробковые круги незадачливым купальщикам. На песчаном пляже, оттеснив в сторону удивленных курортников, лежали... киты-гринды. Пятьдесят семь китов!

Спасатели немедленно приступили к операции. Задыхающихся на горячем песке китов обложили мокрыми тряпками, но вернуть их в родную стихию оказалось не так-то просто. Одну гринду с трудом поднимали шесть-семь человек; пришлось привезти на пляж подъемный кран. Но как ни торопились люди, им удалось спасти только семь китов, остальные погибли. До сих пор неизвестно, что заставило китов выброситься на берег.

Это странное происшествие случилось, когда, по утверждению газеты, Абст был уже мертв. Хочется верить, что некролог в «Курир» не фальшивый, и к гибели стада китов Абст отношения не имеет.

Впрочем, кто знает!.. С нацистами часто происходят необыкновенные превращения. Вот история гитлеровского врача-психиатра профессора Вернера Хейде. В годы войны Хейде вместе со своими коллегами истребил свыше двухсот тысяч человек. После капитуляции Германии его арестовали. Однако, как свидетельствует книга розыска западногерманской полиции: «Хейде, Вернер... бежал 25/VII 1947 года в районе Вюрцбурга при перевозке заключенных».

Хейде обнаружили сравнительно недавно. Где же он скрывался все эти годы? В Западной Германии! Приняв имя Заваде, он припеваючи жил в одном из городов земли Шлезвинг-Гольштейн, выдавая медицинские заключения судебным органам, прокуратуре, страховому ведомству. Причем правда об эксперте Заваде была известна решительно всем в ФРГ, кроме разве уголовной полиции...

В конце концов под давлением общественности власти «обнаружили» и арестовали Хейде. Предстоял громкий процесс. Однако до суда не дошло. Как было объявлено, накануне процесса Вернер Хейде повесился в своей камере.

Понистине странное самоубийство! Тем более странное, что за день до этого из окна восьмого этажа выпал и разбился врач-психиатр Фридрих Тильман, привлеченный к суду вместе с Хейде.

Действительно ли они погибли? В самом ли деле утонул Абст? В свое время тоже было объявлено о гибели шефа гестапо Генриха Мюллера. А потом выяснилось, что в могиле Мюллера лежит другой. Сам же Мюллер и не думал умирать. Он бежал: сперва в Австрию, оттуда в Италию, далее — за Пиренеи, в Испанию. Сейчас, как сообщает печать, он благополучно здравствует в Африке. Но это уже не Мюллер, а... мусульманин Амин Рашад!

А в Южной Америке, как говорят, отыскался след заместителя Гитлера по фашистской партии — Мартина Бормана, тоже в конце войны «похороненного» геббельсовской прессой.

Сведущие люди утверждают: к моменту окончания войны за пределами Германии находилось несколько сот тысяч нацистов. Переодетые в штатское, снабженные фальшивыми документами, деньгами, пафоями, адресами явок и убежищ, они расползались по свету, чтобы затаиться и ждать. Ждать, чтобы война стала историей и притупилась память человечества.

Сейчас они уже отыскиали друг друга, усиленно пополняют свои ряды, объединяются, пробуют силы. Они верят, что придет время, когда все можно будет начать сызнова.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	7
---------------------	---

Часть первая. I-W-I

Первая глава	13
Вторая глава	17
Третья глава	21
Четвертая глава	27
Пятая глава	37
Шестая глава	44
Седьмая глава	53

Часть вторая. Коническая скала

Первая глава	63
Вторая глава	73
Третья глава	78
Четвертая глава	87
Пятая глава	92
Шестая глава	104
Седьмая глава	111
Восьмая глава	120
Девятая глава	126
Десятая глава	132
Одиннадцатая глава	135
Двенадцатая глава	145

Часть третья. Безумцы

Первая глава	149
Вторая глава	159
Третья глава	165
Четвертая глава	175
Пятая глава	182
Шестая глава	191
Седьмая глава	203
Восьмая глава	212
Девятая глава	223
Десятая глава	229
Одиннадцатая глава	236
Заключение	250

К ч и т а т е л я м

ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ. МОСКВА, А-47,
УЛ. ГОРЬКОГО, 43 ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ.

Для среднего и старшего возраста

Насибов Александр Ашотович

Б Е З У М Ц Ы

Ответственный редактор *Н. М. Беркова*. Художественный редактор *Н. И. Комарова*. Технический редактор *Г. А. Подольная*. Корректоры *К. И. Петровская* и *З. С. Ульянова*.
Сдано в набор 24/VIII 1964 г. Подписано к печати 9/XI 1964 г. Формат 84×108¹/₂. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13.12. Уч.-изд. л. 12.86 Тираж 65 000 экз. ТП 1964 № 592 А08696 Цена 64 коп.
Издательство «Детская литература»
Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати
Москва, Суэцевский вал, 49 Заказ № 1064.

